

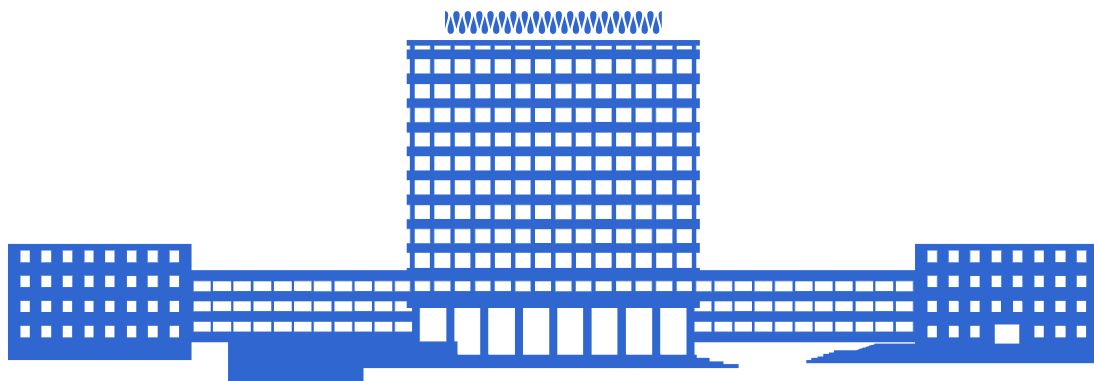
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 16 Выпуск 1 (47) 2020

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Т. 16. – Вып. 1 (47). – 140 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 2 от 6 марта 2020 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2020
© Авторы, 2020

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 16 Выпуск 1 (47) 2020

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2020

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 16 Issue 1 (47) 2020

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 16, Вып. 1 (47), 2020

Германские языки

<i>Долгополова Л. А.</i> Подлежащее в «Евангельской гармонии» Татиана.....	5
<i>Минина Е. В.</i> Характеризующий потенциал поэтонимов (на материале дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца»).....	14
<i>Шпальченко Э. П.</i> Актуальные вопросы возникновения акронимов и аббревиатур в парадигме глобализации языковых процессов (на примере военных авиационных терминов английского языка).....	25

Романские языки

<i>Белых А. Я., Глоба Т. Н.</i> Концептуальная картина мира в произведении «Маленький Принц» Антуана де Сент-Экзюпери как результат реализации художественной индивидуально-авторской концепции.....	44
<i>Попова Г. Е.</i> Теория релевантности: две концепции контекста.....	60

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Багиян А. Ю., Нерсесян Г. Р.</i> Универсальные и национальные черты языковой деловой картины мира в английском и русском языках.....	70
<i>Бекоева И. Д.</i> Этноспецифические особенности вербализации персонального дейксиса в билингвальной политической коммуникации.....	78
<i>Герасименко И. А.</i> Производные & вторичные цветообозначения в английском и украинском языках: к постановке проблемы.....	91
<i>Джисоева В. П.</i> Югоосетинский внешнеполитический дискурс в билингвальном аспекте..	101
<i>Калиущенко В. Д., Рябец А. В.</i> Типология артикля.....	114
<i>Мохосоева М. Н.</i> Оценочный компонент в густативной лексике (на материале английского, немецкого и украинского языков).....	123

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 16, Issue 1 (47), 2020

Studies in Germanic Languages

<i>Dolgopolova L. A.</i> Subject in Tatian's «Gospel Harmony».....	5
<i>Minina Ye. V.</i> Characterizing Potential of Poetonyms (Based on Ken Follett's Dilogy «The Pillars of the Earth» and «World Without End»).....	14
<i>Shpalchenko E. P.</i> Topical Issues of Acronyms and Abbreviations in the Paradigm of Language Processes Globalization (Based on English Military Aviation Terms).....	25

Studies in Romance Languages

<i>Byelykh A. Ya., Globa T. N.</i> Conceptual Picture of the World in the Work «The Little Prince» by Antoine de Saint-Exupery as a Result of the Implementation of Artistic Individual Concept of the Author.....	44
<i>Popova G. P.</i> Relevance Theory: Two Concepts of Context.....	60

Typological and Contrastive Studies

<i>Bagiyan A. Yu., Nersesyan G. R.</i> Universal and National Features of Business Language Worldview in English and Russian	70
<i>Bekoeva I. D.</i> Ethnospecific Peculiarities of Personal Deixis Verbalization in Bilingual Political Communication.....	78
<i>Gerasimenko I. A.</i> Defining the Problem of Derived and Secondary Colour Terms in English and Ukrainian.....	91
<i>Dzhioeva V. P.</i> Bilingual Aspect of Foreign Policy Discourse in the Republic of South Ossetia.....	101
<i>Kaliuščenko V. D., Ryabets A. V.</i> Article Typology.....	114
<i>Mokhosoeva M. N.</i> Evaluative Component in Gustatory Lexis (Based on English, German and Ukrainian).....	123

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81-112.2

© 2020 Л. А. Долгополова

ПОДЛЕЖАЩЕЕ В «ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ГАРМОНИИ» ТАТИАНА

В статье рассматриваются способы формирования подлежащего в древневерхненемецкий период на материале «Евангельской гармонии» Татиана. Устанавливается специфика выбора элементов группы подлежащего и их взаимосвязи, особенности согласования со сказуемым, расположение в предложении.

Ключевые слова: подлежащее, именная группа, предикация, согласование, древневерхненемецкий период.

© 2020 L. A. Dolgopolova

SUBJECT IN TATIAN'S «GOSPEL HARMONY»

The article considers the ways of subject formation in the Old High German on the material of the «Gospel harmony» of Tatian. The paper studies the specificity of the choice of the subject group elements and their relationships, peculiar features of the subject predicate agreement, the location of the subject in the sentence.

Key words: subject, nominal group, predication, agreement, Old High German.

Несмотря на то, что предложение относится к числу наиболее дискуссионных моментов современной лингвистики, вопрос о предикации как грамматической основе предложения у большинства ученых не вызывает каких-либо основательных возражений. Под предикацией, как правило, понимают отношение между подлежащим, указывающим на предмет мысли, и сказуемым, выражающим признак субъекта [Гак, 1986: 51-52].

Традиционно подлежащее и сказуемое характеризуют как главные члены предложения. Вопрос их взаимосвязи в лингвистике имеет долгую историю и сводится к признанию отношений трех видов:

- подлежащее и сказуемое рассматривают как равнозначные элементы предикации;
- подлежащему приписывается доминирующая роль в предикации [Левицкий, 2005: 177];
- сказуемое признается «центром» предикации (вербоцентристская теория) [Jungen, 2006: 103].

Вопрос вычленения подлежащего в предложении длительное время решался с позиций морфосинтаксических признаков: основными показателями считались наличие формы именительного падежа и факт его согласования по определенным категориям со сказуемым. При таком подходе «правильными» признавались двухсоставные предложения, так как

обязательная сочетаемость слов считалась важным способом организации развернутых синтаксических единиц [Адмони, 2004: 25]. Остальные предложения рассматривались как неполные, существование которых оправдывалось спецификой грамматического строя языка или определенными коммуникативными условиями.

За последние десятилетия теория синтаксиса претерпела сильные изменения в ключевых вопросах, в том числе в установлении роли и выявлении маркеров синтаксических единиц [Stefanowitsch, 2011: 22]. В отношении подлежащего последовал отказ от формы именительного падежа как его обязательного грамматического признака. Я. Г. Тестелец объясняет такой подход тем, что у именительного падежа «есть и другие, неактантные, функции: именные предложения (*Автобус!*), оформление именной части сказуемого ...» [Тестелец, 2001: 321]. В разработанной им таблице приоритетных признаков подлежащего [Тестелец, 2001: 342] наиболее значимыми в русском языке оказываются такие признаки, как «неспособность контролировать *pro* в целевых финитных конструкциях с *чтобы*», «контроль референции рефлексивов», «контроль числа и рода адъективных присказуемых имен в творительном падеже» и др. Для английского языка приоритетными признаками являются линейная позиция подлежащего, инверсия подлежащего и вспомогательного глагола и др. [Тестелец, 2001: 351].

В *Теории принципов и параметров* Н. Хомским (*теория контроля*) были разработаны *Правила контроля*, устанавливающие алгоритм обнаружения фонетически / графически невыраженного подлежащего (PRO) в нефинитных клаузах [Chomsky, 1993]. Это дает возможность выявить подлежащее там, где оно не выражено поверхностно. В этих случаях отсылкой к подлежащему может служить дополнение в косвенном падеже, возвратное местоимение и др.

Подлежащее в современной грамматике рассматривается как именная группа в составе предложения (клаузы), «которая характеризуется положительными значениями всех или большинства признаков грамматического приоритета» [Тестелец, 2001: 320], набор которых в различных языках не совпадает. Так, для подлежащего немецкого языка приоритетными можно считать форму именительного падежа, согласование по ряду категорий со сказуемым, контроль референции рефлексивов, контроль PRO инфинитивных оборотов со *чтобы* и др. Такие признаки, как *линейная позиция* и *структура расчлененного вопроса*, характерные для английского подлежащего, в немецком языке оказываются нерелевантными. А поскольку язык находится в постоянном развитии, можем предположить, что и признаки грамматического приоритета тоже

постоянно меняются. В связи с этим было бы интересно проследить механизм формирования группы подлежащего в диахронии.

Опираясь на современные подходы к осознанию синтаксических явлений, рассмотрим способы выражения подлежащего в древневерхненемецком памятнике «Евангельская гармония» Татиана. Этот текст представляет собой переводное произведение, созданное автором или группой авторов около 830 г. на восточнофранкском диалекте [Дмитриева, 2016: 247]. В истории германистики «Евангельская гармония» Татиана оценивается как дословный перевод с латинского языка, что значительно ограничивает «применение в нем метакоммуникативных языковых средств, служащих для управления процессом речевого взаимодействия, структурирования текста и комментирования собственных высказываний» [Дмитриева, 2016: 247].

Для таксономии данный факт не играет отрицательной роли, поскольку заимствования синтаксических явлений при переводе в некоторых случаях обогащают грамматический строй языка-реципиента. Например, инфинитивная клауза *accusativus cum infinitivo* попала в германские языки при переводе Библии с латинского языка. Сегодня эта конструкция вошла прочно в состав грамматической системы современных германских языков.

Что касается особенностей синтаксиса древневерхненемецкого периода, то они достаточно емко изложены в работах В. Г. Адмони, М. М. Гухман и др., опубликованных во второй половине прошлого века. Наиболее полное представление об особенностях древневерхненемецкого предложения представлено в работах В. Г. Адмони «Исторический синтаксис немецкого языка» (1963). По его мнению, описываемый нами период развития немецкого языка «не был беден средствами выражения синтаксических отношений между словами и между предложениями, причем самых различных, в том числе и весьма обобщенных и сложных логических отношений» [Адмони, 1963: 39].

В. Г. Адмони отмечает также появление в этот период новых средств расширения объема предложения за счет широкого распространения обязательной сочетаемости у глагола и вообще у ведущих членов в предложении и словосочетании; четкое размежевание основных синтаксических групп (группы существительного и группы глагола) в отношении входящих в эти группы форм и общих принципов организации группы [Адмони, 1963: 24-25].

В анализируемом нами тексте обращает на себя внимание факт разнообразия способов оформления подлежащего, его местонахождение в предложении и отдельные факты согласования, несовпадающего с нормами современного немецкого языка.

Рассмотрим следующие случаи оформления подлежащего в тексте:

(1) *Uuas in tagun Herodes thes cuninges Judeno sumêr biscof namen Zacharias fon themo uuesale Abiases inti quena imo fon Aarones tohterum inti iro namo uuas Elisabeth* (2,1)

Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета (Лк:1:5).

В данном предложении реализуются две предикации: первую образуют финитный глагол *Uuas* и согласующиеся с ним две сложные именные группы (далее NP) *sumêr biscof namen Zacharias fon themo uuesale Abiases* (NP₁) и *quena imo fon Aarones tohterum* (NP₂); вторую – именная группа *iro namo* и сложное именное сказуемое *uuas Elisabeth*.

Ядром NP₁ является существительное *biscof*, уточняемое дополнением в родительном падеже *namen Zacharias* и предложным дополнением *fon themo uuesale Abiases*. Ядро NP₂ – *quena* – также имеет предложное дополнение *fon Aarones tohterum* и посессивное местоимение *imo*. Оба подлежащих NP₁ и NP₂ согласуются со сказуемым *Uuas* в единственном числе: $[[V_f NP_1] NP_2]$, где $NP_1 = [Det S_1 Og Og Prep Det Od Og]$, $NP_2 = [S_2 Det Og Od]$, что нехарактерно для современного немецкого языка. В обоих случаях расширение именной группы подлежащего происходит за счет предложной конструкции с *fon*, где дательный падеж выполняет функцию локатива: *fon themo uuesale Abiases* и посессива: *fon Aarones tohterum*. Такой тип предложения и оформления подлежащего характерен для вступления, ввода в происходящее или описываемое.

Согласно В. М. Жирмунскому, становление именной группы в немецком языке произошло в результате перегруппировки, которая осуществлялась следующим образом: первоначально предлоги были непосредственно связаны с глаголом, а «всякая предложная конструкция служила определением глагола» [Жирмунский, 2019: 211]. Постепенно определение распространяется и на связанный с глаголом субъект или объект действия. Сочетания такого рода «становятся исходным пунктом для развития предложных конструкций, зависящих непосредственно от имени существительного или прилагательного и тем самым конкурирующих с соответствующими падежами [Жирмунский, 2019: 212].

В следующем примере (2) отмечается случай расщепления именной группы подлежащего:

(2) *Siu uihârun rehtu beidu fora gote, ...*(2,2)

Оба они были праведны пред Богом, ... (Лк 1:6)

С точки зрения современной грамматики мы наблюдаем два элемента группы подлежащего – личное местоимение *Siu* и собирательное числительное *beidu*, расположенные

дистантно. Между ними находится сказуемое *uuârun rehtu*. Вполне вероятно, что собирательное числительное могло выполнять в этот период функцию предикатива: *uuârun beidu*, т. е. *beidu* больше связано с глаголом, чем с ядром группы подлежащего.

Такое оформление подлежащего не является единичным случаем. В примере (3) мы также имеем дело с разрывом группы подлежащего:

(3) ... *inti al thiu menigî uuas thes folks ûzze*, ... (2,3)

... а все множество молилось вне во время каждения, ... (Лк 1:9).

Ядро группы *menigî*, сопровождаемое детерминантами *al* и *thiu*, притягивает дополнение в генитиве *thes folks*. Однако между ними находится сказуемое *uuas*, согласуемое с ядром группы подлежащего в числе и лице.

В. Г. Адмони отмечал «особую подвижность» партитивного родительного в древневерхненемецкий период, отмечая при этом наличие данного факта и в других индоевропейских языках. По его наблюдениям, родительный падеж ставится нередко в начале предложения, в отрыве от того имени, от которого он формально зависит и в этих случаях «начинает играть роль, аналогичную подлежащему, а господствующее слово оказывается сказуемым или частью сказуемого» [Адмони, 1963: 46]. В нашем случае в группе подлежащего четко определяется его ядро – существительное в именительном падеже (каноническое подлежащее) *menigî*, а родительный падеж, располагаясь удаленно от ядра, демонстрирует в большей степени связь со сказуемым.

Отмечаются также случаи фонетической / графической невыраженности подлежащего. В примере (4) подлежащее отсутствует:

(4) *Uuard thô*, ... (2,3)

Однажды, когда ... (Лк 1:8).

В современном немецком переводе подлежащее данного предложения оформляется местоимением *es*, получившим статус формального или грамматического подлежащего [Hentschel, 2013]: *Und es begab sich danach* (Лук. 2,1). Процесс его грамматикализации, «исторически восходящий в древневерхненемецкий период к четырем местоимениям (*sô* – значок-заместитель с указательной и сравнительной семантикой, *iz* – местоимение именит. и винит. падежа ср. р., ед. ч., *sih* – возвратное местоимение винит. падежа ср. р., ед. ч., *es (is)* – местоимение родит. падежа ср. р., ед. ч.), начинается в XVI веке» [Якушева, 2013: 5].

Двусоставная основа немецкого предложения в древневерхненемецком находилась в процессе формирования, поэтому отсутствие фонетически выраженного подлежащего встречается нередко. В некоторых случаях подлежащее-субъект легко восстанавливается, как например, (5). Здесь связь с отсутствующим подлежащим устанавливается через

рефлексивное местоимение *sînes* в первой части сложного предложения и *sîn* – во второй:
[V_f S], [PRO V_f...]

(5) *Inti gifulte uurdun thô tagâ sînes ambahtes, ging in sîn hûs;... (2,11)*

А когда окончились дни службы его, возвратился в дом свой (Лк 1:23).

Отсутствие канонического подлежащего отмечается также и в безличных предложениях с глаголом *gilimphan* ‘подобать’, ‘случаться’, валентность которого в древневерхненемецкий период предполагала связь с актантом в дательном падеже:

(6) *Gilamf inan uaran thuruh Samariam (87.1): [PRO V_f O_d(S) V_{inf}]*

Надлежало ему проходить через Самарию (Ин 4:4).

Дативно-инфинитивные конструкции такого типа имеют значение необходимости: *er musste aber durch Samarien reisen* [Joh. 4:4], где вводится каноническое подлежащее *er*.

Стоит отметить, что в другом переводном тексте Библии – Библии Отфрида, созданном между 863–871 гг., – с глаголом (*gi*)*limphan* употребляется формальное подлежащее *sô* или *iz*. В. Г. Адмони объясняет этот факт формированием тенденции «к сохранению устойчивой схемы синтаксических конструкций, к их более четкой структурной организации» [Адмони, 1963: 61].

Что касается предложений с отрицанием, где по наблюдениям лингвистов-историков в начале предложений находится родительный падеж в роли подлежащего, то в анализируемом нами тексте функционируют отрицания с начальным *nist*, формирующим дативно-инфинитивную конструкцию:

(7) *Quad Iohannes Herode: nist thir arloubit sia zi habenne (79, 1)*

Потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее (Мф 14:4);

(8) *Nist guot zi nemenna thero skindo brot inti zi uuerfenna huntun (85, 4)*

Он же казал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам (Мф 15:26).

Группу подлежащего в примерах (7) и (8) формирует инфинитивная клауза. В этот период ее также можно рассматривать как именную группу – инфинитив в этот период демонстрирует в большей мере признаки существительного, чем глагола: оба инфинитива – *zi habenne* и *zi uuerfenna* имеют форму дательного падежа.

В примере (7) в роли подлежащего выступает личное местоимение в дательном падеже матричного предложения – *thir*, поэтому подлежащее-реципиент инфинитивной клаузы легко восстанавливается: *Es ist nicht recht, dass du sie hast* (Matth. 14:4).

В следующем примере (8) – подлежащее носит неопределенно-личный характер, так как действие может быть отнесено к любому лицу вообще: *Aber doch essen die Hunde von den Brosamen, die vom Tisch ihrer Herren fallen* (Matth, 15: 26). В современном немецком переводе

мы обнаруживаем трансформацию неопределенно-личного предложения с инфинитивной клаузой в гипотаксис, где оба подлежащие имеют признаки канонического. Приращение, содержащееся в предложении Татиана, в современном переводе имеет латентный характер, поскольку исчезает обобщенный субъект, на который направлено действие.

В результате проведенного анализа именных групп подлежащего в древневерхненемецкий период можно сделать следующие выводы:

1) подлежащее в древневерхненемецком тексте «Евангельская гармония» Татиана является одним из главных элементов предикации: в большинстве анализируемых нами примеров подлежащее поверхностно выражено и обладает признаками канонического подлежащего (имеет форму именительного падежа и согласуется в числе и лице со сказуемым);

2) подлежащее древневерхненемецкого периода по своему оформлению является неоднородным: в анализируемом нами тексте в роли подлежащего выступали как именные группы с ядром-существительным, так и инфинитивные группы (клаузы). Ядром именной группы являются существительные в номинативе, притягивающие к себе предложные конструкции в дательном падеже;

3) активный процесс перегруппировки предложных конструкций в древневерхненемецкий период протекает неоднородно: конструкции с предлогами дательного падежа демонстрируют большую степень грамматикализации, поскольку занимают контактную позицию по отношению к ядру группы подлежащего. Связь ядра группы подлежащего с генитивным дополнением носило более свободный характер; дополнение в родительном падеже могло выходить за рамки группы подлежащего и входить в группу сказуемого;

4) именная группа подлежащего в древневерхненемецкий период обладает неустойчивыми связями, локацией и имеет подвижный характер, что свидетельствует о незаконченном на данный момент процессе его формирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. Москва: Государственное издательство «Высшая школа», 1963. 338 с.
2. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 104 с.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. Москва: Высшая школа, 1986. 219 с.
4. Дмитриева М. Н. О чем рассказывает древневерхненемецкий метатекст // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 247-250.
5. Жирмунский В. М. История немецкого языка. Москва: УРСС, 2019. 410 с.
6. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса. Москва: КомКнига, 2005. 368 с.

7. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. Москва: Российский гуманитарный университет, 2001. 800 с.
8. Якушева О. В. Предложения с компонентом *es* в немецком языке и их синтаксические эквиваленты в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Екатеринбург, 2013. 25 с.
9. Chomsky N. Lectures on Government and Binding. The Pisa Lectures. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993. 371 p.
10. Jungen O., Lohnstein H. Einführung in die Grammatiktheorie. München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. 165 S.
11. Hentschel E. Es war einmal Subjekt. Available at: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/875/1524>. (accessed: 26.11.2019).
12. Stefanowitsch A. Konstruktionsgrammatik und Grammatiktheorie // A. Lasch & a. Ziem (eds.) Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze. Tübingen: Stauffeburg, 2011. S. 13-27.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

German Lexicon Project. Texts. Ed. Sievers. Tatian: Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar, second edition, 1892. Available at: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/ohg_sievers_tatian_about.html. (accessed: 03.10.2019).

REFERENCES

1. Admoni, V. G. (1963). *Istoricheskiy sintaksis nemetskogo yazyka* [Historical syntax of the German language]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo «Vysshaya shkola». (In Russ.).
2. Admoni, V. G. (2004). *Osnovy teorii grammatiki* [Basics of grammar theory]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
3. Gak, V. G. (1986). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka: Sintaksis* [Theoretical grammar of French language: syntax]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
4. Dmitrieva, M. N. (2016). *O chem rasskazyvaet drevneverhnenemetskiy metatekst* [What does the old high German metatext tell us]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1(27). Pp. 247-250. (In Russ.).
5. Zhirmunskiy, V. M. (2019). *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of the German language]. Moskva: URSS. (In Russ.).
6. Levitskiy, Yu. A. (2005). *Osnovy teorii sintaksisa* [Basics of the theory of syntax]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
7. Testelec, Ya. G. (2001). *Vvedenie v obshhiysintaksis* [Introduction to general syntax]. Moskva: Rossiyskiy gumanitarnyy universitet. (In Russ.).
8. Yakusheva, O. V. (2013). *Predlozheniya s komponentom es v nemetskom yazyke i ikh sintaksicheskie ekvivalenty v russkom yazyke* [Sentences with *es* component in German and their syntactic equivalents in Russian]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Ekaterinburg. (In Russ.).
9. Chomsky, N. (1993). *Lectures on Government and Binding*. The Pisa Lectures. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
10. Jungen, O., Lohnstein, H., (2006). *Einführung in die Grammatiktheorie*. München: Wilhelm Fink Verlag.
11. Hentschel, E. (2013). *Es war einmal Subjekt*. Available at: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/875/1524>. (accessed: 26.11.2019).
12. Stefanowitsch, A. (2011). *Konstruktionsgrammatik und Grammatiktheorie*. In A. Lasch & a. Ziem (eds.), *Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze*. Tübingen: Stauffeburg. S. 13-27.

ILLUSTRATIVE MATERIAL

German Lexicon Project. Texts. Ed. Sievers. Tatian: Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar, second edition, 1892. Available at: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/ohg_sievers_tatian_about.html. (accessed: 03.10.2019).

Долгополова Лилия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии (e-mail: lilian2000@mail.ru), Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» 295015, Республика Крым, Симферополь, пер. Учебный, 8

Dolgopolova Liliya A. – Doctor of Philology Professor, Head of German Philology Department (e-mail: lilian2000@mail.ru), State Educational Institution of Higher Education Republic of Crimea «Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov» 8, Uchebny str., Simferopol, Republic of Crimea, 295015

Поступила в редакцию 25 ноября 2019 г.

УДК 811.111'373.2

© 2020 Е. В. Минина

ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЭТОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИЛОГИИ КЕНА ФОЛЛЕТТА «СТОЛПЫ ЗЕМЛИ» И «МИР БЕЗ КОНЦА»)

Статья посвящается изучению характеризующего потенциала поэтонимов дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца». В работе исследовано понятие характеризующей функции, проанализированы различные семантические классы поэтонимов дилогии Кена Фоллетта в данной функции. В ходе изучения поэтонимов установлено, что антропопоэтонимы, библиопоэтонимы, идеопоэтонимы и зоопоэтонимы могут характеризоваться эксплицитно или имплицитно.

Ключевые слова: поэтоним, характеризующая функция, «говорящие» имена, апеллятив. этимология.

© 2020 Ye. V. Minina

CHARACTERIZING POTENTIAL OF POETONYMS (BASED ON KEN FOLLETT'S DILOGY «THE PILLARS OF THE EARTH» AND «WORLD WITHOUT END»)

The article focuses on the study of characterizing potential of poetonyms of Ken Follett's diology «The Pillars of the Earth» and «World without end». In the research the term of characterizing function is considered, various semantic classes of poetonyms of Ken Follett's diology are analysed. The study of the poetonyms shows that antropopoetonyms, bibliopoetonyms, ideopoetonyms and zoopoetonyms can be characterised explicitly or implicitly.

Key words: poetonym, characterizing function, speaking names, appellative, etymology.

Поэтонимы могут быть прямым или косвенным обозначением персонажей и объектов. Вместе с этим коннотативные характеристики, которые вводятся в текст собственным именем, позволяют точнее и полнее интерпретировать художественный замысел произведения [Бардакова, 2006: 218], а также служат для раскрытия языковой личности писателя. Исследование характеризующего потенциала поэтонимикона дилогии Кена Фоллетта актуально с точки зрения отражения взаимовлияния языковых механизмов и социокультурных факторов в процессе функционирования поэтонимов. Целью данной статьи является установление и описание характеризующих возможностей поэтонимикона на материале дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца» путем анализа средств реализации характеризующей функции поэтонимов.

Писателю необходимо считаться с общеязыковыми ономастическими нормами, с реальной ономастикой [Карпенко, 1986: 35], так как существует неразрывная связь между реальными онимами и поэтонимами. А. А. Живоглядов утверждает, что «последние не

являются чистой «выдумкой» писателя, а продолжают общую линию семантического развития личного имени собственного как одного из старейших «приобретений» человеческой культуры» [Живоглядов, 1998: 123]. В отличие от имени в реальной жизни, поэтонимы в художественном произведении семантически наполнены, поскольку дополнены характеризующей функцией. По мнению А. В. Суперанской, писатель параллельно создает имя и образ, которые взаимно уточняют и дополняют друг друга [Суперанская, 1973: 133]. П. А. Флоренский добавляет, что «когда складываются в типичный образ наши представления, то имя вплетается в само строение этого образа, и выделить его оттуда не удастся иначе, как разрушая сам образ» [Флоренский, 2007: 34].

Как отмечает О. А. Леонович, в художественных произведениях собственным именам отведена роль своеобразных очень лаконичных характеристик [Леонович, 1994: 113]. Считается, что в семантику имени закладывается лингвистическая и экстралингвистическая информация [Павлюк, 2002: 246], а в литературной ономастике «языковая информация имени используется как стилистическое средство дополнительной характеристики персонажей» [Суперанская, 1970: 15], поэтому поэтонимы выполняют не только номинативную функцию, но и приобретают характеризующую значимость [Таич, 1974: 3]. По словам В. М. Калинин, с помощью поэтонима всегда осуществляется характеристика названного субъекта или объекта в явной или неявной форме [Калинкін, 2000: 14], поэтому характеристика может находиться на поверхности или прятаться в фонетической структуре или этимологии [Крупеньова, 2001: 14].

По определению М. Р. Мельник, характеризующая функция – это функция, «по которой оним именно квалифицирует своего носителя, а не определяет его хронологический, социальный или возрастной статус» [Мельник, 1999: 15]. В. М. Калинин, напротив, констатирует, что формальные признаки имен выполняют в художественной литературе непосредственно характеризующую функцию, ведь позволяют сделать вывод о принадлежности персонажа к определенной национальности, профессии, социальной среде и т. д. [Калинкін, 2000: 15]. В то же время, Н. В. Васильева к характеризующей функции относит все, что касается красноречивых имен, экспрессивности имен, эмоциональной оценки. Она утверждает, что именно эта функция была любимой темой исследований в течение нескольких десятилетий, и заинтересованность этой темой не исчерпывается [Васильева, 2009: 137], поскольку, как писал Ю. Н. Тынянов, в литературном произведении нет некресноречивых имен [Тынянов, 2002: 186-187].

Итак, характеристика может быть явной и скрытой [Bertills, 2003: 51], эксплицитной и имплицитной. Одним из распространенных средств создания собственных имен в художественном произведении являются смысловые ассоциации. Многие ученые считают, что большинство персонажей с так называемыми «говорящими» именами являются примерами явной формы характеристики [Калінкін, 2000: 14], ведь «красноречивые» имена выделяют какие-то признаки их носителей. Как отмечает Н. Ю. Тодорова, «имя становится признаком, характерной деталью какого-либо явления, и эти конкретные коннотации антропонимов ложатся в основу их стилистического обыгрывания писателем» [Тодорова, 1987: 110]. В. А. Никонов называет такие поэтонимы «говорящими», «значимыми», «знаменательными», «содержательными» именами и понимает под ними этимологическое (доантропонимическое) значение имени персонажа, которое сразу раскрывает его сущность [Никонов, 1974: 243]. Таким образом, можно предположить, что «характеризующий потенциал поэтонимов произведения скрывается в доонимной семантике и раскрывается на фоне энциклопедической характеристики персонажа-денотата» [Климчук, 2004: 8].

Одним из средств реализации характеризующей функции является стилистический прием антономазия – «использование собственных имен в значении нарицательных, и, наоборот, нарицательных в значении собственных» [Гальперин, 1958: 135]. Он действительно имеет много общего с «говорящими» именами, но нельзя отождествлять все «говорящие» имена с антономазией, ведь «говорящие» имена не теряют своей индивидуализирующей функции, в то время как антономазия – это путь преобразования имен в нарицательные [Зайцева, 1973: 36]. Но, несомненно, данный стилистический прием раскрывает сущность персонажа, характеризуя его и подчеркивая некую черту или качество. Лучше всего характеризующую функцию выполняют антропопоэтонимы: имена, прозвища, фамилии и этнопоэтонимы. Что касается личных имен, следует отметить, что характеризующая функция раскрывается в их этимологии, например, *Agnes* (греч. «чистая, добродетельная») [Рыбакин, 1989: 28-29] – в произведении «Столпы Земли» жена Тома добрый и честный человек, *Jonathan* (древнееврейск. «Божий подарок») [Рыбакин, 1989: 118] – сын Тома, которого ему родила жена и умерла во время родов, но Бог оставил ему ребенка. Характеризующая функция может раскрываться также в экзотичности личных имен, когда среди исконно английских имен употребляются нетипичные для английского именника антропопоэтонимы, основной функцией которых является выделение национального признака их носителей. Так, например, арабские

имена *Raschid, Raya, Aysha, Ismail* принадлежат испанцам, французские имена *Suger, Pierre, Guillaume, Louis, Jackatte-Novén, Charlemagne, Enjurer, Eustace* принадлежат преимущественно французам, а итальянские имена *Agostino, Alessandro, Buonaventura, Elizabetta, Gianni, Laura, Loro, Martina, Silvia* указывают на то, что персонажи – итальянцы по происхождению. Самым ярким примером реализации характеризующей функции является использование прозвищ и фамилий, все из которых являются «говорящими» благодаря их допозитивной семантике. Некоторые исследователи прозвищ разделяют их на три типа (прозвища антропонимного происхождения; прозвища, которые содержат в себе характеристику носителя; прозвища, которые имеют информацию о носителе, кроме его внешней характеристики) [Наливайко, 2005: 109], а к характеризующим относят только прозвища по физическим признакам носителя [Наливайко, 2004: 125].

Как показал компонентный анализ, прозвища и фамилии в зависимости от семантики и этимологии могут нести характеризующую информацию о целом ряде особенностей и качеств денотата и, следовательно, они могут характеризовать персонажей по определенным признакам: родственным связям (*Jack Jackson* – «сын Джека», *Jack Tomson* – «сын Тома»); месту рождения персонажа, месту его проживания или владения определенным местом (*Wulfric Wigleigh, Peter of Wareham, Philip of Gwynedd, Alfred of Kingsbridge*); его национальности (*Malachi the Jew* – «еврей», *Rees Welsh* – «валлиец»); роду деятельности или профессии персонажей (*Edward Butcher* – «мясник», *Elfric Builder* – «строитель», *David Merchant* – «торговец», *Enid Brewster* – «пивовар»); внешнему виду персонажей (*John Small* – «невысокого роста», *Edward Twonose* – «двуносый (из-за большой бородавки на носу)», *Otto Blackface* – «со смуглым лицом»); отдельным деталям одежды персонажей (*Jack Flathat* – «неглубокая шляпа»); умственным, физическим способностям и недостаткам героев (*Crazy Nell* – «сумасшедший», *Marla Wisdom* – «мудрый»); личным качествам и заслугам носителя имени (*Charles the Great* – «великий», *Giles Lionheart* – «львиное сердце»); социальному и семейному статусу (*Meg Widow* – «вдова», *Merthin Bastard* – «внебрачный ребенок»); интересам или роду деятельности, связанным с каким-то предметом или объектом (*Peter Chisel* – «с резак (мастер по гравировке, скульптуре)», *Robert Pipe* – «свирель (игрок на свирели)»); возрасту персонажей (*Old Julie* – «старый», *Young Richard* – «молодой»); нравственным качествам человека (*Edward Grim* – «непреклонный, неумолимый», *Waleran Bigod* – «религиозный фанатик; человек, нетерпимый к чужому мнению»). Результаты проведенного анализа показывают, что очень часто прозвищем становится апеллятив, но в качестве прозвища он переосмысливается, несет дополнительную смысловую нагрузку [Наливайко, 2004: 125].

Именно апеллатив определяет этимологическое значение поэтонима и несет в себе ту или иную информацию о персонаже. Как показал анализ, только некоторые прозвища и фамилии, указывающие на родственные связи, место рождения и проживания, не были образованы от апеллативов, они имеют отантропопоэтонимное или оттопопоэтонимное происхождение. Что касается всех остальных характеризующих фамилий и прозвищ, то они, безусловно, являются «говорящими» и «содержательными», поскольку их допоэтонимная семантика совпадает со значением определенного апеллатива.

Известно, что происхождение топопоэтонимов, личных имен, фамилий комментируется автором в произведении довольно редко, а вот указание писателем мотивации или внутренней формы прозвищ является почти обязательным, поэтому, когда в произведение вводится прозвище, оно почти всегда используется после личного имени и сопровождается объяснением в контексте: «... *whom Caris recognized as Saul Whitehead, so called because his hair - what little he had left after his monkish haircut - was ash blond*» [Follett, 2008: 34] (мотивировано внешними чертами персонажа). Именно контекст помогает определиться с внутренней формой прозвища в примере «*He was in the crowd, some distance away, talking to Bessy Bell, daughter of the landlord of the Bell Inn*» [Follett, 2008: 277], где прозвище определяется названием трактира, который возглавлял отец девушки. В дилогии есть случаи, когда прозвища употребляются без предшествующих им личных имен, но благодаря апеллативам, с которыми они ассоциируются и от которых они были образованы путем поэтонимизации, их семантика становится достаточно прозрачной: «*A third man came running up. 'Take Redcoat here into the castle and tie him up'*» [Follett, 1990: 553], где под *Redcoat* (от англ. «красное пальто») подразумевается «человек в пурпурной сутане», то есть средневековый католический прелат. В произведении «Мир без конца» вымышленные прозвища *Princess* (от англ. «принцесса»), *Angel of Kingsbridge* (от англ. «ангел Кингзбриджа») и *Mr. Handsome* (от англ. «мистер привлекательность») созданы писателем на основе апеллативов и характеризуют персонажей, в первом случае – как девушку благородного происхождения с привлекательной, даже сказочной внешностью: «... *he was astonished to see the Princess. She was even more beautiful than he remembered. In those days she had had a rounded, voluptuous, girlish body dressed in costly clothes*» [Follett, 1990: 480], а в других двух случаях характеризует героев с точки зрения их необычной внешности.

Весомым характеризующим потенциалом обладают и этнопоэтонимы, которые делятся на нехарактеризующие и характеризующие. К первым относятся этнопоэтонимы,

которые уже в своей семантике имеют четкое указание на национальность и место проживания: *the Scots, the Venetians, the Florentines*. Нехарактеризующие этнонимы используются как сами по себе («*But what about the Frenchman?*» [Follett, 1990: 32], «*He was Greek*» [Follett, 1990: 750]), так и предшествуют существительным, на этническую принадлежность которых они указывают (*Anglo-Norman barons, Flemish pilgrims, a Saracen woman, an English bishop, Parisian citizens*). Характеризующие этнопоэтонимы, в свою очередь, сопровождаются дополнительными характеризующими лексемами, которые могут описывать внешность определенного этноса («*There were lots of red-headed Normans*» [Follett, 1990: 740], «*He knew, in theory, that Saracens had brown skin*» [Follett, 1990: 794]), черты характера («*She often made fun of Toledo society manners – the snobbery of the Arabs, the fastidiousness of the Jews, and the bad taste of the newly rich Christians*» [Follett, 1990: 748], «... *but modern-minded Italians did not like the architecture of France and England ...*» [Follett, 2008: 604]. Кроме того, почти в каждом предложении, в котором говорится о евреях (*the Jews*), упоминается их благосостояние («*wealth*»), наличие денег («*money*») и возможность одолжить («*to borrow*»), т. е. из контекста становится очевидным, что народ в то время был очень состоятельным и достиг больших успехов во многих сферах жизни: «... *a monastery could always borrow money from the Jews*» [Follett, 1990: 235], «*The wealth of the Jews of Lincoln was famous ...*» [Follett, 1990: 554].

Благодаря богатой семантике библиопоэтонимы также обладают характеризующим потенциалом, при этом характеристика может быть прямой и полной, косвенной и частичной [Павлюк, 2002: 246]. Примером прямой характеристики может быть то, как Кен Фоллетт называет священнослужителей «*the men of God*» (от англ. «Божьи мужи»), несомненно, вкладывая положительную характеристику в их характеры: «*As men of God the bishops had no need of castles ...*» [Follett, 1990: 529], то есть характеризует их как людей, избранных Богом, которые должны действовать согласно его воле, от имени Бога и прославлять его. Примером косвенной характеристики-аллюзии может служить сравнение персонажа саги «Столпы Земли» Уильяма Хэмли с самим дьяволом: «*He wondered whether William Hamleigh was in fact the Devil incarnate: he caused more misery than seemed humanly possible*» [Follett, 1990: 667], то есть писатель характеризует персонажа как отрицательного, полного ненависти и злобы, агрессии, жажды крови и мести за уязвленное самолюбие. И, для контраста, Кен Фоллетт сравнивает настоятеля монастыря Кингзбридж Филиппа с библейским Иовой, который всю свою жизнь посвятил службе Богу, поклонялся ему, и, несмотря на все жизненные испытания, измены и страдания, которые выпали на его долю, не утратил веры в него: «*Like Job, Philip had worked hard all his life to do God's will to the*

best of his ability; and like Job, he had been rewarded with bad luck, failure and ignominy» [Follett, 1990: 790].

Идеопоэтонимы дилогии также наделены характеризующим потенциалом. Употребление идеопоэтонимов в речи персонажей характеризует их как умных, начитанных и образованных людей. Среди таких персонажей в произведении «Столпы Земли» можно назвать Элен, Филиппа, Джека, Алиену и целую группу монахов. Однако следует отметить, что некоторые идеопоэтонимы привязаны к определенным персонажам. Так, Алиена, воспитывавшаяся как истинная леди, интересовалась в основном литературными произведениями: «*One Sunday Aliena read the Romance of Alexander to him, just for a change*» [Follett, 1990: 601], Джек – разносторонне развитый человек, который знал наизусть много литературных произведений: «*'I know a lot of stories,' he said. 'know the Song of Roland, the Pilgrimage of William of Orange ...*» [Follett, 1990: 580], увлекался строительством и математикой, необходимой ему для строительства, поэтому изучал литературу по геометрии: «*I've been reading Euclid. Euclid's Elements of Geometry had been one of the first books translated*» [Follett, 1990: 750], благодаря матери знал истории из Библии и, в силу того, что некоторое время был послушником в монастыре, читал также и источники религиозного характера. Совершенно очевидно, что Филиппа как настоятеля монастыря и других церковных служителей интересовала литература религиозного характера, а именно священная книга Библия и настольная книга католических монахов Закон Святого Бенедикта: «*The prior was, at his title implied, only the first among equals, and they swore obedience to the Rule of St Benedict, not to monastic officials*» [Follett, 1990: 145], «*Philip would be at the prior's house, reading his Bible*» [Follett, 1990: 314]. Кроме того, монахи с восторгом читают и переписывают и другие религиозные источники, увлекаются философскими трактатами, принимают активное участие в жизни общества Средневековья, отсюда и интерес к общественно-политическим источникам. В саге «Мир без конца» идеопоэтонимы охарактеризовали Кэрис, Мерзина и всех церковнослужителей как умных и образованных людей. Как и в произведении «Столпы Земли», все монахи и монахини умели читать и писать, поэтому непременно читали церковную литературу. Мерзин в детстве учился в монашеской школе, изучил там латынь, научился читать и писать и, увлекаясь строительством, с удовольствием перечитал историю строительства Кингзбриджа: «*In the monastery library there is a history of the priory, called Timothy's Book, that tells all about the building of the cathedral ... I read it as a boy at the monks 'school*» [Follett, 2008: 61]. Кэрис не просто интересовалась медициной и литературой

медицинского характера: «*The books were medical texts, all in Latin. Caris looked through them. They were the classics: Avicenna's Pom on Medicine, Hippocrates' Diet and Hygiene, Galen's On the Parts of Medicine, and De Urinis by Issac Judaeus*» [Follett, 2008: 870], а и сама написала медицинский справочник на английском языке *The Kingsbridge Panacea* (от англ. «панацея Кингзбриджа»).

И, наконец, характеризующую силу в диалогии демонстрируют зоопозтонимы. Называя животных, писатель сразу их характеризует, благодаря определенным признакам животных, поэтонимизируя апеллятив, с которым зоопозтонимы соотносятся. Такой процесс характерен, например, для гипонима *Blackie*, в основе которого лежит апеллятив *black* (от англ. «черный»), характеризующий коня по масти. Но следует отметить, что зоопозтонимы могут характеризовать не только само животное, но и его хозяина. Контрастность кинонимов в примере «*The two dogs, Scrap and Skip, greeted each other with joyful enthusiasm. They were from the same litter, though they did not look similar: Skip was a brown boy dog and Scrap a small black female. Skip was a typical village dog, lean and suspicious, whereas the city-dwelling Scrap was plump and contented*» [Follett, 2008: 112] переносится на их обладателей. Так, хозяйка *Skip* Гвенда – бедная деревенская девушка, некрасивая и худая, скрытная и подозрительная, и, наоборот, хозяйка *Scrap* Кэрис – городская девушка, привлекательная, здравомыслящая, решительная и целеустремленная. Фелиноним *Archbishop* (от англ. «архиепископ») также характеризует скорее хозяина, чем самого кота. Годвин, хозяин кота («*Caris spotted Godwyn's cat... The novices called it Archbishop*» [Follett, 2008: 696]), – важный и амбициозный человек, который всю жизнь мечтал о власти и сане архиепископа.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в диалогии Кена Фоллетта характеризующую функцию выполняют такие разряды поэтонимов как антропопоэтонимы, библиопоэтонимы, идеопоэтонимы и зоопозтонимы. Хотя ученые утверждают, что самыми важными в литературном произведении являются антропопоэтонимы и именно они обладают мощнейшей характеризующей силой, что среди них «нет некрасноречивых, нейтральных, стилистически немаркированных имен, а имя персонажа венчает художественный образ и придает ему совершенство» [Бардакова, 2009: 48], тем не менее не следует пренебрегать характеризующим потенциалом других разрядов поэтонимов. В результате исследования установлено, что поэтонимы наделены характеризующим потенциалом и могут выполнять характеризующую функцию в художественном тексте эксплицитно или имплицитно. Перспективным направлением

исследования считается сопоставление характеризующих возможностей поэтонимов в тексте оригинала и в тексте перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардакова В. В. Онимы в художественном мире литературной сказки // Ономастика Поволжья. Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. С. 214-218.
2. Бардакова В. В. «Говорящие» имена в детской литературе // Вопросы ономастики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. № 7. С. 48-56.
3. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009. 224 с.
4. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
5. Живоглядов А. А. Реализация поэтической функции английских имен собственных личных. Москва: Прометей, 1998. 140 с.
6. Зайцева К. Б. Английская стилистическая ономастика. Текст лекций. Одесса, 1973. 68 с.
7. Калінкін В. М. Теоретичні основи поетичної ономастики: автореф. дис. ... докт. філол. наук: 10.02.02, 10.02.15. Київ, 2000. 22 с.
8. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. Москва, 1986. № 4. С. 34-40.
9. Климчук О. В. Літературно-художній антропонімікон П. Куліша: склад, джерела, функції: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Ужгород, 2004. 19 с.
10. Крупеньова Т. І. Ономастика драматичних творів Лесі Українки: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Одеса, 2001. 17 с.
11. Леонович О. А. Очерки английской ономастики. Москва: Интерпракс, 1994. 120 с.
12. Мельник М. Р. Ономастика творів Ліни Костенко: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Одеса, 1999. 21 с.
13. Наливайко М. Я. До питання про прізвиська за фізичними ознаками носія // Студії з ономастики та етимології. Київ, 2004. С. 123-125.
14. Наливайко М. Я. Українські прізвиська // Новітня філологія. Миколаїв: МДГУ, 2005. № 1 (21). С. 109-113.
15. Никонов В. А. Имя и общество. Москва: Наука, 1974. 278 с.
16. Павлюк Н. В. Мифологическая и библейская онимия как источник именованія персонажей // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк: Донеччина, 2002. Вып. 8. С. 243-256.
17. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
18. Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 7-17.
19. Таич Р. У. Антропонимия сатирического текста (на материале призведений М. Е. Салтыкова-Щедрина). Черновцы, 1974. 48 с.
20. Тодорова Н. Ю. Антропонимия Марка Твена: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. Одесса, 1987. 213 с.
21. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Литературная эволюция. Избранные труды. Москва: Аграф, 2002. С. 167-188.
22. Флоренский П. А. Тайна имени. Москва: Мартин, 2007. 384 с.
23. Bertills Yvonne. Beyond identification: Proper names in children's literature. Abo: Abo Academi University Press, 2003. 280 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен: 4000 имен. Москва: Рус. яз., 1989. 224 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Follett Ken. *The Pillars of the Earth*. London: Pan Books, 1990. 1076 p.
2. Follett Ken. *World Without End*. New York: New American Library, 2008. 1015 p.

REFERENCES

1. Bardakova, V. V. (2006). Onimy v khudozhestvennom mire literaturnoy skazki [Onyms in the literary world of a fairy tale]. In *Onomastika Povolzhya*. Ufa: Izd-vo BGPU. Pp. 214-218. (In Russ.).
2. Bardakova, V. V. (2009). «Govoryashchie» imena v detskoj literature [Speaking names in children's literature]. In *Voprosy onomastiki*. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta. No. 7. Pp. 48-56. (In Russ.).
3. Vasileva, N. V. (2009). *Sobstvennoe imya v mire teksta* [Proper names in the world of the text]. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom». (In Russ.).
4. Galperin, I. R. (1958). *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Sketches on stylistics of the English language]. Moskva: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.).
5. Zhivoglyadov, A. A. (1998). *Realizatsiya poeticheskoy funktsii angliyskikh imen sobstvennykh lichnykh* [Realisation of poetic function of English proper personal names]. Moskva: Prometei. 140 p. (In Russ.).
6. Zaitseva, K. B. (1973). *Angliyskaya stilisticheskaya onomastika. Tekst lektsii* [English stylistic onomastics. The text of the lecture]. Odessa. (In Russ.).
7. Kalinkin, V. M. (2000). *Teoretychni osnovy poetychnoiy onomastyky* [Theoretical bases of poetic onomastics]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.02, 10.02.15. Kyiyv. (In Ukr.).
8. Karpenko, Yu. A. (1986). *Imya sobstvennoe v khudozhestvennoy literature* [Proper name in fiction]. In *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. Moskva. No. 4. Pp. 34-40. (In Russ.).
9. Klymchuk, O. V. (2004). *Literaturno-khudozhniy antroponimikon P. Kulisha: sklad, dzherela, funktsiiy* [Literary and artistic antroponymicon of P. Kulish: contents, sources, functions]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Uzhgorod. (In Ukr.).
10. Krupenova, T. I. (2001). *Onomastyka dramatychnykh tvoriv Lesi Ukrainky* [Onomastics of Lesya Ukrainka's dramatic works]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Odesa. (In Ukr.).
11. Leonovich, O. A. (1994). *Ocherki angliyskoy onomastiki* [Sketches of English onomastics]. Moskva: Interpraks. (In Russ.).
12. Melnyk, M. R. (1999). *Onomastyka tvoriv Liny Kostenko* [Lina Kostenko's onomastics]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Odesa. (In Ukr.).
13. Nalivayko, M. Ya. (2004). Do pytannya pro prizvyska za fizychnymy oznakamy nosiya [The question of nicknames due to physical features of the owner]. In *Studiyy z onomastyky ta etimologiyi*. Kyuyiv. Pp. 123-125. (In Ukr.).
14. Nalivayko, M. Ya. (2005). Ukrayinski prizvyska [Ukrainian nicknames]. In *Novitnya filologiya*. Mikolayiv: MDGU. No. 1 (21). Pp. 109-113. (In Ukr.).
15. Nikonov, V. A. (1974). *Imya i obshchestvo* [A name and society]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
16. Pavlyuk, N. V. (2002). Mifologicheskaya i bibleyskaya onimiya kak istochnik imenovaniya personazhey [Mythological and biblical onyms as a source of naming characters]. In *Vostochnoukrainskiy lingvisticheskiy sbornik*. Donetsk: Donechchyna. Vyp. 8. Pp. 243-256. (In Russ.).

17. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of a proper name]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
18. Superanskaya, A. V. (1970). *Yazykovye i vneyazykovye assotsiatsii sobstvennykh imen* [Linguistic and non-linguistic associations of proper names]. In *Antroponimika*. Moskva: Nauka. Pp. 7-17. (In Russ.).
19. Taich, R. U. (1974). *Antroponimiya satiricheskogo teksta (na materiale proizvedeniy M. E. Saltykova-Shchedrina)* [Antroponyms of a satiric text (based on M. E. Saltykov-Shchedrin's works)]. Chernovtsy. (In Russ.).
20. Todorova, N. Yu. (1987). *Antroponimiya Marka Tvena* [Mark Twain's antroponymicon]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Odessa. (In Russ.).
21. Tynyanov, Yu. N. (2002). *Literaturnyy fakt* [A literary fact]. In *Literaturnaya evolyutsiya. Izbrannye trudy*. Moskva: Agraf. Pp. 167-188. (In Russ.).
22. Florenskiy, P. A. (2007). *Taina imeni* [Mystery of a name]. Moskva: Martin. (In Russ.).
23. Bertills, Yvonne. (2003). *Beyond identification: Proper names in children's literature*. Abo: Abo Academi University Press.

LEXICOGRAPHICAL SOURCE

Rybakin, A. I. (1989). *Slovar angliyskikh lichnykh imen: 4000 imen* [The Dictionary of English personal names: 4000 names]. Moskva: Rus. yaz. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Follett, Ken. (1990). *The Pillars of the Earth*. London: Pan Books.
2. Follett, Ken. (2008). *World Without End*. New York: New American Library.

Минина Елена Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода (e-mail: goltsmanelena@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» 84626, Горловка, ул. Рудакова, д. 25.

Minina Yelena V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Lecturer of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation Department (e-mail: goltsmanelena@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute of Foreign Languages» 25, Rudakova str., Gorlovka, 84626

Поступила в редакцию 13 января 2020 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АКРОНИМОВ И АББРЕВИАТУР В ПАРАДИГМЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЕННЫХ АВИАЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье на основе когнитивного метода изучения возникающих на современном этапе развития языка акронимов и аббревиаций военного авиационного терминополья, факторов их формирования, дан прогноз в области использования возможных моделей пополнения многокомпонентных терминологических сочетаний военной авиации и их аббревиативных вариантов на ближайшее время. Практическое применение данного исследования лежит в области составления специальных словарей и глоссариев, обучения авиационному английскому языку профессиональной сферы общения, а также когнитивного исследования глобальных языковых процессов в современном меняющемся мире.

Ключевые слова: авиационный термин, многокомпонентный термин, акроним, аббревиатура, глобализация, продуктивная модель.

© 2020 E. P. Shpalchenko

TOPICAL ISSUES OF ACRONYMS AND ABBREVIATIONS IN THE PARADIGM OF LANGUAGE PROCESSES GLOBALIZATION (BASED ON ENGLISH MILITARY AVIATION TERMS)

Based on the study of the acronyms and abbreviations of the military aviation present day terminology, the methods and factors of their formation, the article gives a forecast in the field of application of possible models for replenishing multicomponent terminological combinations of military aviation and their abbreviations for the near future. The practical application of this study lies in the field of compiling special dictionaries and glossaries, teaching aviation English in the professional sphere of communication, and also as part of the cognitive approach to the study of global processes in a modern changing world.

Key words: aviation term, multicomponent term, acronym, abbreviation, globalization, productive model.

Цель данной публикации – актуальные вопросы выявления прагматических интралингвальных и экстралингвистических факторов формирования новых многокомпонентных терминов и их аббревиативных вариантов на примере авиационных терминов английского языка. Работа посвящена эмпирическому изучению терминосистемы военной авиации и носит прикладной характер. Основным методом исследования стал семантико-когнитивный анализ военных авиационных терминов, имеющих склонность к аббревиированию и акронимизации вследствие своей полилексемности.

Реализация данной цели осуществляется решением следующих **задач**: 1) построение номинативного поля военной авиации английского языка; 2) анализ и описание семантики языковых средств, входящих в поле; 3) выявление наиболее продуктивных способов

пополнения терминополья; 4) выявление прагматико-когнитивной обусловленности образования терминов: факторов возникновения неологизмов, выраженных в виде аббревиатур и акронимов с точки зрения аспекта языкового планирования, языковой политики в современном меняющемся мире.

Новизна исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка анализа и классификации полилексемных авиационных терминов на основе выявления актуальных когнитивных мотивов их формирования и той прагматической установки, которая реализуется в процессе коммуникации. Кроме того, анализу подвергается новейший материал – слова, зафиксированные в военных англоязычных глоссариях с 2007 по 2018.

Материалом для анализа послужили 780 полилексемных неологизмов в виде аббревиатур и акронимов, зафиксированных в следующих словарях: Air Force Glossary. Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms, Abbreviations and Acronyms 2007 с дополнениями и изменениями от 2010 г.; Е. Н. Девнина. Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь, 2011 г., выборка полилексемных терминов из периодических изданий Air Forces Monthly, All about Space Monthly, Global Military Monthly Popular Science Monthly, Science and technology news Monthly с 2010 по 2018 гг., и Compendium of Key Joint Doctrine Publications за указанный период.

В работе применялись следующие **способы исследования**: выборки из лексикографических источников, семантический и словообразовательный анализ, количественный подсчет.

Теоретические предпосылки исследования. Когнитивная лингвистика рассматривает язык как средство формирования, обработки и передачи информации, а его развитие и функционирование – как результат действия человеческого фактора. Становление современной когнитивной лингвистики тесно связано с трудами американских авторов Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Р. Джакендоффа и ряда других. Обобщение и развитие, полномасштабное осмысление когнитивного метода исследований языка представлено в работах Е. С. Кубряковой, составивших основу когнитивной лингвистики в России. Словарь социолингвистических терминов говорит о когнитивной функции языка как познавательной, гносеологической, базовой, являющейся «важнейшим орудием мышления (наряду с другими знаковыми системами, как абстрактными – напр., математическими знаками, так и конкретно-образными» [Кожемякина, Колесник, 2006: 90], проводит параллель с коммуникативной функцией языка. Определение когнитивной лингвистики из Словаря лингвистических терминов Т. В. Жеребило соответствует научному направлению, «в центре внимания которого находится язык как общий

когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Жеребило, 2005: 128]. Согласно определению Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова и др. авторов «Краткого словаря когнитивных терминов», когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, «играющий роль в кодировании и трансформировании информации» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996: 53-55]. В нашей стране базовым при изучении слова, термина в рамках когнитивного дискурса является подробный компонентный анализ. В специальной литературе встречаются и другие названия данного направления исследований: когнитивно-дискурсивный анализ; «семантико-когнитивный подход» [Попова, Стернин, 2007: 4]. Основываясь на базовых приемах подобного анализа, стало возможным выявление основополагающих семантических параметров формирования терминологической и общеупотребимой лексики. Описанные учеными Ю. Д. Апресяном, И. А. Мельчуком, А. К. Жолковским подобные постулаты позволили приступить к составлению семантических словарей на основе научного поиска семантических первоэлементов. Весьма важным нам представляется более подробное исследование соотношения семантики языка и концептосферы военной авиации, описание связи семантических и когнитивных процессов, лежащих в основе практического воплощения языкотворчества при формировании новых лексических единиц.

Научные направления, сочетающие теоретические исследования и практическую работу, признаются актуальными большинством лингвистов. Так, С. В. Гринев-Гриневиц к числу наиболее перспективных исследований в современном языкознании относит именно такой комплексный подход [Гринев-Гриневиц, Сорокина, 2018: 19]. Подобных исследований не так много, и все же в настоящее время уже разработаны некоторые принципы и практические приемы проектирования эффективных форм, моделей конструирования терминов, рекомендаций по проектированию развития номен. Они нашли отражение в работах П. В. Веселова, В. М. Лейчика, Т. Р. Кияка, Н. И. Кулиша, С. В. Гринева, Э. А. Сорокиной.

Придерживаясь актуального прикладного направления терминологических исследований, отметим, что оно способствует регулированию развития специальной лексики «как части языковой политики». Исследования в этом направлении стимулировали формирование новой дисциплины – лингвополитологии. Как отмечает Е. Б. Гришаева, «изучение проблем функционирования языка в связи с развитием общества является актуальной тематикой. Такие практические аспекты, как языковое планирование и языковая политика, проблемы культуры речи, междисциплинарная и международная интеграция, приобретают все большее значение» [Гришаева, 2018: 55].

По мнению И. А. Гавриловой, создание неологизмов обуславливают определенные факторы: «... появление в процессе познания действительности новых концептов и их терминообразование; уточнение, переосмысление и углубленное познание уже зафиксированных общественным сознанием фрагментов концептуальной картины мира; когнитивно-коммуникативные факторы» [Гаврилова, 2015: 236]. Авторы И. Н. Зенина, И. Г. Ищенко, признавая равноценную значимость и прагматических, и когнитивных факторов, указывают на первичность когнитивных процессов, «порождающих прагматическую потребность создания новой номинативной единицы для фиксации нового смысла» [Зенина, Ищенко, 2019: 24]. Исследуя термин в подъязыке специальности, И. Ю. Малкова вслед за другими учеными утверждает, что «языковая и культурная компетенция носителей языка (а не сам представитель языковой общности) является основообразующим фактором процесса терминообразования» [Малкова, 2019: 244].

В своем исследовании мы исходим из того, что в процессе зарождения, языкового оформления, дальнейшей обработки и практической имплементации всякого нового термина равновелики все эти понятия: прагматическая необходимость, когнитивная деятельность человека, влияние технического прогресса, среда и законы профессионального общения. Они подталкивают носителя языка на поиск и создание новых номинаций для практического применения. Попытаемся доказать на примере военных многокомпонентных авиационных терминов (далее – МКАТ), что в данном терминопле в ведущую роль при их создании наряду с интралингвальными условиями и возможностями языка играют определенные экстралингвистические факторы, приводящие к возрастающему объему глобальных и междисциплинарных задач военной авиации. Именно многозадачность становится толчком к созданию полилексемных терминов, требующих стандартизации вторичных кратких вариантов МКАТ – акронимов и аббревиатур. Необходимо также прояснить, будет ли установлен предел полилексемности, и снизится ли или повысится тенденция к образованию более многосложных терминов по мере решения задач, стоящих перед военной авиацией англоязычных стран в ближайшее десятилетие.

Выявление факторов формирования МКАТ, содержащих аббревиативный вторичный вариант коррелята. Определение понятия «аббревиатура МКАТ». Проанализировав средства массовой информации, научные, специализированные авиационные издания и публикации, документы, глоссарии и словари, можно утверждать, что налицо тенденция к формированию и практической имплементации многокомпонентных авиационных терминов подъязыка военной авиации наряду с

неуклонным увеличением использования аббревиатур и акронимов в письменных и устных источниках профессиональной и социальной сфер применения. До 2007 года в подъязыке военной авиации преобладали двух-, трёх- и четырёхкомпонентные корреляты [Шпальченко, 2006]. На долю 5-6 сем в составе МКАТ приходилось менее 2% этой всей лексики. В достаточно новом авиационном словаре Е. Н. Девниной [Девнина, 2011] не встречается более шести сем в составе МКАТ (Joint Tactical Delivery System data (JTDS data) – данные, передаваемые с использованием единой системы распределения тактической информации). Исследуя же глоссарий [Air Force Glossary, 2007] с дополнениями от 2010 г., обнаруживаем семи- и восьми-: (Air Force National Security and Emergency Preparedness Agency – Агентство национальной безопасности ВВС по готовности в чрезвычайной ситуации) [Air Force Glossary, 2007: 7], а также девяти- и одиннадцатикомпонентные МКАТ, стандартизированные согласно отраслевым правилам минобороны. Определив таким образом исследуемое номинативное поле, подчеркнем полилексемность, конструктивную разнородность, системность и относительную упорядоченность его языковых единиц. На этапе их семантического описания попытаемся представить значения единиц номинативного поля в виде набора отдельных, либо понятийно-связанных семантических компонентов, с целью когнитивной интерпретации возникновения акронимов и аббревиатур в парадигме глобализации языковых процессов.

Как видим, большая часть базовых многокомпонентных терминологических конструкций в военной авиации не используется в развернутой (полной) форме, а сокращается до аббревиатур по различным структурным моделям: *Air Force National Security and Emergency Preparedness Agency – AFNSEP; analysis of mobility platform suite of port analysis tools – AMP-PAT; very high frequency omnidirectional range station and / or tactical air navigation – VORTAC.*

В трудах по языкознанию аббревиатура определяется как сложносокращенное слово, составленное из сокращенных начальных элементов (морфем) словосочетания. Аббревиатура, образованная из алфавитных названий начальных букв исходного терминологического словосочетания, является наиболее привычной моделью сокращения многокомпонентных терминов. Согласно определению из «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, аббревиатура – это «слово, образованное путем сложения начальных букв слов или начальных звуков и, следовательно, включает все виды инициальных аббревиатур: аббревиатура буквенная (англ. *alphabetic acronym*), образованная из алфавитных названий начальных букв исходного словосочетания; аббревиатура буквенно-звуковая (англ. *alphabetic-phonetic acronym*); аббревиатура, сочетающая буквенный и звуковой типы; аббревиатура акрофонетическая (англ. *phonetic*

acronym); аббревиатура, образованная из начальных букв элементов исходного словосочетания, но читаемая не по алфавитным названиям букв, а как обычное слово» [Ахманова, 1966: 26]. По мнению исследователя Л. Л. Нелюбина, сокращённые лексические единицы – «полноценные единицы общения, удовлетворяющие требованиям коммуникации, то есть обладают самостоятельным значением и реализуются в речи в присущей им звуковой и графической форме» [Нелюбин, 1989: 40]. А. В. Суперанская считает, что аббревиация – это «способ словообразования, объединяющий все типы сложносокращённых и сокращённых образований» [Суперанская, 2004: 120]. Автор Е. С. Кубрякова определяет аббревиацию как «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое в своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходного определения» [Кубрякова, 1981: 71]. Помимо инициально-буквенных, звуко-буквенных и слоговых усечений необходимо выделить сокращения при помощи знаков-морфов (цифр, специальных значков, символов и т. д.). Для обозначения «несокращённой» формы термина используются такие понятия, как «исходная форма», «исходное или соотнесенное словосочетание», «производящая единица», «полная форма», «развёрнутая форма» и т. п. В данной работе, имея в виду полную форму исходного многокомпонентного авиационного термина, целесообразно использовать термин «коррелят».

Таким образом, определением аббревиатуры МКАТ применительно к данной статье можно считать следующую формулировку: аббревиатура МКАТ – краткая терминологическая единица со статусом слова (термина), образованная путем комбинаций буквенного, звуко-буквенного, знакового или слогового сокращения любых линейных частей коррелята, имеющая инициальное сходство с коррелятом, удовлетворяющая процессу коммуникации в подъязыке военной авиации.

Акронимизация, являясь особой моделью аббревиации, рассматривается нами как разновидность аббревиации и перспективный источник появления новых терминов в подъязыке военной авиации. С точки зрения практического применения акронимы более удобны в устной речи, так как полный коррелят и даже сложная аббревиатура требует больших усилий и времени для его воспроизведения в ходе общения, чем акроним как цельнооформленное слово.

Интралингвистические факторы. Под условиями образования различных сокращённых единиц в языке ранее подразумевались в первую очередь условия языкового порядка. К числу таковых относились, например, контекст, общность языковых навыков

говорящих, языковая привычка, частота употребления в речи, «стереотипность производящей единицы» [Шокуров, 1952]. К вышеперечисленным лингвальным факторам в настоящее время следует отнести возросшую роль и объемы письменной коммуникации, ситуативную обусловленность, навык общения военных специалистов и др.

Так, все 780 (100%) изученных МКАТ из глоссария авиационных терминов [Air Force Glossary, 2007] имеют вторичный аббревиативный вариант коррелята, принятый к применению как в письменном языке официальных документов, так и при непосредственном общении в среде военных специалистов. К подобному качественному сдвигу условий речевой коммуникации привело расширение границ и объемов письменной языковой культуры в военной среде, в частности, в среде боевого командования и планирования. Письменная коммуникация стала не только важнейшей формой общения наряду с устной речью, но и оказывает все возрастающее влияние на последнюю. Развитие письменной коммуникации среди военных структур и специалистов различных направлений способствовало, в частности, широкому распространению так называемых графических сокращений и различных приемов графической символики. В словаре Е. Н. Девниной [Девнина, 2011: 276-278] отдельно представлены 83 термина-коррелята, начинающиеся с числовых значений. В словарь включены и другие подобные МКАТ, содержащие знак, букву, например, *g-bias command* – команда на изменение перегрузки; *g-onset rate capability* – максимальная скорость нарастания перегрузки; *A&AEE* – экспериментальный центр авиации и авиационного вооружения ВВС Великобритании; *MAX 2 aircraft* – летательный аппарат с максимальной скоростью, соответствующей числу $M=2$. Представлены как ранее изученные модели аббревиатур, так и ранее не встречавшиеся в терминологии военной авиации. Очевидно, что на развитие разных моделей аббревиации оказывают влияние и конкретные условия речевой коммуникации – ситуация, контекст, общность языковых навыков говорящих и другие лингвистические факторы.

Формирование полилексемных терминов происходит на базе определенной прагматической установки, которая реализуется в процессе коммуникации. В то время как в словаре Е. Н. Девниной 60% лексики составляют научно-технические термины, необходимые для номинации новых важных характеристик и возможностей авиационной техники, в глоссарии [Air Force Glossary, 2007] 60% лексики номинируют организационно-структурные и боевые формирования авиации англоязычных стран (США и их союзников). Прагматическая установка словаря [Air Force Glossary, 2007] сформирована согласно актуальной многозадачности боевой авиации. Изучаемое поле связано с деятельностью командований, подразделений, ассоциаций, агентств, отделений,

формирований, видов операций на основе современных тактико-оперативных задач. Научно-техническому прогрессу обязано появление той части МКАТ, которая номинирует новые понятия в области искусственного интеллекта, развития космических и спутниковых систем, антитерроризма, глобальных тактических задач. Полилексемность таких терминов обусловила необходимость их сокращения в виде различных способов аббревиации. Когнитивный подход позволяет утверждать, что целью аббревиативного сокращения исходного коррелята МКАТ является не столько экономия языковых средств, сколько более практические результаты: концентрирование информации, воплощение ее в более лаконичной форме, а также возможность использования внутриязыковых механизмов для оформления новых номинаций, удобных и понятных для коммуникации в определенных ситуациях. В. В. Борисов отмечает, что сама тенденция к концентрированию информации повышает коммуникативную ценность речевого сообщения и «является одной из важных причин развития языка как общественного явления [Борисов, 1972: 32]. Автор Д. И. Алексеев считает, что аббревиация «достигла успехов и укрепилась главным образом потому, что она позволила создавать цельнооформленное слово там, где раньше было лишь описание понятия» [Алексеев, 1962].

Среди наиболее распространенных моделей сокращения МКАТ следует выделить:

– дефиснооформленные термины: 23 коррелята (1,8% от общего числа МКАТ) содержат дефис как в исходном образце, так и в его вторичном аббревиированном варианте: *BOS-I – base operations support-integration* (объединение поддержки базовых операций); *ATCC-SSG – Antiterrorism Coordinating Committee-Senior Steering Group* (антитеррористический координационный комитет – ведущая группа управления);

– термины-аббревиатуры с индексом в виде морфа (любого знака, числа, идентификатора) представлены 19 МКАТ, что составило 1,5% от общего количества лексики: *GC3A – global command, control, and communications assessment* (оценка глобального контроля, связи и управления); *JM&S – joint modeling and simulation* (система моделирования совместных учений);

– сокращения способом стяжения частей сем исходного коррелята представлены 17 образцами (1,3%). Выпадение гласной, согласной букв в основном используется в письменных донесениях, инструкциях и отчетах с целью обеспечения краткости термина, хотя сам коррелят содержит не более 2-х сем: *ALTRV – altitude reservation – занятие высоты*; *CDR – commander* (командующий, командир); *MSN – mission* (задача); *QUAL – qualification* – квалификация;

– аббревиации с пропуском или опущением одного из элементов МКАТ составили всего 29 единиц (2,3%): *JNOCC – Joint Operation Planning and Execution System Network Operation Control Center* (Центр оперативного контроля системы совместного планирования и выполнения операций). Опускаются чаще всего предлоги *to, of*, союз *and*, а иногда базовые когнитивно прослеживаемые семы *air, aircraft, agency*, и др.: *AFNSEP Air Force Northern National Security and Emergency Preparedness Agency*;

– аббревиатура буквенно-звуковая, сочетающая буквенный и звуковой типы сокращений, считается переходной к акрониму моделью, и моделью весьма продуктивной. Собственно акронимов в глоссарии всего 38 (2,9%), но образцов, подобных им, гораздо больше: *BPLAN – base plan* (базовый план); *CARDA – continental United States airborne reconnaissance for damage assessment*; *MARSAM – multiple airborne reconnaissance sensors assessment model* (авиационная модель для оценки комплекса бортовых разведывательных датчиков); *BIS – built-in simulation* (встроенный симулятор). Эти термины сложились в результате инициального сокращения слов, но произносятся не по буквам, а как новообразованные по фонетическим законам английского языка лексемы. При озвучивании сокращений *ALERT – attack and launch early reporting to theater* (система раннего оповещения о нападении), носитель языка склонен к их фонетическому прочтению взамен инициального;

– сокращения слоговые, образованные путем усечения сем коррелята могут звучать как слова, а могут быть разновидностью аббревиатуры и произноситься по буквам. Их в 780 изученных образцах более всего: 60 МКАТ (4,7%). Морфологически соединяясь в единый смысловой термин-блок, они номинируют командования, должности, операции, организации и подразделения: *COMSPACEAF – Commander, Space Air Force Forces* (командующий авиационными космическими силами); *DIRSPACEFOR – director of space forces* (глава космических сил); *EW Ops – electronic warfare operations* (операции по радиоэлектронной борьбе); *INTELSAT International Telecommunications Satellite Organization* – (организация установления международной спутниковой связи).

Итак, наиболее распространенные сокращения полилексемных терминов после собственно аббревиативных образцов МКАТ – акронимы. Они могут формироваться на основе буквенно-слогового, частично-слогового усечения сем коррелята и далее слияния их в единый смысловой термин-блок. Данный алгоритм сокращений часто используется в названиях новых научных открытий (новая платформа нейронных сетей *Intel Nervana* для приложений искусственного интеллекта), приборов и систем (*AWACS Airborne Warning and Control System* (авиационная система предупреждения и контроля)); организаций, командований: *ARSPACE – Army Space and Missile Defense Command* (командование

сухопутных войск США по противоракетной обороне воздушного пространства), комитетов, планов, стратегий и т. д. При исследовании акронимов особое значение приобретает вопрос о том, каким образом их элементы объединяются в единое целое. Следовательно, при изучении семантико-понятийной парадигмы акронима необходимо придерживаться когнитивного подхода. Очевидно, что при акронимизации МКАТ копируется или используется фонетическая структура слов. Таким образом, при создании каждого нового акронима носителем языка для каждой ситуации решается вопрос о выборе конкретной типичной фонетической структуры слова, и этот процесс развивается и дополняется.

Все вышперечисленные модели сокращения коррелята МКАТ относятся к синтаксическим и морфологическим способам сокращений, и их изучение даёт возможность утверждать о возникновении нового пласта терминов в подъязыке военной авиации в дальнейшем.

На выбор модели аббревиатуры и акронима при их создании влияют следующие интралингвистические факторы: морфологические, синтаксические, грамматические, коммуникативные, лексические, ситуационные и контекстуальные. Набор языковых средств английского языка весьма приспособлен для формирования сокращений, усечений и морфолого-лексических неологизмов, что приводит к пополнению терминополья военной авиации в том числе. В английском языке роль лексико-грамматических указателей в составе полилексемного термина выполняют предлоги, союзы, послелого, порядок слов, тире, знаки – морфы, дефис, значок «слэш» и др. Этим объясняется распространённость сокращений, в которых в зависимости от лексической наполняемости может усекается и далее соединяться в единый семантический блок начало, середина либо окончание семы многокомпонентного термина. Аббревиатура при определенном выборе семантического структурного каркаса на основе многокомпонентного коррелята способна создавать вторичную, более краткую номинацию терминируемого понятия без ущерба для его информативности.

Следовательно, интралингвистическими причинами аббревиации являются:

- а) возможность за счёт языковых средств создать не менее ёмкую новую вторичную номинацию;
- б) увеличение количества протяженных терминов;
- в) расширение границ значения термина с целью концентрирования в нем большего объема информации;
- г) повышение коммуникативной ценности и результативности речевого сообщения в определенной ситуации и контексте.

Все данные факторы становятся постоянным импульсом развития языка как общественного явления.

Экстралингвистические факторы. Словарь социоллингвистических терминов [Кожемякина, Колесник, 2006] определяет экстралингвистические факторы развития языка как «параметры социальной (внеязыковой) действительности, обуславливающие изменения в языке как глобального, так и более частного характера». В глобальном масштабе действие экстралингвистических факторов ведет к изменениям, затрагивающим определенную часть языка.

Появление большого количества МКАТ и их аббревиативных вариантов в военной авиации обусловлены прежде всего техническим прогрессом: разработкой и внедрением новых авиационных приборов, систем, вооружения и техники. *ATCRBS – Air Traffic Control Radar Beacon System* (радиолокационная система маяков для управления воздушным движением); *ATBM – antitactical ballistic missile* (противотактическая баллистическая ракета); *ASARS – Advanced Synthetic Aperture Radar System* (усовершенствованная РЛС (радиолокационная система) с синтезированной апертурой); *EGBU – enhanced guided bomb unit* (усовершенствованная корректируемая авиабомба); *GEODSS – Ground Based Electro-Optical Deep Space Surveillance* (наземная оптико-электронная система наблюдения за космическим аппаратом в дальнем космосе); *ATACCS – advanced tactical air command and control system* (усовершенствованная система оперативного управления тактической авиации); *INMARSAT – international maritime satellite* (международная морская спутниковая организация); *UCAV – unmanned combat aerial vehicle* (боевой беспилотный летательный аппарат).

Но на данном этапе наиболее значимым фактором является стремление к глобализации в военной сфере. Именно этим можно объяснить возникновение таких МКАТ одновременно с их сокращенными вариантами как *AWNIS – Allied Worldwide Navigational Information System* (глобальная система сбора и обработки навигационной информации союзнических войск); *ATCA – Allied Tactical Communications Agency* (Управление тактической связи НАТО); *ASD (GSA) – Assistant Secretary of Defense for Global Strategic Affairs* (помощник Министра обороны по вопросам глобальной стратегии); *ARRC – Allied Command Europe Rapid Reaction Corps (NATO)* (Командование корпусом сил быстрого реагирования ВГК ОВС НАТО в Европе); *GCC – Global Cryptologic Center* (Центр по вопросам глобальной кодировки данных); *GWOT – Global War on Terrorism* (глобальная война с терроризмом); *SHAPE – Supreme Headquarters Allied Powers, Europe* (Главная Штабквартира НАТО в Европе).

Вслед за В. В. Борисовым, Д. И. Алексеевым и др. учёными, указывавшими на то, «что исследования в области аббревиации и акронимии должны внести свой вклад в изучение закономерности развития языка как общественного явления» [Борисов, 1972: 22], наблюдая

особенности развития подязыка военной авиации, попытаемся обосновать предвидение тенденции его дальнейшего развития и помочь разрешить актуальнейшие теоретические и практические проблемы языкознания.

На основе глобализации и расширения сфер влияния изменяются и задачи, стоящие перед командованием боевой авиации. Этим мы обязаны появлению таких МКАТ как *ASPR – Office of Assistant Secretary for Preparedness and Response (DHHS)* (управление помощника министра обороны по подготовке к быстрому реагированию); *COTPER – Coordinating Office for Terrorism Preparedness and Emergency Response* (координационный совет противодействия терроризму и реагирования на чрезвычайные ситуации); *ASD (SO / LIC) – Assistant Secretary of Defense for Special Operations and Low-Intensity Conflict* (помощник министра обороны по спецоперациям и вялотекущим конфликтам); *APCC – alternate processing and correlation center* (резервный центр управления обработки и корректировки данных); *AOTR – Aviation Operational Threat Response* (оперативный авиационный ответ на угрозу); *AMIO – alien migrant interdiction operations* (действия по изоляции иностранных мигрантов); *ACCSA – Allied Communications and Computer Security Agency* (агентство по безопасности связи и вычислительных систем объединённых вооружённых сил НАТО); *CNA – computer network attack* (атака компьютерной сети); *FDS – foundational doctrine statement* (основные положения доктрины); *UW – unconventional warfare* (специальные боевые действия с применением нетрадиционных методов ведения войны).

В свою очередь, пересмотр боевых задач приводит к разработке новых программ и подходов, внедрению новых тактик и проводимых на их основе боевых операций в глобальном, а не только локальном масштабе: *ASPP – acquisition systems protection program* (программа защиты систем получения и обработки данных); *AWCAP – airborne weapons corrective action program* (программа выявления и устранения неисправностей систем бортового вооружения); *ASIC – Air and Space Interoperability Council* (Совет по интероперабельности воздушных и космических войск); *GEO – geosynchronous earth orbit* (геостационарная околоземная орбита); *ASO – advanced special operations; air support operations* (действия войск специального назначения при поддержке с воздуха); *DMSP – Defense Meteorological Satellite Program* (программа использования метеорологических спутников министерства обороны); *NMS-CWMD – National Military Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction* (национальная военная стратегия по применению оружия массового поражения); *OIF – Operation IRAQI FREEDOM* (Операция ОСВОБОЖДЕНИЕ ИРАКА); *PSI – proliferation security initiative* (инициатива по безопасности в борьбе с

распространением оружия массового уничтожения); *UE – Operation UNIFIED ENDEAVOR military simulation exercise* (военные учения в рамках операции ОБЪЕДИНЁННЫЕ УСИЛИЯ).

К экстралингвистическим факторам неуклонного пополнения терминопоя военной авиации следует также отнести необходимость формирования новых структур, комитетов, подразделений и частей в свете требований времени и поставленных задач с целью выполнения глобальных проектов, военных и миротворческих миссий: *АТАСС – advanced tactical air command center* (усовершенствованная тактическая система оперативного управления ВВС); *АТWG – antiterrorism working group* (рабочая группа по противодействию терроризму); *АТЕP – Antiterrorism Enterprise Portal* (интернет-портал по противодействию терроризму); *АТСС – Antiterrorism Coordinating Committee* (координационный комитет по противодействию терроризму); *ЖWАС – Joint Warfare Analysis Center* (совместный аналитический центр по ведению боевых действий).

Необходимость постоянного совершенствования боевой подготовки авиационных специалистов, выполняющих боевые и учебно-тренировочные задачи в различных местах дислокации с применением новейшего авиационного оборудования и летной техники, создаваемой в разных странах альянса НАТО, тесно связано с глобальными задачами по обучению и введению в строй новых авиационных специалистов в глобальном масштабе. Применение искусственного интеллекта в подготовке специалистов будет возрастать, приводя к появлению новых терминов и оформлению их кратких вариантов в виде аббревиатур различного типа: *АWСИМ – air warfare simulation model* (имитационная модель ведения боевых действий в воздухе); *ВЕМРТ – basic expeditionary medical readiness training* (базовый курс выживания); *СDТQТ – chemical defense task qualification training* (задачи по квалификационной подготовке противохимической защиты); *СFТ – cockpit familiarization trainer* (тренажер для первоначального изучения кабины); *ЕТСС – extended training service specialists* (специалисты в области подготовки широкого профиля); *ИСТ – integrated skills training* (комплексная боевая подготовка); *MQТ – mission qualification trainer* (комплексный боевой полётный тренажер); *РТТ – part task trainer* (тренажер узкоцелевого назначения); *РЕQSTATASK – air mission request status tasking* (постановка задач и отчет о выполнении авиационного боевого задания).

Отметим, что факт многоплановости задач привел к такому нежелательному явлению в терминологии, как омонимия сокращенного (аббревиативного) варианта МКАТ. Так, чаще стали встречаться аббревиатуры, номинирующие разные понятия в различных областях военной терминологии, но имеющие сходные инициальные элементы, например, *АMS – 1) aerial measuring system* (авиационная система измерения); *2) air mobility squadron* (мобильная авиационная эскадрилья); *3) army management structure*

(структура административного управления сухопутных войск); 4) *asset management system* (система управления ресурсами) [Air Force Glossary, 2007]. Все вышеперечисленные экстралингвистические факторы несомненно повлияли на явление омонимии вторичных аббревируемых единиц МКАТ, несмотря на жесткие требования к стандартизации авиационных терминов в 2007. По мере усложнения задач их количество возрастает: *STO* – 1) *space tasking order* (космическое служебное задание), 2) *short takeoff* (укороченный взлет), 3) *special technical operation* (специальная техническая операция). Предположим, что в дальнейшем, ввиду ограниченной возможности стандартного аббревирувания лишь по инициальным элементам линейных компонентов коррелята, будут применяться различные способы комбинирования заглавных и строчных букв, дифференцирование схожих инициальных элементов за счет чередования тире и знака «/» в пределах одного номинанта, будут шире использованы такие модели, как аббревиатуры с пропуском или опущением одного-двух элементов МКАТ, вариации слогосложений или сложения основ в сочетании с буквенными сокращениями в комплексе со стяжениями и подстановкой знаков-морфов, а также дальнейшая акронимизация, то есть фонетическая имплементация МКАТ по инициальным или иным элементам сем коррелята.

Выводы. Таким образом, можно утверждать, что тенденция расширения и пополнения авиационного терминополья за счет образования и последующей стандартизации новых понятий, вводимых за счёт устойчивого терминологического сочетания, выраженного в виде акронима или аббревиатуры, возросла с 2007 по 2016 гг. Широкому распространению аббревиации способствуют ряд таких интралингвистических факторов, как развитие письменной коммуникации среди военных структур и специалистов; ситуация, контекст, общность языковых навыков носителей языка, частота употребления того или иного МКАТ в речи, стереотипность производящей единицы. Семантика языка имеет тесную взаимосвязь с концептосферой военной авиации. В основе практического воплощения результатов языкотворчества при формировании новых лексических единиц лежит связь семантических и когнитивных процессов.

Новая лексика является языковой репрезентацией результата когнитивной деятельности человека по освоению меняющейся реальности, отражает новые явления, понятия, фиксирует в новых МКАТ более глубокое и уточненное восприятие формируемых и уже известных концептов. Аббревиатуры и акронимы МКАТ выполняют задачу кодирования и трансформирования информации, и с точки зрения интралингвистических факторов сформированы по определенным языковым моделям. Наиболее продуктивными за указанный период с 2007 по 2016 стали модели:

– аббревиатура буквенно-звуковая, сочетающая буквенный и звуковой типы сокращений, считается переходной к акрониму моделью: 38 образцов (2,9%);

– сокращения слоговые, образованные путем усечения сем коррелята; таковых в изученных образцах более всего: 60 единиц (4,7%).

Результаты семантико-когнитивного исследования применимы в когнитивной интерпретации результатов описания семантики языковых единиц и позволяют приступить к моделированию концепта будущих МКАТ военного авиационного терминопоя.

С точки зрения прагматико-когнитивной обусловленности установлен ряд интралингвистических и экстралингвистических факторов, способствующих пополнению профессиональной лексики в английском языке на данном этапе. Наряду с интралингвальными условиями и возможностями языка при формировании полилексемных авиационных терминов важную роль играют факторы глобализации и возрастающий объем задач, стоящий перед военной авиацией. Многозадачность стала толчком к созданию полилексемных терминов, требующих стандартизации их вторичных кратких вариантов – акронимов и аббревиатур. Выявлены 7-11 компонентные МКАТ, что явно идет вразрез с одним из базовых требований к термину – условию краткости. Предел полилексемности в терминопле военной авиации, как и в других подязыках профессиональной сферы общения, необходимо установить. Мы считаем, это будет выполнено в ближайшее время, и тенденция к образованию более многосложных терминов по мере решения задач, стоящих перед военной авиацией англоязычных стран, снизится. К тому же, возможности технического прогресса приводят к тому, что более совершенные летательные аппараты, техника, приборы и устройства выполняют более масштабный объем задач. На этом основании можно утверждать, что в ближайшее время устаревшая техника применяться не будет, следовательно, прежние термины будут заменены на новые, которые, пройдя обкатку временем, войдут в общеотраслевые словари и глоссарии.

С точки зрения аспекта языкового планирования, языковой политики в современном меняющемся мире, можно предположить, с одной стороны, увеличение числа акронимов, дефиснооформленных терминов, аббревиатур с морфом-индексом, аббревиаций с пропуском или опущением одного из элементов МКАТ путём синтаксических и морфологических способов сокращений коррелята. С другой стороны, по мере решения той или иной задачи потребность в применении ряда МКАТ отпадет. Новые корреляты и их аббревиатуры придут на смену устаревшим, таким образом, будет решен вопрос избыточности военного авиационного словаря. Как элемент предвидения на основе изучения положений доктрины и научной литературы, можно предположить увеличение терминов на основании разработок с применением искусственного интеллекта. Большой

пласт лексики, номинирующей деятельность в космическом пространстве также появится в ближайшее время. Борьба с терроризмом, а следовательно формирование новых тактик, задач и способов их решения в данном направлении в ближайшее время сократится лишь в том случае, если три мировые державы – Россия, Китай и США найдут взаимопонимание и будут действовать совместно.

Влияние экстралингвистических факторов на развитие языка весьма существенно. Язык как орудие общения реагирует на изменяющиеся потребности, обусловленные техническим прогрессом, увеличением количества выдвигаемых и выполняемых задач и обновлением механизма реализации номинирования актуальных понятий в языке. Приводимые в статье МКАТ как примеры углубленного исследования языка с помощью когнитивного категориально-терминологического аппарата неологизмов в ближайшее время будут обновлены и видоизменены. На данном этапе можно говорить о постоянном усовершенствовании существующих языковых форм полилексемных коррелятов и аббревиированных единиц в целях удовлетворения потребностей коммуникации в условиях глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д. И. Стилистические особенности буквенных аббревиатур и сложносокращенных слов // Вопросы стилистики. Саратов, 1962. С. 44-59.
2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Москва: Воениздат, 1972. 317 с.
3. Гаврилова И. А. Когнитивные стимулы порождения термина-неологизма (на примере английской полиграфической терминологии) // Язык науки и техники в современном мире. Омск: Омский гос. тех. ун-т, 2015. С. 235-238.
4. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. Москва, 2018. № 5. С. 18-28.
5. Гришаева Е. Б. Язык как инструмент реализации политической власти и как объект воздействия политики // Язык и культура. 2018. № 41. С. 55-71.
6. Зенина И. Н., Ищенко И. Г. Когнитивные и прагматические факторы образования новых слов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 23-27.
7. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Москва: Наука, 1981. 200 с.
8. Малкова И. Ю. Понятие «термин» в подязыке специальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 242-246.
9. Нелюбин Л. Л. Перевод боевых документов армии США. Москва: Воениздат, 1989. 270 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. 250 с.
11. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории. Москва: Наука, 2004. 248 с.

12. Шокуров В. Н. Сокращения как особая группа лексических образований в английском языке // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Крупской. Москва, 1952. Т. 73. Вып. 5. С. 184-185.

13. Шпальченко Э. П. Основные структурные типы многокомпонентных авиационных терминов // Современная лингвистика: теория и практика. Краснодар: КВВАУЛ, 2006. Ч. II. С.179-180.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 598 с.

2. Девнина Е. Н. Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь. Москва: Живой язык, 2011. 512 с.

3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2005. 486 с.

4. Кожемякина В. А., Колесник Н. Г. Словарь социолингвистических терминов. Москва: Наука, 2006. 312 с.

5. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Air Force Glossary. Air Force Doctrine Document 1-2 11 January 2007 Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms, Abbreviations and Acronyms 2007. The Joint Publication (JP) 1-02. Available at: <http://www.e-publishing.af.mil>; http://www.dtic.mil/doctrine/dod_dictionary and at the following NIPRNET. (accessed: 11.09.2019).

2. Air Forces Monthly. Available at: <https://www.airforcesdaily.com/>. (accessed: 11.09.2019).

3. All about Space Monthly by Imagine Publishing Ltd Richmond House, 33 Richmond Hill Bournemouth, Dorset, BH2 6EZ. Available at: <https://www.greatdigitalmags.com> www.spaceanswers.com/. (accessed: 12.09.2019).

4. Compendium of Key Joint Doctrine Publications. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/joint/jp-compendium_120125.pdf. (accessed: 12.09.2019).

5. Global Military Monthly. Available at: <https://www.magzter.com>; <https://reader.magzter.com/preview/qa9a7bh6b7jf74uy3pt5h1047690/104769/>. (accessed: 11.09.2019).

6. Science and technology news Monthly. Available at: <https://www.newscientist.com/>. (accessed: 11.09.2019).

REFERENCES

1. Alekseev, D. I. (1962). *Stilisticheskie osobennosti bukvennykh abbreviatur i slozhnosokrashchennykh slov* [Stylistic peculiarities of alphabetic abbreviations and acronyms]. In *Voprosy stilistiki*. Saratov. Pp. 44-59. (In Russ.).

2. Borisov, V. V. (1972). *Abbreviatsiya i akronimiya* [Abbreviation and acronyms phenomenon]. Moskva: Voenizdat. (In Russ.).

3. Gavrilova, I. A. (2015). Kognitivnye stimuly porozhdeniya termina-neologizma (na primere angliyskoy poligraficheskoy terminologii) [Cognitive stimulations of neologism-terms generation (based on examples of English polygraphic terminology)]. In *Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom mire*. Omsk: Omskiy gos. tekhn. un-t. Pp. 235-238. (In Russ.).

4. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina E. A. (2018). Perspektivnye napravleniya razvitiya terminologicheskikh issledovaniy []. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Lingvistika. Moskva. No. 5. Pp. 18-28. (In Russ.).

5. Grishaeva, E. B. (2018). Yazyk kak instrument realizatsii politicheskoy vlasti i kak obekt vozdeystviya politiki [Language as a tool of realization of political power and as an object of impact of policies]. In *Yazyk i kultura*. No. 41. Pp. 55-71. (In Russ.).
6. Zenina, I. N., Ishchenko, I. G. (2019). Kognitivnye i pragmaticheskie faktory obrazovaniya novykh slov v angliyskom yazyke [Cognitive and pragmatic factors of new words creation in English]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. T. 12. Vyp. 3. Pp. 23-27. (In Russ.).
7. Kubryakova, E. S. (1981). *Tipy yazykovykh znacheniy* [Types of language meanings]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
8. Malkova, I. Yu. (2019). Ponyatie «termin» v podyazyke spetsialnosti [Notion of the word “term” in speciality sublanguage]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. T. 12. Vyp. 7. Pp. 242-246. (In Russ.).
9. Nelyubin, L. L. (1989). *Perevod boevykh dokumentov armii SShA* [Translation of battle documents of the USA army]. Moskva: Voenizdat. (In Russ.).
10. Popova, Z. D., Sternin I. A. (2007). *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh: Izd-vo «Istoki». (In Russ.).
11. Superanskaya, A. V. (2004). *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: Issues of theory]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
12. Shokurov, V. N. (1952). Sokrashcheniya kak osobaya gruppa leksicheskikh obrazovaniy v angliyskom yazyke [Acronyms as a distinctive group of lexical formations in English]. In *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. Krupskoy*. Moskva. T. 73. Vyp. 5. Pp. 184-185. (In Russ.).
13. Shpalchenko, E. P. (2006). Osnovnye strukturnye tipy mnogokomponentnykh aviatsionnykh terminov [Main structural types of complex aviation terms]. In *Sovremennaya lingvistika: teoriya i praktika*. Krasnodar: KVVAUL. Ch. II. Pp.179-180. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (1966). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Vocabulary of linguistic terms]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
2. Devnina, E. N. (2011). *Bolshoy anglo-russkiy i russko-angliyskiy aviatsionnyy slovar* [Big English-Russian and Russian-English vocabulary of aviation terms]. Moskva: Zhivoy yazyk. (In Russ.).
3. Zherebilo, T. V. (2005). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Vocabulary of linguistic terms]. Nazran: Izdatelstvo OOO «Piligrim». (In Russ.).
4. Kozhemyakina, V. A., Kolesnik, N. G. (2006). *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Vocabulary of socio-linguistic terms]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
5. Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Short vocabulary of cognitive terms]. Moskva: Filol. fak. MGU. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Air Force Glossary*. Air Force Doctrine Document 1-2 11 January 2007 Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms, Abbreviations and Acronyms 2007. The Joint Publication (JP) 1-02. Available at: <http://www.e-publishing.af.mil/>; http://www.dtic.mil/doctrine/dod_dictionary and at the following NIPRNET. (accessed: 11.09.2019).
2. *Air Forces Monthly*. Available at: <https://www.airforcesdaily.com/>. (accessed: 11.09.2019).

3. *All about Space Monthly* by Imagine Publishing Ltd Richmond House, 33 Richmond Hill Bournemouth, Dorset, BH2 6EZ. Available at: <https://www.greatdigitalmags.com> www.spaceanswers.com/. (accessed: 12.09.2019).

4. *Compendium of Key Joint Doctrine Publications*. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/joint/jp-compendium_120125.pdf. (accessed: 12.09.2019).

5. *Global Military Monthly*. Available at: <https://www.magzter.com>; <https://reader.magzter.com/preview/qa9a7bh6b7jf74uy3pt5h1047690/104769/>. (accessed: 11.09.2019).

6. *Science and technology news Monthly*. Available at: <https://www.newscientist.com/>. (accessed: 11.09.2019).

Шпальченко Элина Петровна –
преподаватель 107 кафедры иностранных
языков (e-mail: elina2229@gmail.com),
ФГК ВОУ ВО МО РФ «Краснодарское высшее
военное авиационное училище лётчиков имени
Героя Советского Союза А. К. Серова»
350005, Краснодар, ул. Дзержинского, 135

Shpalchenko Elina P. – Lecturer of Foreign
Languages Department number 107
(e-mail: elina2229@gmail.com)
Federal State Government Military Educational
Institution of Higher Education “Krasnodar
Higher Military Aviation Institute for Pilots
named after Hero of the Soviet Union Serov A.K.”
135, Dzerzhinsky St., Krasnodar, 350005

Поступила в редакцию 30 октября 2019 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1

© 2020 А. Я. Белых, Т. Н. Глоба

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ» АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Статья посвящена концептуальному анализу философской сказки «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери. Рассматривается художественный концепт как единица индивидуального сознания, анализируются особенности репрезентации базовых художественных концептов в концептосфере произведения, определяются доминантные смыслы и средства для изучения идиостиля писателя, моделируется авторская идиоконцептосфера А. Сент-Экзюпери.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, концептуальный анализ, концептосфера, идиоконцептосфера.

© 2020 A. Ya. Byelykh, T. N. Globa

CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD IN THE WORK «THE LITTLE PRINCE» BY ANTOINE DE SAINT-EXUPERY AS A RESULT OF THE IMPLEMENTATION OF ARTISTIC INDIVIDUAL CONCEPT OF THE AUTHOR

The article deals with the conceptual analysis of the philosophical fairy tale «The Little Prince» by Antoine de Saint-Exupery. The research considers the artistic concept as a unit of individual consciousness, analyzes the features of the representation of basic artistic concepts in the conceptual sphere of the work, determines the dominant meanings and means of studying the writer's idiosyncrasy.

Key words: concept, artistic concept, concept analysis, conceptual sphere, ideokonceptual sphere.

Обращение к концептуальному анализу художественного произведения «Маленький принц» («Le Petit Prince») представляется логичным для выявления парадигмы культурно-значимых концептов, описания их роли для моделирования концептосферы всего произведения, а также для решения проблемы понимания особенностей художественного мировоззрения французского писателя, поэта, летчика и журналиста Антуана де Сент-Экзюпери (1900 – 1944). Восприятие художественного текста как дискурса имеет характер извлечения смыслов, обусловленных дискурсом и порождает новое направление в изучении текста – концептуальное. Обращение к концептуальному анализу художественного произведения помогает понять специфику соотношения: концептуальная поэтическая

картина мира – авторская концепция – текст – восприятие этой художественной альтернативы мира действительности читателем. Художественное произведение «Маленький принц» – это сложное символическое, метафорическое завещание автора своих идеалов, мыслей, чувств, выстраданных размышлений над сущностью человеческого бытия, послание и к детям, и к взрослым, предоставляя им возможность путешествовать в поисках любви, дружбы, находить ответы на важные насущные вопросы: ««Le Petit Prince» avec son charme éblouissant, sa structure symbolique et métaphorique, évoque la fantaisie du lecteur, lui donnant l'occasion de partir en voyage, pour chercher l'amour, l'amitié et des réponses sur des questions vitales et essentielles» [Saint-Exupéry, 2015: 4].

Актуальность настоящего исследования определяется недостаточной изученностью аксиологических концептосфер французской лингвокультуры, а также значимостью выявления смыслового наполнения концептов философской сказки «Маленький принц». Рассмотрение вопросов, связанных с исследуемой тематикой, имеет как теоретическую, так и практическую цель. Результаты могут быть использованы для разработки стратегий концептуального анализа художественного текста, а также при подготовке спецкурсов и семинаров по французскому языку. В качестве объекта изучения выступает художественный дискурс сказки-притчи «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. Предметом анализа являются художественные концепты, представляющие индивидуально-авторскую концептуальную картину мира на когнитивном, структурно-композиционном и тематическом уровнях текста.

Цель данной работы заключается в рассмотрении особенностей авторского мировидения, его индивидуального переосмысления в виде концептуальной системы и выраженного материально в виде художественного произведения «Маленький принц». В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие задачи: сформулировать понятие концепта, художественного концепта, концептуального анализа, концептосферы, идиоконцептосферы; выделить предтекстовые пресуппозиции, важные для формирования и понимания концептологического пространства художественного текста «Маленький принц» (фоновые знания, знания реалий жизни автора, его жизненных позиций и т. д.; жанровые и структурно-композиционные особенности произведения); определить базовые концепты художественного дискурса «Маленький принц», выявить специфические средства концептуализации художественного произведения «Маленький принц» в идиоконцептосфере Антуана де Сент-Экзюпери; провести моделирование индивидуально-авторской концептосферы (идиоконцептосферы) философской сказки «Маленький принц».

С развитием когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов и др.), лингвокультурологии, лингвоконцептологии (А. Аскольдов-Алексеев, В. И. Карасик, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина и др.), художественной семантики (М. М. Бахтин, И. Р. Гальперин, М. Я. Поляков, В. Н. Топоров и др.) усилилось внимание к концептуальному анализу на уровне текста. Под концептуальным анализом понимается метод исследования, предполагающий выявление концептов, их изучение как единиц концептуальной картины мира. Впервые термин «концепт» (лат. *conceptus* «понятие») встречается в статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово» в 1928 г., а понятие «концептосфера» как «совокупность концептов нации» впервые формулируется академиком Д. С. Лихачёвым в статье «Концептосфера русского языка» в 1993 г. в связи с изучением индивидуального писательского стиля и особенностей художественного мировоззрения. В основе нового концептуального исследования художественного текста как дискурса лежит представление о том, что лексема может быть выразителем не только абстрактного, но и концепта, т. е. сущности понятия, проявившегося «в своих содержательных формах – в образе, в понятии, в символе» [Карасик, Стернин, 2007]. В современной лингвистике термин «концепт» стал актуальным, но до сих пор не получил однозначного определения. В настоящее время выделяется несколько подходов к изучению концепта: лексический подход [Арутюнова, 1999; Степанов, 1997]; психолингвистический подход [Залевская, 1999]; философский подход [Колесов, 2006]; лингвокультурологический [Карасик, 2002]. Лингвокультурное понимание концепта заключается в следующем: концепт признаётся базовой единицей культуры, имеющей определенную структуру, которая представляет собой «совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» [Карасик, Стернин, 2007]. Ю. С. Степанов понятие концепт относит наряду с культурой к двум основным метаконцептам. Он утверждает, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё [Степанов, 1997: 40]. Е. С. Кубрякова считает, что «концепт – многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знание о мире, хранящие информацию о нём» [Кубрякова, 1994: 90]. З. Д. Попова и И. А. Стернин в своей работе «Семантико-когнитивный анализ языка» определяют концепт как «дискретное ментальное образование, несущее комплексную,

энциклопедическую информацию о предмете или явлении» [Попова, Стернин, 2007: 24]. Наиболее удачное определение, по мнению Р. М. Фрумкиной, в работе «Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога» дала концепту А. Вежбицкая: «Объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определённые культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность»» [Фрумкина, 1992: 3]. Необходимо отметить, что существуют разные интерпретации термина «концепт»: лингвокультура у В. В. Воробьёва, «логоэпистема» у С. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, «константа» у Ю. С. Степанова, «константа культуры» у В. А. Маслова. Но самым распространённым оказался термин «концепт», и он стал ключевым понятием когнитивной лингвистики. Таким образом, концепт как универсальные знания, структурированные «во фрейм», является объектом концептуального анализа, смысл которого означает знание об объекте из мира «Действительность», переведённое в знание объекта в мире «Идеальное».

В настоящее время особенно важным в исследованиях стало изучение художественного мышления писателей, поэтов, постоянно предпринимаются дискуссионные попытки выявить основные черты художественного концепта [Миллер, 2000]. Но в то же время отмечается ряд общепризнанных свойств художественного концепта: связь с опытом человека и культурой народа; особая структура концепта, включающая ядро, базовые слои и интерпретационное поле (сфера оценок и эмоций); содержательные компоненты концепта (понятие, предметное содержание, представление, ассоциации), эмоции, оценки. Структуру художественного концепта исследователи представляют как многослойное ментальное образование, метафорически интерпретируя концепты в виде «облака» [Попова, Стернин, 2007], «снежного кома» [Болдырев, 2014], «плода» [Попова, Стернин, 2007]. Методологической базой изучения художественного материала учёные считают следующие положения: художественная речь является особым модусом языковой действительности, определяющим коммуникативный статус текста [Винокур, 1991]; художественный текст рассматривается не как пассивный носитель смысла, а как «своеобразный генератор смысла» [Лотман, 1998]; художественный текст – вторичная моделирующая система, главным отличием которой является отсутствие прямой референции, так как художественный текст не имеет «экстенционала в актуальном мире» [Степанов, 1997]. Именно поэтому художественный концепт характеризуется высокой степенью ассоциативности, художественной «запредельностью», неоднородной интерпретацией и диалогичностью, которая определяет возможность интерпретации художественного текста, когда базовые концепты авторского мировоззрения становятся

концептами читателя. Конкретная методика анализа художественных концептов как индивидуальных и эмоционально-эстетических комплексов зависит от конкретного автора, конкретного текста, а также от типа концепта. В последнее время появились работы, в которых ставятся задачи исследования целостной картины мира писателя, где центральными являются такие категории как «модель мира», «поэтический мир», «концептуальная система», «концептосфера» и «индивидуальная концептосфера» (идиоконцептосфера). Художественный текст рассматривается как уникальная когнитивная структура, в которой концептосфера национального языка обогащается новыми смыслами и ассоциациями, составляющими уникальную индивидуально-авторскую картину мира – концептосферу художественного текста [Лихачев, 1993]. Индивидуально-авторская картина мира формируется на двух уровнях: концептуальном и индивидуально-речевом. Ведущее значение концептуального уровня обусловлено самобытными, иногда парадоксальными представлениями автора, которые возникают на основе художественной ассоциативности. Такие индивидуальные художественные концепты, результатом взаимодействия которых является индивидуальная концептосфера (идиоконцептосфера), представляют собой многослойные образования. В их составе можно выделить предметный, понятийный, образный, ассоциативный, символический и ценностно-оценочные компоненты. Репрезентация содержания концептов и составляет концептуальный анализ текста. Методика концептуального анализа художественного текста индивидуальна и зависит от понимания и возможности структурирования концепта.

Концептуальный анализ художественного текста является одним из новых направлений описания концептуальной картины мира, и пока нет ещё последовательной модели анализа целого текста, но имеются серьёзные наблюдения, которые позволяют ставить проблему концептуального анализа художественного текста [Степанов, 2001; Лихачёв, 1993; Бабенко, 2009; Кубрякова, 1994]. Важным для анализа объемного художественного текста является понятие концептуальной структуры текста. Под концептуальной структурой художественного текста понимается система взаимосвязанных концептов, актуализированных в тексте, избрание одного из них на роль доминанты, при этом остальные концепты рассматриваются в качестве значимого «фона». Итак, концептуальный анализ художественного текста предполагает выявление набора ключевых слов текста, описание его концептуального пространства, определение базового концепта (концептов) этого пространства и выстраивание системы текстовых концептов [Бабенко, 2009]. Л. Г. Бабенко выделяет основные процедуры, участвующие в

концептуальном анализе текста [Бабенко, 2009: 57]: выделение предтекстовых пресуппозиций, важных для формирования концептуального пространства текста; анализ семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте; анализ лексического состава текста с целью выявления слов одной тематической области с разной степенью экспрессивности; выявление повторяющихся смыслов, реализуемых в разных контекстах, сопряженных с ключевыми словами; изучение концептосферы текста (или совокупности текстов одного автора) предусматривает обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова-носители концептуального смысла. Таким образом, поставленные перед нами задачи активного постижения авторского замысла художественного произведения «Маленький принц» должны и могут решаться с помощью комплексной методики, включающей принципы концептуального анализа художественного текста, разработанного Л. Г. Бабенко, интерпретативного подхода к анализу текста, а также принципы нового методологического подхода к исследованию структуры текста – моделирование концептосферы художественного текста [Лихачев, 1993; Степанов, 1997].

Глубина проникновения в смысл художественного произведения «Маленький принц», как и любого художественного текста, зависит от определенного уровня интеллектуального развития читателя, его жизненного опыта, интереса к теме и, особенно, его эмоционального развития, способности сочувствовать, сопереживать. Мы разделяем точку зрения Л. Г. Бабенко о том, что в решении конгитивно-эмоционального пространства между автором и читателем особую роль играют предтекстовые пресуппозиции, при помощи которых можно повлиять на знания читателя, его эмоциональное восприятие смысла художественного произведения в целом. Если не иметь представления о личности талантливого французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери, то понять замысел «Маленького принца», “этой вселенной чувств, эмоций” не представляется возможным. Размышляя о литературном чуде Экзюпери, необходимо понять – в чем секрет, тайна его таланта: в любви к матери, “сильной и мудрой”, в любви к полётам, где он впервые ощутил радость и боль, в отношении к своему делу воздушного почтальона, в обожании Сахары, откуда берет свое начало «Маленький принц», и которая дала ему возможность понять основные законы жизни – «зорко одно лишь сердце»: *On ne voit bien qu'avec le coeur. L'essentiel est invisible pour les yeux* [Saint-Exupéry, 2015: 85]; «ты в ответе за тех, кого приручил»: *Tu deviens responsable pour toujours de ce que tu as apprivoisé* [Saint-Exupéry, 2015: 86]. Модель мира автора особенно ярко, на наш взгляд, представлена в его записях в дневнике, в его письмах к друзьям, в его «Молитве». Экзюпери совершенствует свой поэтический стиль и предстает перед нами в образе своего героя,

Маленького принца (далее – МП), ищущего настоящее, «подлинное». И всем своим богатым внутренним миром он делится со своим читателем. Эту молитву А. де Сент-Экзюпери написал в один из самых тяжелых периодов своей жизни. И эта «Молитва» знакомит читателя с его мировоззрением, из которого и формируется авторский стиль, стиль создателя философской сказки «Маленький принц», в которой знаменитый писатель, как и в молитве, хочет передать несколько мудрых советов будущим поколениям. Художественное произведение «Маленький принц» представляет собой не столько описание событий, но имплицитное выражение идей, идеалов, чувств самого писателя, оно является «материальным посланием» к читателю, попыткой достучаться до людей, которые нуждаются в поддержке и которых нужно утешить: «...qu'ils ont besoin d'être consolés et qu'ils puissent servir de son texte comme un point d'appui» [Saint-Exupéry, 2015: 4]. Реализация такой коммуникативно-прагматической интенции побудила французского писателя обратиться к жанру притчи (параболический сюжет – развитие сюжета по кривой; образы-символы; отсутствие указания на место и время действия; мистическая манера «от притчи к морали») и сказки (необычность событий, учит человека жить, вселяет в него оптимизм, утверждает веру в торжество добра и справедливости). Но «Маленький принц» – это не традиционный и общепринятый вид сказки-притчи. Образы, детали, взятые из реалий французской литературной традиции Средних веков («Роман о Лисе», «Роман о Розе»), а также из реалий XX столетия (самолет, летчик) превращает это произведение в литературную романтическую сказку-мечту. А круг затронутых писателем нравственных проблем: тема добра и зла, жизни и смерти, истинной любви, настоящей дружбы; конфликт поколений; мотив бесконечного одиночества – позволяет прийти к выводу, что перед нами не просто сказка-мечта, сказка-притча, а философское произведение, эмотивно-эмоциональное послание к человечеству, размышления автора о смысле жизни, закодированные через иносказания, метафоры, символы, афоризмы. Афоризмы А. де Сент-Экзюпери вошли в нашу жизнь, стали философским обоснованием некоторых идеалов и человеческих ценностей: тема смысла жизни – *Ce qui embellit le désert, dit le petit prince, c'est qu'il cache un puits quelque part ...* ‘Знаешь, отчего хороша пустыня? Где-то в ней открываются родники...’ [Saint-Exupéry, 2015: 94]; тема дружбы и любви – *C'est bien d'avoir eu un ami, même si l'on va mourir* ‘Хорошо, если у тебя когда-то был друг, пусть даже надо умереть’ [Saint-Exupéry, 2015: 93]; тема детства – *Les grandes personnes ne comprennent jamais rien toutes seules, et c'est fatigant, pour les enfants, de toujours et toujours leur donner des explications* ‘Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать’ [Saint-Exupéry, 2015: 10]; тема

одинокства, непонимания – *On est seul aussi chez les hommes* ‘Среди людей тоже одиноко’ [Saint-Exupéry, 2015: 72].

Структурно-композиционные особенности «Маленького принца» также проявляются весьма своеобразно. Сказка-притча состоит из 27 частей (27 chapitres), каждая из которых затрагивает определенную проблему и имеет свою символическую, аллегорическую, метафорическую ценность. Две сюжетные линии: рассказчика и связанная с ним тема взаимоотношений взрослых и детей; и линия МП, история его жизни, интересные встречи, поиски дружбы, любви и т.д. В каждой линии есть своя кульминация: III и XXI главы *Une fleur unique au monde* ‘Единственный в мире цветок’; *C’est alors qu’apparut le renard* ‘Встреча с Лисом’. Особую роль в структуре философской сказки «Маленький принц» играет посвящение другу Леону Верту. Оно выполняет роль связующего звена между содержанием и реально-исторической действительностью, событиями Второй мировой войны. Уже в этом посвящении автор закладывает идею дружбы, взаимоотношений детей и взрослых: *Toutes les grandes personnes ont et d’abord été des enfants* [Saint-Exupéry, 2015: 7]. Сент-Экзюпери использовал все каноны построения сказочного текста, употребляя цепочную композицию. МП поочередно посещает семь астероидов, где он сталкивается с человеческими пороками взрослого мира: пьянство, честолюбие, лень, самолюбие. А Земля – это сгусток этих пороков (XI-XVI chapitres). Итак, предтекстовые пресуппозиции (анализ личности писателя; его жизненные позиции, стремление поделиться с читателем своими мыслями; сюжетно-композиционные особенности философской сказки-притчи «Маленький принц») выполняют специфические функции формирования восприятия ассоциативно-концептуальной парадигмы художественного произведения (идейно-тематическую, аксиологическую, катарсическую, культурологическую). Глубина проникновения в смысл художественного текста «Маленький принц» зависит и от понимания читателем особой концептуальной организации анализируемого художественного произведения, которая базируется на выявлении концептуальной авторской сущности «ключевых и сквозных» слов-образов.

Концептосфера художественного произведения «Маленький принц» представляет собой «поле» авторских «квантов» сознания, включающих ядерные и периферийные смыслы, которые необходимо установить. МП – это ядерный концепт, концепт-доминанта, место которого в своей концептосфере определил сам автор, вынеся его в сильную позицию – в заглавие своего произведения «Маленький принц». Это символ человека-путешественника, который находится в поисках смысла жизни, сущности любви и секрета дружбы. Но главная его цель – самопознание, что наиболее полно отражает суть ядерного понятия. Кроме того, МП – это символ детства, поэтому автор назвал его

«маленьким» (petit), и как сказочный принц наш «petit bonhomme» путешествует во вселенной. Концепт МП становится текстообразующим, автор посредством композиционных приёмов – диалога, путешествия, контраста, конфликта – актуализирует понятия дружба, любовь, родной дом, вода как источник жизни, взаимоотношения взрослых и детей. Вокруг ядерного концепта МП рождаются сложные символические дихотомии: МП – автор (l'auteur); МП – Змея (Le Serpent), МП – Лис (Le Renard), МП – Роза (La Rose, в оригинале La Fleur), образующие приядерную зону концептосферы произведения. Главный герой постигает тайны человеческой природы в многочисленных диалогах-беседах с этими аллегорическими персонажами. Кульминационными оппозициями являются дихотомии МП – автор и МП – Лис. Автор играет роль рассказчика в художественном тексте. Несмотря на то, что он взрослый, опытный мужчина, он сразу находит общий язык с МП. Форма монолога-исповеди придаёт особый тон повествованию, цель которого – объяснить своё одиночество. В детстве автор отличался от всех людей, он хотел рисовать и с помощью своих рисунков общаться с людьми. Но окружающие не понимали его рисунков, вместо удава, проглотившего слона, они видели шляпу: *Pourquoi un chapeau ferait-il peur?* [Saint-Exupéry, 2015: 10]. Отношения между концептами МП и Автор строятся на основе художественного приема – контраста: взрослый/ребенок, Автор – скорее ученик, МП – скорее учитель. За время, которое они провели вместе, на протяжении всего рассказа они узнали мир другого и раскрыли собственный с удивительной стороны. Они – символы настоящих отношений взрослых и детей, отцов и детей. Диалогическая стратегия писателя как общий замысел построения всей сказки особенно реализуется в общении МП и Автора. 10 диалогов (далее – Д), на протяжении которых герои беседуют, учатся терпению, пониманию, «человеческому исканию истины». Конфликтная ситуация, описанная С. Экзюпери в III главе (Д-6), научила «взрослого» воспринимать серьезно слова «ребёнка». В сознании МП серьезные взрослые, занятые своими делами, ассоциируются с Monsieur Cramoisi, господином с багровым лицом, жителем одной планеты, который никогда не нюхал цветы, не смотрел на звёзды, никогда никого не любил. Он только складывал, подсчитывал. И повторял: «Я серьезный человек, я занят серьезными делами!» Но это был не человек, а Гриб!: *Je connais une planète où il y a un Monsieur Cramoisi. Il n'a jamais respiré une fleur. Il n'a jamais regardé une étoile. Il n'a jamais aimé personne. Il n'a jamais rien fait d'autre que des additions. Et toute la journée il répète comme toi: "Je suis un homme sérieux! Je suis un homme sérieux!" et ça le fait gonfler d'orgueil. Mais ce n'est pas un homme,*

c'est un Champignon! [Saint-Exupéry, 2015: 32]. Конфликт в структуре взаимоотношений М.П. – Автор способствует динамичному эмоциональному развитию этих взаимоотношений: от удивления, неожиданности, непонимания (Д-1, Д-2) к постепенному восприятию автором мира МП (Д-8, Д-10). Образно-составляющая данной приядерной оппозиции, которая является отражением индивидуально-авторской картины мира, усиливается не только за счет авторских приемов (диалог, путешествие, контраст, конфликт), но и стилистических экспрессивных средств: парадоксальных афоризмов: *Droit devant soi on ne peut pas aller bien loin...* ‘Идти все время прямо, не значит дойти далеко’; *Le plus important est invisible...* ‘Самого главного глазами не увидишь’; *Mais les yeux sont aveugles. Il faut chercher avec le coeur* ‘Зорко одно лишь сердце’; метафор: *des étoiles qui savent rire* ‘звезды, которые умеют смеяться’; сравнений: *Je sentais battre mon coeur comme celui d'un oiseau qui meurt* ‘сердце бьется, как умирающая птица’; повторов: *comme les grandes personnes qui ne s'intéressent plus qu'aux chiffres* ‘взрослые интересуются только цифрами’; эпитетов: *le petit bonhomme* ‘маленький человечек’; *elle est tellement faible... naïve* ‘она такая слабая, наивная’. Таким образом, в понятийной составляющей приядерной оппозиции МП – Автор подбор художественных приемов, стилистических и экспрессивных средств импонирует индивидуально-авторской концепции мира и определяет особенности индивидуальной концептосферы (идиоконцептосферы) Антуана де Сент-Экзюпери.

Следующая символическая дихотомия МП – Лис (*Le renard*) – это аллегория человеческой дружбы. Встреча героя с Лисом является кульминацией. Лис как символ мудрости, наставничества учит его ритуалам дружбы, любви. В самом начале своего рассказа Экзюпери уже закладывает идею дружбы во второй главе, автор называет этого золотоволосого принца – *mon ami, mon jeune juge* ‘мой друг, мой молодой судья’, *mon petit bonhomme* ‘мой маленький человечек’. Но в XXI главе происходит таинство «приручения». С помощью слова-ядра «*apprivoiser*» французский писатель создает свой авторский фрейм такого универсального концепта как дружба. Лис открывает МП тайну приручения: приручать – это значит создать узы любви, единения душ, это значит чувствовать себя в ответе за тех, кого приручил, а самое главное – видеть не глазами, а сердцем. Это целый ритуал радостного ожидания, чувства понимания, что день встречи с другом отличается от других дней: *On ne connaît que les choses que l'on apprivoise... Tu t'assoiras d'abord un peu loin de moi... Tu t'assoiras d'abord un peu loin de moi, comme ça, dans l'herbe. Je te regarderai du coin de l'oeil et tu ne diras rien. Mais, chaque jour, tu pourras t'asseoir un peu plus près...* [Saint-Exupéry, 2015: 84]. Заповеди Лиса касаются не только

дружбы, но еще одного универсального концепта – любви. Они перекликаются с авторскими представлениями о любви, о дружбе и представлены в аллегорической дихотомии МП – Роза. Роза – это символ любви, красоты, женского начала. Но МП не сразу разглядел истинную сущность своей Розы (гл. VIII). После разговора с Лисом ему открылась истина – красота лишь тогда становится прекрасной, когда она наполнена смыслом, содержанием. Земным розам он сказал: *Vous êtes belles mais vous êtes vides. Vous n'êtes pas du tout semblables à ma rose et à mon ami le renard. Ils sont uniques au monde parce que je les ai apprivoisés. Ma Rose est plus importante que vous toutes, puisque c'est elle que j'ai arrosée, que j'ai abritée par le paravent, c'est elle dont j'ai tué les chenilles. Puisque c'est elle que j'ai écoutée se plaindre, ou se vanter, ou même quelquefois se taire. Puisque c'est ma rose* 'Вы красивые, но пустые. Вы не похожи на мою розу, на моего друга Лиса. Для меня они единственные в мире, потому что я их приручил. Моя Роза – самая важная для меня, потому что это её я поливал, защищал от ветра, гусениц, слушал ее жалобы и молчание' [Saint-Exupéry, 2015: 85].

Семантическое поле концепта Любовь представлено с помощью тех же ключевых слов, что и концепт Дружба: приручить, создать узы единения душ, раскрыть свое сердце, связать себя с другим существом нежностью, ответственностью, быть единственным другом для друга. Стилистика коммуникации аллегорических героев МП – Лис, МП – Роза передается через основной художественный прием Экзюпери – диалог, в котором доминирует точка зрения Лиса, определяющая линию поведения МП. Речевая манера Лиса характеризуется яркими сравнениями: *ma vie sera comme ensoleillée* 'моя жизнь словно солнцем озарится', *ton pas m'appellera hors du terrier, comme une musique* 'шум твоих шагов как музыка'.

Большую роль для формирования приядерной зоны в произведении «Маленький принц» играет еще одна символическая дихотомия МП – Змея (гл. XVII). Ключевая смысловая ассоциация данного сюжетного концепта – это символ возрождения, обновления. Согласно мифологии, Змея стережет источник мудрости или бессмертия. В сказке А. де Экзюпери она соединяет в себе чудодейственную силу и горестное знание судьбы человеческой, которые в словах Змеи звучат как загадки, и которые она же и разгадывает: *Oh! J'ai très bien compris, fit le petit prince, mais pourquoi parles-tu toujours par énigmes? – Je les résous toutes, dit le serpent*“ [Saint-Exupéry, 2015: 73]. Основной стилистикой диалога-беседы МП и Змеи являются четкие, краткие реплики героев: вопросы МП, ответы-загадки Змеи: – *Où sont les hommes? reprit enfin le petit prince. On est*

un peu seul dans le désert... ‘– Где люди? спросил МП. Немного одиноко одному в пустыне...’ [Saint-Exupéry, 2015: 72].

Глубокий смысл скрывается в образе-символе Планеты, на которую возвращается МП (гл. XXV-XXVII). Это символ родного дома, символ человеческой души. Для нашего героя это возвращение к исходному моменту, но в качественно обновленном виде (он нашел друзей, он осознал, что Роза – это единственный в мире цветок, в который вложена его душа, он понял заповеди Лиса, которым будет следовать всю свою жизнь). Образная составляющая концепта-символа родного дома представлена чувственно-наглядными авторскими средствами: сравнение – смех МП как шум фонтана в пустыне; вода, как музыка; слушать звезды – это 500 млн. бубенчиков; метафора – звезды, бубенчики, умеющие смеяться; гипербола – 500 млн. бубенчиков, 500 млн. фонтанов. Эти специфические когнитивные средства проявляются в контексте художественной индивидуально-авторской концепции (идиостиль А де Сент-Экзюпери). В философской сказке французского писателя есть и другие обезличенные образы-символы, которые играют особую роль для моделирования концептосферы художественного произведения «Маленький принц». Это вода – символ жизни, она утоляет жажду летчика, дает возможность возродиться МП. Ей противопоставлена пустыня – символ опустошенного войной и человеческим безразличием мира; с другой стороны, пустыня – символ духовной жажды. Она прекрасна, если в ней находятся родники, найти которые человеку помогает только сердце. Ключевое слово – «родники», выпив воды из которых, человек наполняется новым смыслом жизни: *Nous réveillons ce puits et il chante...* ‘Нужно разбудить этот родник’ [Saint-Exupéry, 2015: 96].

Антуан де Сент-Экзюпери поместил в небольшую повесть отражение реального взрослого мира с его достоинствами и недостатками. Знания о сущности тщеславия, глупости, пьянства и т.д. так же необходимы, как знания о любви, дружбе, верности, ответственности. Это базовые лингвокультурные оппозиции «хорошо – плохо», «добро – зло», «bien – mal». Тема зла в произведении рассматривается с двух позиций – маленькое зло, живущее внутри человека, и большое зло, макрозло, которое может разрушить все планеты. Понимание добра выявляется на фоне зла, поэтому МП сначала сталкивается с олицетворением макрозла: на своей планете *un petit bonhomme* каждый день борется со злыми семенами, которые лежат в земле до поры до времени, а потом прорастают в макрозло: *Sur la planète du Petit Prince, il y avait comme sur toutes les planètes, de bonnes herbes et de mauvaises herbes... il faut arracher la plante aussitôt, dès qu'on a su la reconnaître. Or il y avait des graines terribles sur la planète du petit prince... c'étaient les*

graines de baobabs [Saint-Exupéry, 2015: 25]. Для А. де Сент-Экзюпери баобабы – это персонифицированный образ зла, разрушения, образ фашизма: *Enfants! Faites attention aux baobabs!* ‘Берегитесь баобабов!’ [Saint-Exupéry, 2015: 26]. Императивная форма восклицательных предложений усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Для презентации символов микрозла французский писатель создает целый сценарий образных и речевых реализаций концепта Микрозло (гл. X-XIV): Король, который ничем не управляет, но считает, что управляет всем (*astéroïde 325*); Честолюбец, который слышит похвалу только о себе (*astéroïde 326*); Пьяница, который пьет, чтобы забыть стыд, потому что пьет (*astéroïde 327*); Делец, который считает звезды, чтобы затем присвоить их себе (*astéroïde 328*); Фонарщик, занятый исполнением какого-то договора *d’êteindre et d’allumer son réverbère* (*astéroïde 328*); Географ, который сам ничего не делает и ничего не знает, а только требует доказательств (*astéroïde 350*). Речевая реализация этого концепта Микрозло представлена автором таким стилистическим приемом как повтор (одна из характерных черт индивидуального стиля автора), служащим средством постижения сущности представленной галереи странных образов: *les grandes personnes sont bien étranges; les grandes personnes sont décidément bien bizarres, les grandes personnes sont décidément très très bizarres; les grandes personnes sont décidément tout à fait extraordinaires.*

Итак, для моделирования авторской концептосферы как совокупности авторских художественных концептов была определена структура концептосферы художественного текста «Маленький принц» – МП как базовый концепт, концепт-ядро; приядерные концепты: Автор, Лис, Змея, Роза; символы Макрозла и Микрозла как ближайшая периферия; «обезличенные» образы-символы: Вода, Пустыня как дальнейшая периферия; и вершина концептосферы – Планета принца (*astéroïde B612*) как символ родного дома, нового начала жизни; проанализированы взаимоотношения между базовыми концептами – МП – Автор; МП – Лис; МП – Змея; МП – Роза; сопоставлены авторские смыслы, установлена связь между этими смыслами; определены основные авторские художественные приемы (аллегория, диалог, путешествие, контраст, конфликт); эмоциональные стилистические средства, выступающие в роли субконцептов (повтор, парадокс, метафоры, антитезы, олицетворения и т.д.). Соответственно, концептосферу философской сказки «Маленький принц» можно, на наш взгляд, изобразить в виде схемы-параболы, которая представляет собой основной компонент структуры притчи «Маленький принц» и является ключевым моментом для понимания идеи произведения: вернувшись к исходной точке, сюжет обретает новый философско-этический смысл.

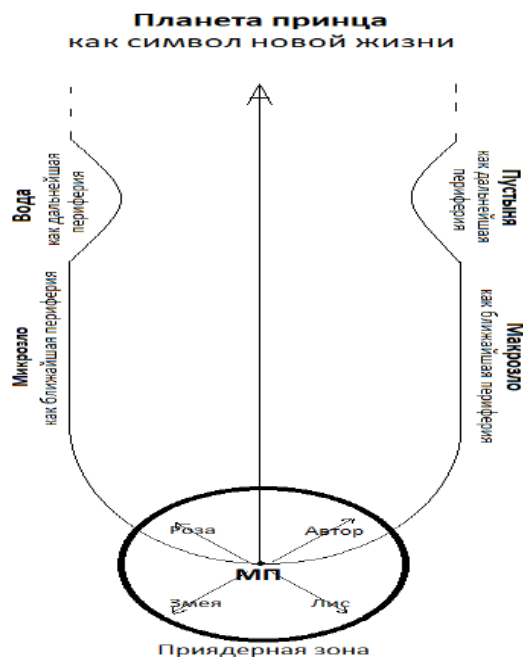

Рис. 1. Концептосфера философской сказки «Маленький принц»

Представленная модель концептуального анализа художественного произведения «Маленький принц» служит инструментом интерпретации и оценки данного произведения. Анализ иерархически организованных концептов (ядерного концепта, приядерной зоны, ближайшей и дальнейшей периферии) определяет особенности индивидуальной концептосферы А. де Сэнт-Экзюпери. Выделение концепта *МП* как текстообразующего позволяет расшифровать имплицитные идеи, замыслы автора, обнаружить смысловые связи с макротемой философской сказки, определить главный миниконцепт «поиск», так как главные персонажи находятся в состоянии поиска смысла жизни, своего места в мире, сущности жизни и смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2009. 220 с.
3. Болдырев Н. Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVIII. С. 42-48.
4. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
5. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 382 с.
6. Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
7. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности). Доступ: <http://www.crc.pomorsu.ru/articles/sbornik2> (дата обращения: 11.12.2019).

8. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Серия литературы и языка. М., 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство – СПб, 1998. 285 с.
11. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39-45.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. 250 с.
13. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. № 3. С. 3.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1994. 245 с.
2. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997. 824 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Сэнт-Экзюпери А. де. Маленький принц. М.: Эксмо, 2015. 112 с.
2. Сэнт-Экзюпери А. де. Молитва. Доступ: <https://tanya-mass.livejournal.com/1746821.html>. (дата обращения: 14.12.2019).
3. De Saint-Exupéry A. Le Petit Prince. Kiev: Chas Maistriv, 2015. 113 p.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of a man]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
2. Babenko, L. G. (2009). *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika* [Linguistic analysis of literary text. Theory and practice]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
3. Boldyrev, N. N. (2014). Metaforicheskaya interpretatsiya otnosheniy cheloveka s okruzhayushchim mirom [Metaphorical interpretation of human relations with the world]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vyp. XVIII. Pp. 42-48. (In Russ.).
4. Vinokur, G. O. (1991). *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [About the language of fiction]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Zalevskaya, A. A. (1999). *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. (In Russ.).
6. Karasik, V. I., Sternin, I. A. (2007). *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
7. Karasik, V. I. (2007). *Yazykovye kontsepty kak izmereniya kultury (subkategorialnyy klaster temporalnosti)* [Language concepts as dimensions of culture (subcategory cluster of temporality)]. Available at: <http://www.crc.pomorsu.ru/articles/sbornik2>. (accessed: 11.12.2019). (In Russ.).
8. Kolesov, V. V. (2006). *Russkaya mentalnost v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.).
9. Likhachev, D. S. (1993). Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language]. In *Seriya literatury i yazyka*. Moskva. T. 52. No. 1. Pp. 3-9. (In Russ.).
10. Lotman, Yu. M. (1998). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text]. SPb.: Iskusstvo – SPB. (In Russ.).

11. Miller, L. V. (2000). Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i yesteticheskaya kategoriya [Artistic concept as a semantic and aesthetic category]. In *Mir russkogo slova*. No. 4. (In Russ.). Pp. 39-45.

12. Popova, Z. D., Stermin, I. A. (2007). *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh. (In Russ.).

13. Frumkina, R. M. (1992). Kontseptualnyy analiz s tochki zreniya lingvista i psikhologa [Conceptual analysis from the point of view of linguist and psychologist]. In *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*. Ser. 2. No. 3. Pp. 3. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Kubryakova, E. S. (1994). *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. M.: Izd-vo MGU. (In Russ.).

2. Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar russkoy kultury: opyt issledovaniya* [Dictionary of Russian culture: research experience]. Moskva. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. De Saint-Exupéry, A. (2015). *Malenkiy prints* [Little prince]. Moskva: Yeksmo. (In Russ.).

2. De Saint-Exupéry, A. *Molitva* [Prayer]. Available at: <https://tanya-mass.livejournal.com/1746821.html>. (accessed: 14.12.2019). (In Russ.).

3. De Saint-Exupéry, A. (2015). *Le Petit Prince*. Kiev: Chas Maistriv, 2015. (In Fr.).

Белых Алла Яковлевна – старший преподаватель кафедры романской филологии (e-mail: tat-globa@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Byelykh Alla Ya. – Senior Lecturer of Romance Philology Department (e-mail: tat-globa@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Глоба Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии (e-mail: tat-globa@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Globa Tatyana N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Romance Philology Department (e-mail: tat-globa@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 23 декабря 2019 г.

ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ КОНТЕКСТА

В статье проводится сопоставление двух концепций о роли контекста в формировании категории релевантности – инференционный контекст Теории релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон и социальный контекст в понимании Т. ван Дейка. Выделяются точки соприкосновения обоих подходов и их непротиворечивость в рамках развивающейся концепции «трансфера знаний».

Ключевые слова: категория релевантности, инференционный контекст, социальный контекст, трансфер знаний.

© 2020 G. P. Popova

RELEVANCE THEORY: TWO CONCEPTS OF CONTEXT

The article compares two concepts of the role of context in the formation of the category of relevance – the inference context of D. Sperber and D. Wilson's theory of relevance and the social context in T. van Dijk's understanding. The points of contact of both approaches are identified and their consistency within the framework of the developing concept of «knowledge transfer» are analysed.

Key words: category of relevance, inference context, social context, knowledge transfer.

В своей программной работе, постулирующей Теорию релевантности (ТР), [Sperber, Wilson, 1986; 1995] (далее S&W), Д. Шпербер (Спербер) и Д. Уилсон выступили прежде всего против глобализации модели языковой коммуникации в терминах «кодирование – декодирование». По их мнению, высказывание только дает повод к интерпретативной (рефлексивной) деятельности реципиента, которая в равной степени касается и того, что выражено эксплицитно («экспликатура»), и того, что подразумевается или следует из контекста («импликатура»).

При этом смысл не есть производное от простого декодирования языкового компонента (текста), – он рождается на основе прагматических факторов (ситуация, энциклопедические знания, общие знания отправителя и получателя, их взаимоотношения и интересы и т. д.). Причем контекст не является только чем-то внешним по отношению к высказыванию, он рождается в голове адресата как основание для понимания и принятия смысла сообщения [Fodor, 1986]. Под контекстом понимается когнитивный конструкт, который есть «не что иное, как сумма представлений человека о мире в определённом времени и месте и включает логическую, энциклопедическую и лексическую информацию. Эти представления, релевантные для инференции, отбираются на основе 1) доступности (минимум процессуального усилия) и 2) потенциального вознаграждения в терминах модификации (увеличение, усиление или отказ) для воспринимающих знания о

мире (контекстуальные эффекты)». Экспликатурой называется содержание (суждение), эксплицитно выраженное в высказывании как результат наполнения смыслом семантической репрезентации в соответствии с намерением автора. В экспликатуре воплощается модель декодирования, то есть в выраженном средствами языкового кода сообщении восстанавливается логическая схема (содержание), которая извлекается автоматически в процессе декодирования высказывания [Sperber, Wilson, 1995: 182]. Ведь пропозициональная форма не всегда исчерпывает сказанное («what is said») [Recanati, 1989]: слушающему обычно приходится дополнять, восстанавливать полную пропозицию (смысл) высказывания. Например, высказывание «Остынет!» (It'll get cold), как правило, означает еду и приглашение к трапезе. А «Доигрались!» означает не объявление об окончании игры, а плачевный исход рискованного поступка. Поэтому, следуя S&W, экспликатуры также подвержены инференции (исчислению смысла), как и косвенные речевые акты или другие *импликатуры* (интенциональное имплицитное подразумевание).

По мнению S&W, в естественной коммуникации далеко не вся информация, получаемая из сообщения, «кодирована» в нем. Далеко не все интерпретируемые *релевантные* признаки ситуации могут интенционально кодироваться языковым или каким-то другим особым кодом. Так, в ситуации приема посетителей обращение к следующему в очереди означает, что разговор с предыдущим клиентом окончен. Клиент сам делает вывод из этого остенсивного (очевидного) «сигнала», значение которого возникает не из интенционального сообщения, а из текущей ситуации. Так же из ситуации, опираясь на наши знания социального взаимодействия, мы решаем, что будет уместно сказать, а о чем лучше промолчать, что способен понять наш собеседник, а что будет для него непонятным или неприемлемым и т. д. Стратегия интерпретатора (отправителя и получателя) основана на способности прогнозировать то, что будет сказано собеседником. Интерпретатор приписывает собеседнику определенную речевую интенцию, определяющую и содержание, и форму его выражения в высказывании. Такая стратегия не является успешной априори, но в большинстве случаев оправдывает себя. Говорящий полагает, что его собеседник обладает навыками кооперативного общения, знаниями импликатур, знанием того, что является необходимым для кооперативного общения и эффективной коммуникации.

По мнению S&W, это процессуальное знание (компетенция) отлично от того знания бесконечно регрессивного типа («Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь ... и т. д.»), которое было идентифицировано как *общее знание* (common knowledge) или как *взаимное знание* (mutual knowledge). Именно на этом обоюдном универсальном

«разделяемом знании» (shared knowledge) [Dijk, 2009] покоится принцип кодирования и декодирования, в котором контекст должен быть строго ограничен взаимным знанием, – в противном случае, по мнению сторонников кодовой модели, нет никакой гарантии понимания. По мнению S&W, понятие «общие знания» не соответствует реальным когнитивным процессам, во-первых, в связи трудоемкостью постоянного выяснения «общности» знаний, во-вторых, потому что даже равные по энциклопедической базе знаний люди могут видеть в одной и той же информации и / или ситуации разные смыслы – разную степень релевантности составляющих, интерпретируют ее по-разному. Этому способствует размытость лингвистической информации в силу семиотической асимметрии плана выражения и плана содержания (многозначность в самом общем смысле). Поэтому вместо категории «общего знания» S&W вводят понятие *когнитивная среда / сфера – cognitive environment* (общая и индивидуальная). Отличие понятия «когнитивная среда», предложенного Шпербером и Уилсон, от понятия «общее знание» состоит в отсутствии единого заданного контекста («общих знаний» и пресуппозиций – *background*).

В соответствии с моделью Шпербера и Уилсон адресат может распознать намерения говорящего на основе знания его когнитивной среды. Отличия в когнитивных средах двух людей представляют собой, кроме обычных отличий в знаниях, опыте, способностях, различный *объем области допущений*, который зависит от социальной среды, опыта и познавательных способностей индивида: «Вся когнитивная среда человека представляет собой набор фактов, которые он может воспринимать и интерпретировать» [Sperber, Wilson, 1989: 39]. Когнитивная среда человека является функцией его мозга (физиологической ментальной среды) и его когнитивных способностей. Она состоит не только из всех фактов, которые он осознает на данный момент, но и из всех фактов, которые он способен осознать и усвоить в процессе коммуникации.

Общая минимальная когнитивная сфера, позволяющая взаимодействие любого с любым, основана на прототипических значениях (концептах), которыми мы оперируем в обыденной концептуализации [Болдырев, 2018]. Взаимопонимание в первом приближении основано на ближайших значениях (А. А. Потебня) словесных знаков, в то время как дальнейшее значение доступно лишь по мере проникновения в суть предмета. Взаимопонимание достижимо благодаря нежесткой общей («размытой») семантике концепта при сохранении его прототипического ядра. Тем более, что, как показывают исследования, в речи актуализируются не установившиеся раз и навсегда экземплярные («атомарные») концепты, а их операциональные «копии» – *ad hoc*-концепты, то есть концепты, поворачивающиеся своими «нужными» для выражения мысли сторонами,

релевантными для момента коммуникации («здесь и сейчас»). Особенно это характерно для метафорической коммуникации. Говоря «этот хирург – настоящий мясник», мы актуализируем лишь часть концепта «мясник», определенные и далеко не основные (не ядерные) его концептуальные признаки (грубые движения, отсутствие осторожности и гуманного отношения к «разделяваемой» плоти и т. д.) [Fauconnier, Turner, 1998]).

По мнению Т. ван Дейка, для понимания значимости элемента, в частности в языке, необходимо его сопоставить с окружением – контекстом, – непосредственным (ко-текст, дистрибуция) или дальнейшим – структура в целом, системность, выполняемые функции. Связь понятий *релевантность* и *контекст* также становится основой его исследования.

«Тридцать лет я пишу книгу под названием «Текст и контекст»», – пишет Т. ван Дейк [Dijk, 2008: vii]. Приближаясь к общей теории контекста, Т. ван Дейк указывает источники, на которые он опирается, с которыми спорит, но признает их фундаментальность в формировании того направления, которое он развивает и называет *социокогнитивным подходом* [Dijk, 2008; 2009; 2014]. Будучи «личностной и интеракционной» категорией, по мнению Т. ван Дейка, контексты как ментальные модели (КММ) шире рамок отдельного текста или конверсации, как это представляется в «конструктивистских» и «формалистских» концепциях, к которым Дейк относит Теорию релевантности Шпербера-Уилсона [Dijk, 2008: 11; 13]. Социальная объективность коммуникативной ситуации взаимодействует с динамикой ментального и речевого поведения ее участников. Здесь Дейк практически выступает как сторонник объективистского (почти марксистского) подхода к сущности контекста: «В формальных парадигмах контексты часто сводятся к наборам пропозиций [Sperber and Wilson 1995] (ссылка в оригинале – Г. П.) и вряд ли анализируются сами по себе за пределами очевидных параметров, таких как время, место и общие знания (common ground) участников. <...> Анализ контекста не ограничивается дисциплинами гуманитарных и социальных наук. Из тысяч книг, в названии которых есть слово «контекст», многие представляют другие явления и дисциплины. Действительно, мы можем говорить о контекстуализме, то есть о движении, перспективе или своего рода теории, которая для каждой дисциплины противопоставляется контекстуально-свободным, абстрактным, структуралистским, формалистским, автономным, изолированным или другим «интровертным» способам изучения явлений» [Dijk, 2008: 11; 119 – перевод наш; ссылка на работу S&W в оригинале – Г. П.]. Теория контекстуальных моделей, по выражению Т. ван Дейка, – это учение о представлениях (репрезентациях) и механизмах, позволяющих «делать релевантными» когнитивные и социальные свойства ситуаций социального

взаимодействия. В этом смысле эта теория созвучна интеракциональным подходам, свойственным различным направлениям социальной науки [Dijk, 2008].

Один из основных тезисов, выдвигаемых Ван Дейком, заключается в том, что контексты – это не какая-то объективная социальная ситуация, а скорее социально обоснованный, но субъективный конструкт коммуникантов, отражающий релевантные для них свойства социальной ситуации, то есть это *ментальная модель*.

Предполагается, что такие контекстные модели управляют многими аспектами производства и понимания текста и речи. Это означает, что пользователи языка не просто участвуют в обработке дискурса; они в то же время участвуют в динамическом построении своего субъективного анализа и интерпретации коммуникативной ситуации *on-line*.

КММ динамичны – они конструируются для каждой новой коммуникативной ситуации, а затем постоянно обновляются и адаптируются к субъективной интерпретации текущих изменений ситуации, включая предшествующий дискурс и нюансы интерперсонального взаимодействия. Другими словами, контекстуальные модели развиваются «непрерывно» и «линейно», то есть параллельно речевому взаимодействию и во взаимодействии с другими КММ. Они позволяют участникам адаптировать дискурс или его интерпретации к коммуникативной ситуации, поскольку она меняется каждый момент с каждым новым высказыванием на протяжении всего речевого взаимодействия.

Контекстуальные модели превращают ментальные модели событий (референтов) в дискурсивные модели (пропозиции) и обеспечивают решающее недостающее звено в когнитивной теории обработки текста. КММ определяют условия уместности дискурса и, следовательно, являются основой теории прагматики, а точнее – основанием *релевантности дискурса*.

В теории Т. ван Дейка термин *контексты как ментальные модели* должен заменить устаревшее понятие *ситуации речи*, бытующее до сих пор в прагматических исследованиях. Они по сути показывают, как контекст может контролировать скрытые аспекты текста и устного общения, которые касаются участников интеракции, их отношения к социальной ситуации и т. д.

КММ не только отражают референтное содержание, но имеют также прогностическую функцию. Построенные на основе приобретенного жизненного и коммуникативного опыта, они имеют ретро- и проекционную ориентацию. Особенно это относится к письменному и институциональному общению, но также касается и спонтанной речевой интеракции. Контекстные модели объясняют как и почему использование языка является социально, личностно и ситуативно изменчивым:

«... в ментальных моделях представлен не только способ интерпретации или планирования дискурса, но и, в более общем плане, все наши личные переживания, как они представлены в эпизодической памяти. Мы можем рискнуть и предположить, что наша повседневная жизнь, как последовательность переживаний, представляет собой сложную структуру ментальных моделей, которые мы можем просто назвать моделями опыта. Эта сложная структура нашей повседневной жизни может быть организована многими способами, но кажется вероятным, что эти личные переживания структурированы такими основными эмпирическими категориями, как время (периоды), места (например, города, в которых мы жили), участники (например, люди, с которыми мы жили или работали), причинность (причины, условия, последствия), уровень (микро- и макрособытия), значимость (что более или менее важно) и актуальность (что наиболее полезно в нашей повседневной жизни) среди других измерений» [Dijk, 2008: 66-67 – перевод наш Г. П.].

«Contexts do not represent complete social or communicative situations, but only – schematically – those properties that are *ongoingly relevant*. In other words, a context model theory is at the same time a theory of the *personal and of the interactional relevance* of the situation interpretations of participants (in Chapter 3, we shall see how such a theory is related to, but different from, the theory of relevance of Sperber and Wilson, 1995)» [Dijk, 2008: 19 – выделено нами – Г. П.] («Контексты не представляют собой социальные или коммуникативные ситуации, они только схематически воспроизводят наиболее релевантные их характеристики; <...> теория КММ – теория *личностной и интеракционной релевантности* (выборочный перевод наш – Г. П.).

Как отмечает Т. ван Дейк, помимо важных интерсубъективных и социальных ограничений субъективные ментальные модели могут также подвергаться влиянию «объективных» ограничений, таких как восприятие физических свойств вещей или людей, или ситуаций (проксемика, внезапное недомогание и т. д.). Таким образом, субъективность ментальных моделей не означает, что они полностью субъективны, так же как уникальность каждого отдельного дискурса (идиолекта) не означает, что такой дискурс действительно полностью оригинален.

Критика концепции Д. Шпербера и Д. Уилсон, помимо упрека в том, что они не упоминали в своей книге [Sperber, Wilson, 1995] работ самого Дейка [Dijk, 2008: 78], сводится, прежде всего, к отличиям в определениях релевантности, предложенных Д. Шпербером и Д. Уилсон с одной стороны, и Т. ван Дейком, с другой (см. табл.).

Таблица. Два аспекта релевантности: Т. ван Дейк vs Д. Шпербер и Д. Уилсон

Д. Уилсон и Д. Шпербер	Т. ван Дейк
Интерпретация релевантна в контексте тогда и только тогда, когда она имеет некоторый контекстуальный эффект в этом контексте [Sperber, Wilson, 1995: 122]	Факт и, следовательно, знание факта важно (или релевантно) по отношению к контексту или в целом к ситуации, если это является непосредственным условием для вероятного события или действия (или предотвращения их) в этом контексте или ситуации [Dijk, 2009]

При явной близости данных положений различие, отмечаемое Т. ван Дейком, состоит в том, что для S&W релевантность имеет статус **перлокутивности** (эффект), отсутствующей в определении Т. ван Дейка. Говоря о релевантности факта (референта, предмета обсуждения), последний рассматривает релевантность как одно из **условий** успешности **иллокуции** (интенциональность говорящего и значимость для слушающего), фактически трактуя релевантность как Максиму отношения («говори по существу дела») в духе Грайса [Grice, 1979]. По мнению Т. ван Дейка, это позволяет уйти от жесткой детерминированности причинно-следственной связи: это допускает более слабые отношения релевантности, такие как включение (возможное или вероятное следствие вместо необходимого следствия). Например, голод, несомненно, является релевантным (хотя и не необходимым) условием для еды, но, к сожалению, для многих миллионов людей в мире такое условие не имеет «эффекта» (необходимого следствия) еды [Dijk, 2008: 78]. Этот пример показывает, что в трактовке Т. ван Дейка релевантность – это внешняя характеристика высказывания (стимул), относящаяся к подлежащему знанию и последующему за высказыванием действию (выводу следствия). Релевантность S&W относится к самому процессу понимания высказывания. При сопоставлении двух концепций – Шпербера-Уилсон и Ван Дейка – **инференциальная модель (понимание) коммуникации** сопоставляется с **фактуальной моделью коммуникации как передачи (трансфера) знаний**. А качество знания (факта), как известно, зависит от качества (умения) его интерпретации (эффективности).

Наряду с этим Т. ван Дейк различает семантическую релевантность и прагматическую релевантность – первая есть релевантность знаний (убеждений и т. д.), необходимых для осмысленности высказывания, а вторая (прагматическая) – уместность и соответствие условиям успешности речевого акта [Dijk, 2008: 79].

По нашему мнению, различие двух подходов (S&W vs van Dijk) состоит в разной степени реализации понятия «**условие успешности**». В определении Т. ван Дейка речь идет об успешности пропозиции *in posse* («важность» для деятельностной ситуации), а в

определении S&W – об успешности (действенности, эффективности) самого акта сказывания¹ *in esse* («эффект» от того, что сказано – 'what is said'). Возникает та же дилемма между значением элемента и его значимостью, между знанием факта и его интерпретацией. Здесь проявляется многозначность самого термина *релевантность*: 1) 'значение / актуальность' у Дейка; 2) 'значимость / эффективность' у Шпербера-Уилсон.

Приведем ряд примеров: поздравление в день рождения актуально, но может быть искренним или формальным, жданным или неожиданным, а может испортить настроение имениннику на весь день; банальность (поговорка, пословица), сказанная вовремя (к месту), перестает быть банальностью, а становится аргументом; актуальность темы диссертации не является гарантией ее теоретической и практической значимости и т. д.

Между рассмотренными подходами нет антагонизма. Трансферный (транзакционный) процесс направлен на выявление и формирование общих знаний собеседников, общего пропозиционального пространства [Демьянков, 2016]. Он активируется, когда существует симметрия между планом содержания и планом выражения (прямое значение, превалирующая информативность и эксплицитность). Трансферная и транзакционная модели коррелируют между собой и соотносятся с кодовой моделью коммуникации: передача знания и декодирование происходит по конвенциональным правилам.

Инференциональный механизм включается при семиотической асимметрии формы и/или содержания. В соответствии с принципом пропорциональности (градуальности) релевантности, в трансферной модели затрат на процедурные усилия значительно меньше. Тем не менее, это не гарантирует априорной максимальной релевантности, учитывая возможный малый когнитивный эффект, и наоборот, – инференции при восприятии фигуративного (переносного) и фикциального (выдуманного) смысла художественных произведений требуют значительных усилий, которые оправдываются эстетическим, понятийным и эмоциональным удовлетворением (катарсисом). Трудно назвать прочтение «Войны и мира» в полном смысле «передачей знания» без учета процедурных усилий, «работы» создания «читательского смысла» (инференции, эвокации [Dominicy, 2007]). На более «приземленном» уровне это же касается и простых жанров, связанных с извлечением и достраиванием смысла (метафора, шутка, анекдот, каламбур, загадка и т. д.).

¹ О термине «сказывание» (от франц. *énonciation*) см. [Попова 2004; 2019; Алферов, Кустова, Попова 2018].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Релевантность динамического семиозиса, или когнитивное измерение «сказывания» (О дополнительности лингвопрагматической и когнитивной парадигм) // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. Пятигорск: ПГУ, 2018. Вып 26. С. 15-20.
2. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Москва: Языки славянской культуры, 2018. 478 с.
3. Демьянков В. З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Москва: Культурная революция, 2016. С. 61-85.
4. Попова Г. Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Воронеж, 2004. 16 с.
5. Попова Г. Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология. Пятигорск: Изд-во «ПГУ», 2019. 368 с.
6. Dijk van T. A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. xiii, 267 p.
7. Dijk van T. A. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. New York: Cambridge University Press, 2009. 287 p.
8. Dijk van T. A. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach. London: Cambridge University Press, 2014. viii, 400 p.
9. Dominicy M. L'évocation discursive: Fondements et procédés d'une strategie 'opportuniste' // Semen 24, 2007. P. 145-165.
10. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science. 1998. Vol. 22. P. 133-187.
11. Fodor J. A. La modularité de l'esprit. P.: Minuit, 1986. 234 p.
12. Grice H. P. Logique et conversation // Communications, 30. P.: Seuil, 1979. P. 57-72.
13. Recanati F. The Pragmatics of What is Said // Mind & Language. 4(4). 1989. P. 295-329.
14. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 265p. / 2nd ed. Oxford; Cambridge: MA, 1995. 338 p.

REFERENCES

1. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu., Popova, G. E. (2018). Relevantnost dinamicheskogo semiozisa, ili kognitivnoe izmerenie «skazyvaniya» (O dopolnitelnosti lingvopragmaticheskoy i kognitivnoy paradigm) [Relevance of dynamic semiosis, or cognitive dimension of «telling» (About complementarity of pragmatic and cognitive paradigms)]. In *Raznourovnevye cherty yazykovykh i rechevykh yavleniy*. Pyatigorsk: PGU. Vyp 26. Pp. 15-20. (In Russ.).
2. Boldyrev, N. N. (2018). *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system. Cognitive theory of language]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
3. Demyankov, V. Z. (2016). *Yazykovye tekhniki «transfera znaniy»* [The language techniques of «knowledge transfer»] In *Lingvistika i semiotika kulturnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii*. Kollektivnaya monografiya. Moskva: Kulturnaya revolyutsiya. Pp. 61-85. (In Russ.).
4. Popova, G. E. (2004). *Relevantnost vyskazyvaniya kak edinitsy rechevogo vzaimodeistviya (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Relevance of the utterance as a unit of speech interaction (on the material of the French language)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Voronezh. (In Russ.).

5. Popova, G. E. *Relevantnost rechevoy interaktsii: aspektualnaya i zhanrovaya tipologiya* [The relevance of verbal interaction: the aspect and genre typology]. Pyatigorsk: Izd-vo «PGU», 2019. (In Russ.).
6. Dijk, van T. A. (2008). *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Dijk, van T. A. (2009). *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. New York: Cambridge University Press.
8. Dijk, van T. A. (2014). *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach*. London: Cambridge University Press.
9. Dominicy, M. (2007). L'évocation discursive: Fondements et procédés d'une stratégie 'opportuniste'. In *Semen* 24. Pp. 145-165.
10. Fauconnier, G., Turner, M. (1998). Conceptual integration networks. In *Cognitive science*. Vol. 22. Pp. 133-187.
11. Fodor, J. A. (1986). *La modularité de l'esprit*. P.: Minuit.
12. Grice, H. P. (1979). Logique et conversation. In *Communications*, 30. P.: Seuil. Pp. 57-72.
13. Recanati, F. (1989). The Pragmatics of What is Said. In *Mind & Language* 4(4). Pp. 295-329.
14. Sperber, D., Wilson, D. (1986; 1995). *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Basil Blackwell. / 2nd ed. Oxford; Cambridge: MA.

Попова Галина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» (e-mail: gepopova@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный технический университет» 414056, Астрахань, ул. Татищева, 16

Popova Galina E. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department (e-mail: gepopova@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Astrakhan State Technical University» 16 Tatichsheva str., Astrakhan, 414056

Поступила в редакцию 08 ноября 2019 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'2

© 2020 А. Ю. Багиян, Г. Р. Нерсесян

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКОВОЙ ДЕЛОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена исследованию языковой деловой картины мира. Дается характеристика функционированию универсальных и национальных особенностей английского и русского языков в контексте деловой коммуникации, в том числе на синтаксическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Ключевые слова: дискурс, деловой дискурс, языковая картина мира, институциональность, речевые маркеры.

© 2020 A. Yu. Bagiyany, G. R. Nersesyan

UNIVERSAL AND NATIONAL FEATURES OF BUSINESS LANGUAGE WORLDVIEW IN ENGLISH AND RUSSIAN

The addresses the business language worldview and compares functioning of universal and national features of English and Russian in the context of business communication on syntactical, morphological and lexical levels.

Key words: discourse, business discourse, language picture of the world, institutionalization, speech markers.

Язык, представляющий собой естественно возникающую в человеческом социуме систему знаковых единиц, предназначенных для выражения совокупности понятий и мыслей индивида, всегда являлся условием развития и продуктом человеческой культуры, включающей в свое определение систему исторически сложившихся способов восприятия, интерпретации и оценки происходящих в действительности событий, т. е. определенную картину мира.

Безусловно, картины мира, отраженные в человеческом сознании представителей разных культур, социумов, институтов и т. д., воплощая самые разные свойства языка, содержательно всегда отличаются друг от друга. Отличия затрагивают все сферы жизнедеятельности человека, и они особенно очевидны там, где между представителями различных культур и сообществ происходят постоянно развивающиеся в контексте современного времени процессы построения коммуникации, стабильных и тесных

экономических, политических отношений, интеграции человеческих и материальных ресурсов и т. д. – в деловой сфере жизнедеятельности социума.

При участии человека в подобных процессах и его желании их успешного развития следует учитывать ряд особенностей, касающихся как универсальных, так и национальных черт языковых деловых картин мира.

Языковая деловая картина мира представляет собой речемыслительную деятельность человека как основного средства формирования, хранения и выражения его профессиональных компетенций и опыта. Являясь единством языковой формы, значения и действия, языковая деловая картина мира всегда обусловлена внутренним миром, системой понятий, ценностей, ожиданий, экстралингвистическими знаниями человека, его ежедневной профессиональной деятельностью – способом индивида определять и направлять свое существование, подчинять его достижению поставленных целей через демонстрацию и реализацию идей и стремлений, репрезентируемых использованием конкретных языковых средств и языковой политики [Ширяева, Авшаров, 2018]. Как результат, языковая деловая картина мира реализуется в сформированной риторике повествования и метаязыковом поведении человека: «A professional is identified by the community he belongs to and by his *discourse*» [Irimiea, 2017: 116]. ‘Профессионал определяется общностью, к которой он принадлежит, и его *дискурсом*’ [перевод авторов – А. Ю., Г. Р.]. Т. е. именно речевое поведение субъектов коммуникации транслирует сформированную языковую деловую картину мира.

Прежде чем сравнить две отличные друг от друга языковые деловые картины мира в английском и русском языках, взятых нами для анализа, приведем пример их общих, универсальных характеристик.

Универсальными чертами языковой деловой картины мира, с нашей точки зрения, можно считать актуализирующиеся в деловом языковом пространстве его *институциональные дискурсивные* особенности. Деловой дискурс относится к идентифицирующим типам дискурса, т. е. к тем, которые устанавливают четкие границы своего функционирования и относят говорящих к конкретному социальному институту. Интеграция и инкультурация в деловой дискурс ведет к формированию определенного языкового поведения коммуникантов, т. е. причина, по которой человек говорит, пишет и действует определенным образом, обоснована и спроектирована дискурсом, принимающим в деловом языковом пространстве *универсальный институциональный линейный, ритуализированный, стандартизированный и обобщенно-отвлеченный* характер, *регламентированность, содержательность, шаблонность и точность*, а также

вбирающим ряд *универсальных* компонентов дискурсивной модели (агент, клиент, цель, ценности, хронотоп, жанр и т. д.) [Багиян, 2017].

Общий характер, обоснованный целевыми установками деловой коммуникации в английской и русской языковых деловых картинах мира, будут иметь речевые *стратегии* построения диалога, среди которых выделяют стратегии: сотрудничества, соперничества, авторитарности, подчинения [Ширяева, 2006: 35-36]; конвенциональные и манипулятивные [Баландина, 2004: 14]; аргументативную, манипулятивную, куртуазную [Тарнаева, 2014]. Так как деловая сфера жизнедеятельности человека постоянно видоизменяется, модифицируется и трансформируется, необходимо признать, что на данный момент в науке отсутствует типология стратегий и тактик построения деловой коммуникации, которая могла бы считаться исчерпывающей.

Кроме этого, универсальной чертой языковых деловых картин мира является их неярко выраженный стилистический характер, вбирающий в себя минимальное количество средств речевой выразительности. Это напрямую связано с функциональной нагруженностью делового дискурса, направленного на развитие прозрачного, однозначного и надежного диалога, что, безусловно, ведет к использованию определенных лексических единиц.

Говоря об универсальной *лексической* составляющей или *речевых маркерах* языковой деловой картины мира, стоит выделить общие для английского и русского языков.

Таблица. *Речевые маркеры языковой деловой картины мира*

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК		РУССКИЙ ЯЗЫК	
1		2	
Аббревиатуры			
MBO	management buyout	ООО	общество с ограниченной ответственностью
PLC	public limited company	МВФ	международный валютный фонд
CPD	continuing professional development	ИО	исполняющий обязанности
P & L statement	profit and loss statement	СП	совместное предприятие
SWOT analysis	strengths, weaknesses, opportunities and threats analysis	БМ	бизнес-моделирование
Формальные лексические единицы			
to buy	→ to purchase	вздуать (цены)	→ повысить
to tell	→ to inform	приехать	→ прибыть
to want	→ to require	город	→ населенный пункт
because	→ on the ground that	машина	→ транспортное средство
enough	→ sufficient	человек	→ гражданин

1	2
Пассивные синтаксические конструкции	
<ul style="list-style-type: none"> – To create a cohesion, team members <i>must be provided</i> with a convincing reason to be a part of the company mission. – The company <i>was sold</i> for \$5 million. 	<ul style="list-style-type: none"> – Все разногласия и споры по настоящему договору <i>решаются</i> путем переговоров между сторонами. – До заключения настоящего договора ТС [транспортное средство] никому не <i>продано</i>, не <i>заложено</i>, в споре и под арестом не состоит.
Закрепленные дискурсивные формулы	
<ul style="list-style-type: none"> – I'd like to inform you of... – I would be interested in obtaining... – It would be helpful if you could send us ... – Our company would be pleased to ... – I regret any inconvenience caused by... 	<ul style="list-style-type: none"> – В соответствии с нашей договоренностью... – В ответ на Ваш запрос... – Подводя итоги, необходимо подчеркнуть... – Согласно Вашей просьбе... – Ставим Вас в известность...
Лексические единицы / словосочетания, передающие пространные или расплывчатые формулировки в сообщении (для демонстрации вежливости, сдержанности и мягкого выражения критики и императива, а также доброжелательности высказываний и вербального сглаживания разногласий)	
<ul style="list-style-type: none"> – in order to meet your wishes – when opportunity arises – apologies for any inconvenience caused 	<ul style="list-style-type: none"> – выразить свое несогласие с ... – учесть особые обстоятельства – ставить вопрос под сомнение

Затрагивая **национальные** особенности языковых деловых картин мира в целом, стоит обозначить: во-первых, их ограниченное функционирование в деловом языковом пространстве вследствие создания определенных целеориентированных условий деловой коммуникации; во-вторых, их зависимость от исторически сложившихся культурных, социальных и других аспектов жизнедеятельности отдельного социума, связанных с его трудовой активностью и бытом, менталитетом, национальным характером и психологическим портретом. Так, например, некоторые исследователи выделяют ряд концептов языковой деловой картины мира в английском языке, слабо функционирующих, по их мнению, в русском языковом деловом дискурсе: MANAGEMENT, TIME-MANAGEMENT, LEADERSHIP, EFFICIENCY, NETWORKING. Это объясняется неумением грамотно управлять временным и человеческим ресурсами в русской деловой среде, что, как следствие, отражается в языке и приводит к большому количеству заимствований лексических единиц из английского языка в русский [Пашина, 2018: 201-202].

Затрагивая специфические языковые особенности английской и русской языковых картин мира в рамках деловой коммуникации, стоит отметить их:

– синтаксические особенности, среди которых в английском языке в деловом контексте особо актуализируется употребление субъектами коммуникации настоящего времени вместо прошедшего для создания ощущения реальности и спешности происходящих процессов: «*I have been disappointed to notice that lately there have been several instances where confidentiality has been breached*» [Васильева, 1998]; опущение артиклей: «*We require (the) payment by (an) irrevocable letter of credit available by draft at sight*»; использование местоимения **they** вместо местоимения **it**, когда речь идёт о компании, с целью указания на лица, руководящие компанией: «*Atlassian, a global software giant, built a culture where articulating why certain decisions are made is important in how they have built trust*» [Kambouris]; использование прямого порядка слов и полноты высказывания для придания коммуникативному акту безэмоциональности, консервативности и детальности: «*I have been looking at our records and have seen that I failed to make a note, and so have not sent you the information required by you*» [Васильева, 1998].

Синтаксические особенности в русском языке проявляются в активном использовании инфинитивных конструкций, придающих высказыванию установочный характер: *составить акт, согласовать условия, аннулировать договор, обозначить время* и т. п.; безличных / сложных предложений с придаточным условным, конкретизирующим передаваемую информацию: «*В случае, если одна из сторон возражает против исключения доказательства, судья вправе огласить протоколы следственных действий и иные документы, имеющиеся в уголовном деле и (или) представленные сторонами*» [УПК РФ Статья 235]; функционировании родительного падежа (чаще всего фигурируемого в названиях / шапках официальных документов): Постановление Правительства РФ «*Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации*» [Постановление Правительства];

– морфологические особенности английского и русского языков в деловой культуре проявляются в практическом отсутствии уменьшительно-ласкательных суффиксов, что не позволяет ярко выразить отношение говорящего к происходящим событиям; этому также способствует практическое отсутствие категории рода в английском языке, в то время как в русском языке распространённость категории рода может решать проблему неопределённости;

– лексическими **национальными** особенностями в языке в пределах делового общения будут являться различного рода идиоматические конструкции, пословицы и

поговорки, отражающие исторически-культурную базу и характер социума. Так, паремиология русского языка выставляет деловую сферу в достаточно негативном свете, подчеркивая ее лживый, скандальный характер, строгое соблюдение организационной иерархии, продажность и жадность [Анохина, 2014]. Осознание человеком неизменности этих признаков лишней раз демонстрирует употребление будущего времени в зафиксированных в языке паремиях: *Все в старостах будем – некому будет и шапки перед нами сымать; Куда ты глазом кинешь, туда мы кинем головы свои; Не подмажешь – не поедешь*. В свою очередь, паремиологический фонд английского языка в рамках делового языкового пространства охватывает в большей степени такие концепты деловой картины мира как *рациональность, объективность, материальное процветание, ценность времени: Business first, pleasure after; Time is the soul of business; Time is money*.

Подводя некоторые итоги, еще раз отметим, что универсальные черты языковой деловой картины мира в английском и русском языках прослеживаются в институциональных признаках делового дискурса, его стилистике, стратегиях и выборе лексических единиц; национальные черты языковой деловой картины мира в английском и русском языках затрагивают синтаксические, морфологические и лексические аспекты языка.

Перспективными для будущих исследований, с нашей точки зрения, предстают процессы интеркультурации и симплификации делового дискурса, протекающие на фоне глобальной унификации языкового и экстралингвистического поведения представителей деловой сферы, что, безусловно, ведет к трансформации ее характера, закрепленного за конкретным социумом.

Примечание

Публикация выполнена в рамках проекта «Концептуальное лингвопроектирование профессиональной идентичности в инновационной экономике: лингвокогнитивное, социо-лексикографическое и прагма-аксиологическое моделирование русскоязычного и западноевропейского научно-популярного дискурса» по гранту Президента Российской Федерации (№ МК-6895.2018.6; руководитель – А. Ю. Багиян).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохина С. А., Кожушкова Н. В., Прокофьева А. В. Отражение деловой сферы в русских пословицах и поговорках // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 50-52.
2. Багиян А. Ю., Натхо О. И., Ширяева Т. А. Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект. Казань: Бук, 2017. 184 с.
3. Баландина Н. А. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2004. 20 с.
4. Васильева Л. Деловая переписка на английском языке. Москва: Рольф, 1998. 352 с.
5. Пашина А. В. Этноспецифические концепты англоязычного учебно-академического бизнес-дискурса // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2018. № 42. С. 199-202.
6. Тарнаева Л. П. Видовые различия делового дискурса: лингводидактический аспект проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42). Ч. 3. С. 171-183.

7. Ширяева Т. А. Когнитивная модель делового дискурса. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. 256 с.

8. Ширяева Т. А., Авшаров А. Г. Социокогнитивное моделирование как методологическая основа изучения делового дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 94-102.

9. Bargiela-Chiappini F., Nickerson C. Business discourse: old debates, new horizons. Available at: https://www.jiscmail.ac.uk/cgi-bin/webadmin?000_01C22E5B.7C236030&T=application%2Foctetstream;%20name=%22Business%20discourse.pdf%22&N=Business%20discourse.pdf&attachment=q. (accessed: 21.09.2019).

10. Irimiea S. B. Professional Discourse as Social Practice // European Journal of Interdisciplinary Studies. 2017. Vol. 9. № 1. Pp. 108-119.

11. Kambouris A. Your Team Will Succeed Only if They Trust Each Other. Available at: https://www.entrepreneur.com/article/311725_A3=ind02&L=BUSINESSDISCOURSENET&E=base64&P=24129&B=%3D_NextPart_. (accessed: 10.10.2019).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Постановление Правительства «Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». Доступ: <http://static.government.ru/media/files/vL5gNOoCwZws6qCmBDEAWjGNmDFTKpJ3.pdf>. (дата обращения: 09.10.2019).

2. УПК РФ Статья 235. Ходатайство об исключении доказательства. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/920af0a7e79d075670ca3b3c4e7c50047e12ee85/. (дата обращения: 09.10.2019).

REFERENCES

1. Anokhina, S. A., Kozhushkova, N. V., Prokofeva, A. V. (2014). Otrazhenie delovoy sfery v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Reflection of business sphere in Russian proverbs and sayings]. In *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 77. Pp. 50-52. (In Russ.).

2. Bagiyana, A. Yu., Natkho, O. I., Shiryayeva, T. A. (2017). *Mudrost vekov v yazyke biznesa. Paremiy v angloyazychnom nauchno-populyarnom delovom diskurse: kognitivno-diskursivnyy aspekt* [Wisdom of Centuries in the Language of Business. Paremia in English Science-Popular Business Discourse]. Kazan: Buk. (In Russ.).

3. Balandina, N. A. (2004). *Diskurs peregovorov v angloyazychnoy delovoy kommunikatsii* [Discourse of negotiations in English business communication]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Volgograd. (In Russ.).

4. Vasileva, L. (1998). *Delovaya perepiska na angliyskom yazyke* [Business correspondence in English]. Moskva: Rolf. (In Russ.).

5. Pashina, A. V. (2018). Etnospecificcheskie kontsepty angloyazychnogo uchebno-akademicheskogo biznes-diskursa [Ethnospecific concepts as reflection of a national character]. In *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. No. 42. Pp. 199-202. (In Russ.).

6. Tarnaeva, L. P. (2014). Vidovye razlichiya delovogo diskursa: lingvodidakticheskiy aspekt problemy [Business Discourse Type Differences: Linguodidactic Aspect of the Problem]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12 (42). Pp 171-183. (In Russ.).

7. Shiryayeva, T. A. (2006). *Kognitivnaya model delovogo diskursa* [Cognitive model of business discourse]. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU. (In Russ.).

8. Shiryayeva, T. A., Avsharov, A. G. (2018). Sotsiokognitivnoe modelirovanie kak metodologicheskaya osnova izucheniya delovogo diskursa [Socio-cognitive modeling as a methodological basis of business discourse analysis]. In *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. No. 1. Pp. 94-102. (In Russ.).

9. Bargiela-Chiappini, F., Nickerson, C. Business discourse: old debates, new horizons. Available at: https://www.jiscmail.ac.uk/cgi-bin/webadmin?000_01C22E5B.7C236030&T=

application%2Foctetstream;%20name=%22Business%20discourse.pdf%22&N=Business%20discourse.pdf&attachment=q. (accessed: 21.09.2019).

10. Irimiea, S. B. (2017). Professional Discourse as Social Practice. In *European Journal of Interdisciplinary Studies*. Vol. 9. No. 1. Pp. 108-119.

11. Kambouris, A. *Your Team Will Succeed Only if They Trust Each Other*. Available at: <https://www.entrepreneur.com/article/311725> A3=ind02&L=BUSINESSDISCOURSENET&E=base64&P=24129&B=%3D_NextPart_. (accessed: 10.10.19).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Postanovlenie Pravitelstva «Ob osushchestvlenii mer po realizatsii gosudarstvennoy politiki v sfere otsenki effektivnosti deyatelnosti organov ispolnitelnoy vlasti subektov Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii»* [On the implementation of measures to employ state policy in the field of evaluating the effectiveness of executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation and invalidating certain acts of the Government of the Russian Federation]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/vL5gNOoCwZws6qCmBDEAWjGNmDFTKpJ3.pdf>. (accessed: 09.10.19).

2. *UPK RF Statya 235*. Khodataystvo ob isklyuchenii dokazatelstva [Code of Criminal Procedure Article 235. Request for the exclusion of evidence]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/920af0a7e79d075670ca3b3c4e7c50047e12ee85/. (accessed: 09.10.19).

Багиян Александр Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации (e-mail: alexander.0506@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» 357532, Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9

Bagiyan Alexander Yur. – PhD in Philology, Associate Professor of the English Language and Professional Communication Department (e-mail: nersesyangr@gmail.com), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357532

Нерсесян Гаянэ Робертовна – аспирант кафедры английского языка и профессиональной коммуникации (e-mail: nersesyangr@gmail.com), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» 357532, Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9

Nersesyan Gayane R. – Past-graduate Student of the English Language and Professional Communication department (e-mail: nersesyangr@gmail.com), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 31 октября 2019 г.

ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В БИЛИНГВАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются прагматические функции и особенности вербализации персонального дейксиса в дискурсе политических деятелей Республики Южная Осетия. Выявляются основные модели и наиболее частотные дейктические формы, в частности, формулы обращения, характеризующие политическую коммуникацию Южной Осетии. Персональный дейксис участников политической коммуникации отражает этнолингвокультурную специфику югоосетинского политического дискурса и менталитет южных осетин.

Ключевые слова: политическая коммуникация, билингвизм, переключение кодов, персональный дейксис, лексическая и морфологическая интерференция.

© 2020 I. D. Bekoeva

ETHNOSPECIFIC PECULIARITIES OF PERSONAL DEIXIS VERBALIZATION IN BILINGUAL POLITICAL COMMUNICATION

The present article deals with the study of pragmatic functions and peculiarities of personal deixis in the discourse of the politicians of the Republic of South Ossetia. The research reveals major models and the most frequently used deictic forms, formulas of address, in particular, inherent in the political communication. Personal deixis of the political communication participants reflects both ethnolinguocultural specificity of the South-Ossetian political communication and the mentality of the South Ossetians.

Key words: political communication, bilingualism, code switching, personal deixis, lexical and morphological interference.

Введение. Политическая деятельность – общественный институт, фиксированный в нормах, правилах, ритуалах, формулах, имеющих, прежде всего, вербальную реализацию.

Политическую систему невозможно представить без коммуникации. Поскольку основной системообразующей целью в политической коммуникации является власть, вербальные и невербальные средства политической борьбы используются политиками с целью, чтобы информировать, мотивировать, влиять на формирование общественного мнения, убеждать, реализовать свои политические цели.

Одним из наиболее эффективных языковых средств, используемых в политическом дискурсе, является персональный дейксис, различные аспекты исследования которого вызывают пристальный интерес исследователей, поскольку включены в антропологическую парадигму.

Изучение политической коммуникации в Республике Южная Осетия (далее РЮО)

являются новым направлением, актуальность которого обусловлена важностью проведения исследований, выявляющих универсальные и этноспецифические признаки политической картины мира южных осетин. Активные исследования в этом направлении начались и ведутся с 2015 года (И. Д. Бекоева, В. П. Джигоева 2015, 2016, 2017, 2018, 2019).

Комплексность и многоаспектность югоосетинской политической коммуникации обусловлена несколькими факторами: 1) всеобщим билингвизмом участников политической коммуникации (осетинский, русский языки); 2) этноспецификой югоосетинского общества, характеризуемого общинными связями и близкостранностью политической коммуникации; 3) лингвокультурными характеристиками, отражающими традиции и менталитет южных осетин.

Исследование осуществлено в русле когнитивной лингвистики, сравнительно-сопоставительного языкознания, дискурсологии, лингвокультурологии.

Методологической основой настоящего исследования послужили труды отечественных (В. Н. Базылев, Э. В. Будаев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Г. П. Манаенко, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал) и зарубежных ученых (J. Baudrillard, T. A. van Dijk, P. Sériot).

Теоретическим фундаментом части исследования, посвященной проблемам билингвизма и интерференции послужили работы В. А. Аврорина, Е. М. Верещагина, Ю. Д. Дешериева, Ю. А. Жлуктенко, А. Е. Карлинского, В. Ю. Розенцвейга и др. Различные аспекты билингвизма, полилингвизма, интерференции нашли свое отражение в трудах У. Вайнрайха, А. Мартине, Э. Хаугена, У. Лабова, П. Ауэра, Э. Сепира, Р. Хадсона, Дж. Фишмана, Л. Блумфилда и других.

Впервые изучения дейксиса было предпринято в работах Э. Бенвениста, Ю. Д. Апресяна, О. Н. Селиверстовой, К. Бюлера.

Дейксис также рассматривается в работах современных отечественных ученых: О. А. Артемовой [2017], А. А. Габеев [2017], Н. А. Голик [2017], Л. М. Пахолковой [2012] и др.

Целью данного исследования является выявления базовых прагматических функций персонального дейксиса, реализуемого в билингвальной югоосетинской политической коммуникации в жанрах интервью, встречах с избирателями, предвыборных дебатах и роликах. В качестве эмпирического материала было использовано 267 текстовых фрагментов выступлений югоосетинских политиков.

1. Особенности билингвальной югоосетинской политической коммуникации.

В Южной Осетии два государственных языка, статус которых закреплён в соответствии с конституционным законом о государственных языках РЮО [Конституционный Закон ...].

Описание ситуации двуязычия с точки зрения лингвистической, по мнению В. Ю. Розенцвейга представляется как «набор языковых вариаций», которыми владеют носители билингвизма, и неких правил или алгоритма переключения языковых кодов в зависимости от сферы языкового применения, их общественных и личных связей билингвов. В описании особенностей билингвизма определённой социальной или этнической группы данного общества, задача лингвиста, как полагает В. Ю. Розенцвейг, состоит в изучении набора языковых средств, используемых носителями билингвизма при переключении языковых кодов, т. е. в составлении «матрицы кодов» членов данного билингвального коллектива [Розенцвейг, 1972: 12-13].

Именно эти принципы и легли в основу исследования. Прежде всего, представляют интерес особенности функционирования языков в билингвальной политической коммуникации, проявление интерференции в политическом дискурсе югоосетинских политических лидеров и отражение интерферентных явлений в персональном дейксисе, в частности, формах адресации.

1.1. Интерференция. Исследователи, определяя по-разному интерференцию, сходятся во мнении о том, что это нарушение норм или отклонения от нормы каждого из языков, образующих билингвальную комбинацию. Интерференция имеет место в речи билингвов, или лиц, являющихся носителями билингвизма, в результате того, что они знакомы более чем с одним языком, то есть интерференция является следствием контакта языков [Вайнрайх, 1979: 22].

В. Ю. Розенцвейг определяет интерференцию как «нарушение билингвом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы...» [Розенцвейг, 1963: 59].

Интерференция – это «...явление отклонения от языковых норм, которое возникает при регулярном использовании человеком (или коллективом) двух или более языков» [Михайлов, 1969: 61]. Не противореча дефинициям вышеупомянутых авторов, можно определить интерференцию как ненамеренное отклонение от совокупности правил, регламентирующих построение речи в данном языке. Интерференция проявляется в речи носителя билингвизма вследствие перенесения или калькирования моделей одного языка на другой, в иных случаях интерференция предполагает перестройку моделей по образцу другого языка. Перестройка может происходить одновекторно либо двухвекторно, т. е. перестройке могут подвергнуться модели как первичной языковой системы (родного языка) так и вторичной (неродного языка). Но установленным фактом является то, что

влиянию подвергается та модель, которая является менее привычной, менее усвоенной, реже употребляемой.

Интерференция проявляется на разных уровнях – фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Здесь рассматриваются две разновидности интерференции: морфологическая и лексическая, проявляемые в объективации персонального дейксиса.

1.2. Дейксис. В соответствии с определением, данным в лингвистическом энциклопедическом словаре, дейксис – это «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами [ЯБЭС, 2000: 128].

Определение дейксиса предполагает «... локацию или идентификацию лиц, предметов, событий, процессов и действий, о которых говорят или к которым отсылают, относительно пространственно-временного контекста, создаваемого и поддерживаемого актом высказывания и участия в нем, как правило, одного говорящего и, по крайней мере, одного адресата» [Дрига, 2008: 15].

Различают разные виды дейксиса: персональный, темпоральный, локальный, социальный, ситуативный, дискурсивный [Арсаланова, 2009: 18].

Персональный дейксис идентифицирует участников политической коммуникации; темпоральный определяет временные параметры общения, а локальный – пространственную организацию коммуникативного события; социальный дейксис отражает иерархические отношения между участниками политической коммуникации; ситуативный дейксис выражает отношение коммуниканта к передаваемой информации, к коммуникативной ситуации, к целевой аудитории. Дискурсивный дейксис способствует структурированию непосредственно текста через применение пояснений, уточнений, ссылок, клише, вводных фраз и оборотов [Пахолкова, 2012: 119].

Дейктические средства служат для актуализации в речи говорящего коммуникативной задачи, являющейся более значимой в конкретной коммуникативной ситуации [Лисова, 2018: 25].

2. Этноспецифика югоосетинского политического персонального дейксиса. Политическая коммуникация характеризуется выраженностью личностной и партийной или общеидеологической позиции участника коммуникации, прямой или опосредованной адресацией к другим участникам [Бекоева, 2019: 38]. Предметом данного исследования является персональный дейксис, который в югоосетинской политической коммуникации потенциально может пересекаться с социальным в силу специфики социального и общественного уклада осетин, для которого характерна общинность, иерархия социальных и внутрисемейных отношений.

К ритуальной составляющей югоосетинского политического дискурса относится обращение к аудитории *хорз адаем* ‘люди добрые’. Подобное обращение характерно для религиозных и патронимических праздников (кувдов), похоронных и свадебных обрядов. Еще одной этноспецифической чертой югоосетинской политической коммуникации являются благопожелания, обращения к осетинским богам с просьбой хранить народ Осетии, покровительствовать людям в важных начинаниях. В данном фрагменте персональный дейксис вербализован посредством использования топонимов и этнонимов. Импликация обращения (*хорз адаем* ‘люди добрые’, *на Ирыстоны адаем* ‘народ / люди нашей Осетии’) состоит в конкретизации сегмента аудитории – это осетины, граждане Южной Осетии.

<...> *Хорз адаем! Негасы царæнбон дæр бирæ уæт!Æмæ Хуыцауæй арфæгонд фæут! Абон негас дæр рамбырдыстæм хорз хъудтагыл. На Ирыстоны адаем, на сом бон, сымахймæ аразгæ у.* [Предвыборный ролик ...] ‘Люди добрые! Долгих вам лет жизни! Да благословит вас Господь! Сегодня мы все собрались по хорошему поводу. Народ Осетии, наше будущее в твоих руках!’ (Здесь и далее перевод И. Д. Бекоевой).

Переключаясь на первичную языковую систему, т. е. родной язык, и упоминая президентов Северной и Южной Осетии, участник политической коммуникации называет их имена в соответствии с нормами осетинского языка, предписывающими последовательность «фамилия, имя» (*Битарты Вячеслав*), но не «имя, фамилия».

Именуя президента Южной Осетии своим приятелем (*хæлар*), Вячеслав Битаров, реализует стратегию самопрезентации через тактику определения социального индекса и отождествления двух президентов с этнической общностью, представителями которой они являются. *Хæлар* – друг, приятель, товарищ, преданный человек [РОС, 2013; БРОС, 2011]. Персональный дейксис, объективированный притяжательным местоимением *нае наш* (*нае адаемы фидæн* ‘будущее нашего народа’), в смысловом отношении двухслоен. С одной стороны, президент Северной Осетии конкретизирует, имея в виду, что выборы проходят в Южной Осетии и, соответственно, он говорит о будущем югоосетинского сегмента электората, с другой стороны, являясь президентом Северной Осетии, Битаров использует притяжательное местоимение *нае наш*, реализуя идею о единстве разделенного народа. Словосочетание *архайæг президент* ‘действующий президент’, косвенно определяет точку зрения оратора – власть должна быть отдана в руки действующего президента, соответственно, Леонида Тибилова.

Битарты Вячеслав равдыста йе ‘ууæнк <...> Уый банысан кодта, йæ хæлар æмæ коллега Тыбылты Леонид фидар ныфсы хицау кæй у æмæ фидарæй загъта, нае адаемы

фидæн раттын кæй хъæуы архайæг президентты къухтæм [Хурзæрин]. ‘Вячеслав Битаров выразил свое доверие <...>. Он отметил, что его товарищ и коллега Леонид Тибиллов оправдает надежды, также он твердо заявил, что будущее нашего народа должно быть отдано в руки действующего президента’.

Характерным для осетинской лингвокультуры и югоосетинской политической коммуникации является обращение на «ты». Объясняется это тем, что в осетинском языке нет формы уважительного обращения на «Вы». Исторически такое явление объясняется демократичностью осетинского общества, которое, в первую очередь, характеризовалось социальным равенством и стойкими внутриобщинными, внутрисемейными и внутриклановыми связями. Личное местоимение третьего лица единственного числа *ды* ‘ты’ и глагол *уæвын* ‘быть’ в форме третьего лица единственного числа, как и обращение к участнику коммуникации *Леонид Харитоны фырт* ‘Леонид, Харитонов сын’, также отражает лингвокультурную особенность югоосетинской политической коммуникации, реализуя ритуальность и этноспецифичность обращения к лидеру государства.

Ды, Леонид Харитоны фырт, уыцы къухдариуæггæнæг дæ <...> [Хурзæрин]. ‘Ты, Леонид Харитонович (Харитонов сын), тот руководитель, который <...>’.

Представляет интерес адресация, отражающая общинность взаимоотношений между членами социума и реализующая индекс этнической принадлежности. Выступающий политик, обращаясь к избирателю, называет его *мæ æфсымæр* ‘мой брат’, демонстрируя близкостность коммуникации и переключение дискурсивного регистра с институционального на полуинституциональный. Дейксис, выраженный третьим лицом единственного числа *дæуæн* ‘тебе’ (обращение к собеседнику вне зависимости от возраста и статуса), характерен для осетинской политической коммуникации, отражая лингвокультурную особенность политической картины мира южных осетин. Наречие *лично*, являясь интеркаляцией, реализует стратегию самопрезентации и создания положительного эмоционального настроения целевой аудитории.

Я не знаю, мæ æфсымæр (перевод с осетин. ‘мой брат’) <...>. *Дæуæн æй лично дзурын* <...> [Я не знаю ...]. ‘Я не знаю, мой брат <...>. Тебе я это лично говорю <...>’.

В следующем фрагменте мы находим проявление морфологической интерференции, заключающейся в том, что один из участников коммуникации, обращаясь к другому участнику, старшему по возрасту и статусу, использует дейксис-кальку с русского языка. В осетинском языке нет вежливой формы обращения на «Вы», принято обращаться на *ды* ‘ты’ к любому человеку, независимо от его возраста и статуса. Морфологическая интерференция в данном случае реализуется через модель, существующую во вторичной языковой системе, т. е. в русском языке, и переносится на осетинский язык. Таким

образом, говорящий обращается к участнику коммуникации, желая подчеркнуть возрастную и статусную субординативность посредством дейксиса, выраженного личным местоимением во втором лице множественного числа *сымах* ‘вы’, *сымахæн* ‘вам’, что является отклонением от норм осетинского языка.

Диалог в следующем фрагменте отражает билингвальную специфику югоосетинской политической коммуникации. Поскольку все жители Южной Осетии являются носителями билингвизма (координативного и субординативного), переключение языковых кодов происходит в подавляющем большинстве случаев спонтанно, бессознательно. В ряде случаев переключение кодов носит алгоритмический характер и обусловлено стратегическими установками. В данном случае, модератор дебатов обращается по-русски к одному из участников коммуникации (*Анатолий Ильич*).

Модератор: *Анатолий Ильич, раскройте, пожалуйста тему сегодняшних дебатов <...>*. Участник коммуникации, к которому обратился модератор, отвечает ему на осетинском языке, но персональный дейксис реализуется в соответствии с нормами русского языка, поскольку в осетинском языке нет подобного обращения.

Анатолий Бибилов: *Уæ изæрттæ хорз, зынаргъ æмбæстæггтæ <...> Уæ изæр хорз, сымахæн, Леонид Харитонович, Алан Эдуардович, Тамерлан, бузныг кæй нæ сæртымбыл кодтай* [Теледебаты² ...].

Должно было быть *Леонид Харитоны фырт* ‘Леонид, Харитонов сын’, *Алан Эдуарды фырт* ‘Алан, Эдуардов сын’. Данный пример является типичным проявлением лексической интерференции. Обращаясь к модератору, участник коммуникации реализует этноспецифическую особенность коммуникации, используя личное местоимение второго лица единственного числа *ды* ‘ты’ и вспомогательный глагол *кæнын* ‘делать’ в форме третьего лица единственного числа *кодтай*.

Как и в предыдущем фрагменте, следующий диалог иллюстрирует спонтанность переключения с одного языкового кода на другой. Модератор дебатов обращается к участнику на русском языке, а участник отвечает ему на осетинском. Персональный дейксис, используемый в данном случае – это имена участников коммуникации, реализует субординативность югоосетинской политической коммуникации, поскольку участники коммуникации, к которым обращаются, являются младшими по возрасту и по социальному статусу. Старший из участников коммуникации обращается к своим младшим коллегам по имени *Анатолий, Алан, Тамерлан*. Статусное и ролевое распределение среди участников коммуникации отражает традиционную для осетинского общества иерархическую соотнесенность *хистæр-кæстæр* ‘старший-младший’. Во всех

проанализированных фрагментах имена и фамилии участников политической коммуникации перечисляются в зависимости от их возрастного и социального статуса.

Ситуативный и социальный дейксис югоосетинской политической коммуникации строится по принципу ролевого и статусно-иерархического распределения для того, чтобы показать интегрированность каждого члена общества в определенный электоральный сегмент (политический, социальный, территориальный, патронимический) и подчеркнуть высокую ценностную значимость данной принадлежности.

Модератор: *Пожалуйста, Леонид Харитонович.*

Леонид Тибиллов: *Бузыг, Тамерлан. Уæ изæрттæ хорз ,уæ изæрттæ хорз, нæ зынаргъ æмбæстæггтæ, æвзæрджытæ, уæ изæрттæ хорз, нæ хотæ æмæ æфсымæртæ. Уæ изæр хорз, Анатолий, Алан [Теледебаты¹ ...].*

Субординативность и статусность коммуникации реализуются в следующем фрагменте через ритуальную последовательность выступлений, закрепленную в соответствии с возрастной соотнесенностью участников. Модератор в первую очередь предоставляет слово тому из участников, который статусно определен как *хистæр* ‘старший’.

Модератор: *Пожалуйста, Леонид Харитонович, Вы первый, как всегда, отвечаете на вопрос.*

Леонид Тибиллов: *Спасибо, <...> но, в первую очередь, я, наверное, должен ответить на несколько вопросов, которые были обозначены здесь и Анатолием Ильичом, и Аланом (пауза) Эдуардовичем.*

Принимая приглашение к разговору, старший участник коммуникации реализует персональный дейксис средствами русского языка, обращаясь к младшим коллегам по имени-отчеству. Данный фрагмент является скриптом видеозаписи устно продуцированного выступления, в котором особый интерес представляет паузация. Называя соучастников коммуникации, выступающий располагает их в возрастной последовательности от старшего к младшему. Младшего из всех выступающий называет по имени, поскольку так предписывают этнолингвокультурные нормы осетинской коммуникации, но затем, после небольшой паузы, он все-таки добавляет отчество, понимая, что поскольку коммуникация реализуется средствами русского языка, то уместнее обращаться к коллегам по имени-отчеству.

Персональный дейксис, объективируемый в данном текстовом фрагменте, отражает проявление морфологической интерференции. Участник коммуникации, желая начать разговор, конкретизирует имя коллеги *Алан Эдуардычæй райдайæм* ‘начнем с Алана Эдуардовича’. В данном примере к редуцированной просторечной форме Эдуардыч, говорящий прибавляет осетинскую падежную флексию *-æй* (Эдуардыч +-æй). По схожей

модели образуется персональный дейксис *Леонид Харитонычы* (Харитоныч + осетинская падежная флексия *-ы*).

Анатолий Бибилов: *Алан Эдуардычæй райдайæм <...> Уый ма фондз азы разма Леонид Харитонычы программæйы бафарстон <...> ‘Начнем с Алана Эдуардовича’ <...> ‘Это я еще пять лет назад прочитал в программе Леонида Харитоновича’ <...>.*

Алан Гаглоев: *Йæрын уал Анатоли Ильичæн радтон фарст æз дæр <...> ‘В этот раз пока я задам вопрос Анатолию Ильичу’ <...> [Теледебаты² ...].*

В следующем фрагменте выявляется наложение интеркаляции и морфологической интерференции. Интеркалирование реализуется через спонтанное включение в речь на родном языке средств вторичной языковой системы *уый* *реально у трагедия* ‘это реально является трагедией’. Морфологическая интерференция реализуется через прибавление русской флексии *-я* к основе заимствованной единицы *трагеди* + *-я*:

<...> уый реально у трагедия. Без сомнения, Алла Алексеевна. Чтобы Анатолий Константинович понимал, я перейду из уважения на русский язык [Теледебаты² ...].

Этноспецифика югоосетинской коммуникации проявлена в данном диалоге через намеренное переключение языкового кода из уважения к участнику коммуникации, который не владеет осетинским языком. Таким образом, выступающий применяет стратегию самопрезентации, реализуемую через тактику соотнесения себя с определенной этнической и культурной общностью, характеризуемой особым этическим и моральным кодексом, предписывающим проявлять гостеприимство и вежливость к гостям.

Персональный дейксис обращения реализуется в анализируемом фрагменте средствами русского языка. Выступающий, обращаясь к ведущей, называет ее по имени Ирина Алихановна. Элемент эвфемистического дейксиса использован участником коммуникации, когда он упоминает своих спутников. Говоря *мемæ цы адæмимæ* ‘*рбацыдтæн*’ ‘те люди, которые со мной пришли’, говорящий имеет в виду своих единомышленников, своих соратников по партийной работе, по политической борьбе.

Уæ изæрттæ хорз, ма зынаргæ æмбæстæгтæ, нæ зынаргæ æвзарджытæ. Ирина Алихановна, æз абон, мемæ цы адæмимæ ‘*рбацыдтæн*’ <...> [Теледебаты² ...]. ‘Добрый вечер, мои дорогие сограждане, добрый вечер, мои дорогие избиратели. Ирина Алихановна, те люди, с которыми я сегодня пришел’ <...>.

Исследование этноспецифических признаков югоосетинской политической коммуникации позволило сделать следующие выводы и обобщения.

1. Специфическая особенность политической коммуникации заключается в ее дискурсивном характере. Решение политических проблем зависит от того, насколько

эффективно эти проблемы объективируются с лингвистической точки зрения политическими деятелями.

2. В условиях билингвального общества, эффективность политической коммуникации зависит от степени владения политиком языками. Как показало исследование, все без исключения участники югоосетинской политической коммуникации (100%) являются носителями осетино-русского билингвизма. Монолингвальный тип политика не выявлен.

3. Югоосетинская билингвальная коммуникация характеризуется переключением языковых кодов (намеренным или спонтанным). Переключение кодов обусловлено коммуникативной целью политического события, выбором целевой аудитории. В 64,7 % случаев переключение языковых кодов является спонтанным, бессознательным и вербализуется через морфологическую и лексическую интерференцию и интеркалирование языковых единиц из вторичной языковой системы (общение с избирателями и гражданами РЮО). В 35,3% случаев участники коммуникации переключаются на другой язык намеренно, что обусловлено коммуникативной ситуацией и целевой аудиторией (обращение к гражданам РФ, гостям из других государств).

4. Интерферентные модели, реализуемые в югоосетинской политической коммуникации, относятся к морфологии (присоединение падежных окончаний одной языковой системы к словообразующей основе другой языковой системы) и лексике (использование личного местоимения во втором лице единственного числа *ты* вместо уважительной формы *Вы*; обращение по имени вместо обращения по имени-отчеству).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсаланова Е. Р. Функционирование дейксиса при реализации информационно-интерпретационной стратегии в немецкой политической речи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 17 (155) Филология. Искусствоведение. Вып. 32. С. 18-21.
2. Артемова О. А. Прагматика персонального дейксиса в белорусском языке. 2017. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-personalnogo-deyksisa-v-belorusskom-yazyke>. (дата обращения: 21.12.2019).
3. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Москва, 1986. Вып. 28. С. 5-33.
4. Бекоева И. Д. Вербализация персонального дейксиса в реализации комбинированных стратегий и тактик предвыборной политической коммуникации. Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот. Екатеринбург, 2019. С. 38-40.
5. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища шк., 1979. 264 с.
6. Габец А. А. Функциональная парадигма дейктических средств в инаугурационных речах американских президентов XX-XXI веков. 2017. Доступ: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/5266/5137>. (дата обращения: 21.12.2019).

7. Голик Н. А. О влиянии персональных дейктических единиц на построение связного текста. 2017. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-personalnyh-deykticheskikh-edinits-na-postroenie-svyaznogo-teksta/viewer>. (дата обращения: 21.12.2019).

8. Дрига С. С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации (на материале ток-шоу): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2008. 136 с.

9. Лисова О. О. Временной дейксис в речи участников радиointervью. 2018. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoy-deyksis-v-rechi-uchastnikov-radiointervyu>. (дата обращения: 21.12.2019).

10. Михайлов М. М. Двязычие (принципы и проблемы). Чебоксары, 1969. 136 с.

11. Пахолкова Л. М. Некоторые особенности прагматики персонального дейксиса в институциональном политическом дискурсе (на материале речей руководителей ФРГ, РФ и США при вступлении в должность) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Вып. 3. Т. 2. С. 119-122.

12. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы языковых контактов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. VI. С. 5-25.

13. Розенцвейг В. Ю. О языковых контактах // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 57-67.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. Русско-осетинский словарь. 3-е изд. Владикавказ: Ир, 2013. 487с. [РОС].
2. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 687 с. [БРОС].

3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с. [ЯБЭС].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Конституционный Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Республики Южная Осетия». Доступ: <https://www.cominf.org/node/1166520412>. (дата обращения: 22.12.2019).

2. Предвыборный ролик Алана Гаглоева. 2017. Доступ: <https://www.youtube.com/watch?v=AwsHROF6xNQ>. (дата обращения: 21.12.2019).

3. Теледебаты¹ кандидатов в президенты РЮО. <https://www.youtube.com/watch?v=sBRsE6CCsyvg>. (дата обращения: 13.12.2019).

4. Теледебаты² кандидатов в президенты РЮО. 7.04.2017. Доступ: https://www.youtube.com/watch?v=4bPF_S0t_Wo&feature=emb_logo. (дата обращения: 21.12.2019).

5. Битарты Вячеслав: «Хуссар Ирыстон куыд æндидзы, уымæн æнæфенгæ нæй» // Хурзæрин. 2017. Доступ: <http://new.xurzarin.ru/bitarty-vyacheslav-xussar-iryston-kuyd-aendidzy-uymaen-aenaefengae-naej/>. (дата обращения: 12.12.2019).

6. Я не знаю, мæ æфсымæр Доступ: <https://www.facebook.com/100013271077347/posts/803331960119166/?d=n>. (дата обращения 22.12.2019).

REFERENCES

1. Arsalanova, E. R. (2009). Funktsionirovanie deyksisa pri realizatsii informatsionno-interpretatsionnoy strategii v nemetskoj politicheskoy rechi [Functioning of deixis in realization of information and interpretation strategy in the German political speech]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 17 (155) Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 32. Pp. 18-21. (In Russ.).

2. Artemova, O. A. (2017). *Pragmatika personalnogo deyksisa v belorusskom yazyke* [Pragmatics of the personal deixis in the Belarussian]. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-personalnogo-deyksisa-v-belorusskom-yazyke> (accessed: 21.12.2019).

3. Apresyan, Yu. D. (1986). *Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira* [Deixis in Grammar and the primitive picture of the world]. Moskva. (In Russ.).

4. Bekoeva, I. D. (2019). Verbalizatsiya personalnogo deyksisa v realizatsii kombinirovannykh strategiy i taktik predvybornoy politicheskoy kommunikatsii [Verbalization of the personal deixis in the realization of combined strategies and tactics of pre-election political communication]. In *Lingvopoliticheskaya personologiya: diskursivni povorot*. Ekaterinburg. Pp. 38-40. (In Russ.).

5. Vaynraykh, U. (1979). *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: situation and problems of research]. Kiev. (In Russ.).

6. Gabets, A. A. (2017). *Funktionalnaya paradigma deykticheskikh sredstv v inauguratsionnykh rechakh amerikanskikh prezidentov XX-XXI vekov* [Functional paradigm of deictic means in the inauguration speeches of the American presidents of the XX-XXI centuries]. Available: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/5266/5137>. (accessed: 21.12.2019). (In Russ.).

7. Golik, N. A. (2017). *O vliyaniy personalnykh deykticheskikh edinits na postroenie svyaznogo teksta* [On the influence of the personal deictic units on the formation of the coherent text]. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyaniy-personalnyh-deykticheskikh-edinits-na-postroenie-svyaznogo-teksta/viewer>. (accessed: 21.12.2019). (In Russ.).

8. Driga, S. S. (2008). *Sotsialnyy deyksis diskursa massovoy kommunikatsii (na materiale tok-show)* [Social deixis of the mass communication discourse (based on the materials of talk shows)]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Tver. (In Russ.).

9. Lisova, O. O. (2018). *Vremennoy deyksis v rechi uchastnikov radiointervyu* [Temporal deixis in the speeches of the radio interview participants] Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoy-deyksis-v-rechi-uchastnikov-radiointervyu>. (accessed: 21.12.2019). (In Russ.).

10. Mikhaylov, M. M. (1969). *Dvuyazychie (printsipy i problemy)* [Bilingualism (principles and problems)]. Cheboksary. (In Russ.).

11. Pakholkova, L. M. (2012). Nekotorye osobennosti pragmatiki personalnogo deyksisa v institutsionalnom politicheskom diskurse [Some features of the personal deixis pragmatics in the institutional political discourse]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. 3. T. 2. Pp. 119-122. (In Russ.).

12. Rozentsveyg, V. Yu. (1972). Osnovnye voprosy yazykovykh kontaktov [The principal issues of the language contacts]. In *Novoe v lingvistike*. M.: Progress. Vyp. VI. Pp. 5-25. (In Russ.).

13. Rozentsveyg, V. Yu. (1963). O yazykovykh kontaktakh [Of Language contacts]. In *Voprosy Yazykoznaniya*. No. 1. Pp. 57-67. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Abaev, V. I. (2013). *Russko-Osetinskiy Slovar* [Russian-Ossetian Dictionary]. 3-e izd. Vladikavkaz: Ir. (In Russ.).

2. Gatsalova, L. B., Parsieva, L. K. (2011). *Bolshoy russko-osetinskiy slovar* [A Large Russian-Ossetian dictionary]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. (In Russ.).

3. *Yazykoznaniye. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [Theory of Language. A large Encyclopedia]. In V. N. Yartseva (ed.). Moskva: Bolshaya rossijskaya entsiklopediya, 2000. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Konstitutsionnyy zakon «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratelnykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Respubliki Yuzhnaya Osetiya»* [Constitutional Law on the suffrage guarantees and the right of the citizens of Republic of South Ossetia to vote at the

referendum]. Available at: <https://www.cominf.org/node/1166520412>. (accessed: 22.12.2019). (In Russ.).

2. *Predvybornyy rolik Alana Gagloeva* [Campaign Commercial of Alan Gagloyev]. 2017. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=AwsHROF6xNQ>. (accessed: 21.12.2019). (In Russ.).

3. *Teledebaty¹ kandidatov v prezidenty RYuO* [Presidential TV Debates in the RSO]. 2017. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=sBRsE6CCyvg>. (accessed: 13.12.2019). (In Russ.).

4. *Teledebaty² kandidatov v prezidenty RYuO* [Presidential TV Debates in the RSO]. 7.04.2017. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=4bPF_S0t_Wo&feature=emb_logo. (accessed: 21.12.2019). (In Russ.).

5. Bitarty Vyacheslav: «Khussar Iryston kuyd andidzy, uyman anafenga naj». In *Khurzarin*. 2017. Available at: <http://new.xurzarin.ru/bitarty-vyacheslav-xussar-iryston-kuyd-aendidzy-uymaen-aenaefengae-naej/>. (accessed: 12.12.2019). (In Osset.)

6. *Ya ne znayu, me 'fsymar* [I don't know, my brother]. Available at: <https://www.facebook.com/100013271077347/posts/803331960119166/?d=n>. (accessed: 22.12.2019). (In Russ.).

Бекоева Ирина Давидовна – и.о. доцента
кафедры английского языка
(irina.beckoeva@yandex.ru),
Юго-Осетинский государственный
университет им. А. А.Тибилова
100001, Республика Южная Осетия,
ул. Путина, 8

Бекоева Irina D. – Associate Professor of the
English Language Department
(irina.beckoeva@yandex.ru),
South Ossetia State University named after
A.A.Tibilov
8 Putin street, Tskhinval,
The Republic of South Ossetia, 100001

Поступила в редакцию 21 января 2020 г.

ПРОИЗВОДНЫЕ & ВТОРИЧНЫЕ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена цветообозначениям как единицам с вторичной и/или производной цветовой номинацией. Материалом исследования послужили цветообозначения в двух разноструктурных языках – английском и украинском. В работе определены критерии, по которым цветообозначения можно относить к вторичным и/или производным лексическим единицам

Ключевые слова: цветообозначения, номинация, вторичное значение, производное значение.

© 2020 I. A. Gerasimenko

DEFINING THE PROBLEM OF DERIVED AND SECONDARY COLOUR TERMS IN ENGLISH AND UKRAINIAN

The article focuses on the study of colour terms which are regarded as units of secondary and / or derived colour nomination. The research is based on the analysis of colour terms in two languages of different structure – English and Ukrainian. The paper points out the criteria used to define colour terms as units of secondary and / or derived colour nomination.

Key words: colour terms, nomination, secondary nomination, derived nomination.

Категория цвета, феномен цветовосприятия и цветообозначения (далее – ЦО) как проблема гуманитаристики рассматриваются с этнографической и историко-культурной точек зрения (У. Гладстоун, Л. Гейгер), с позиций физиологии (Г. Магнус), археологии (К. Леви-Строс), астрономии (В. В. Богданов), когнитологии (Е. Рош), со стороны универсального (Б. Берлин, П. Кей) и идиоэтнического (С. И. Григорук) подходов. Этот вопрос исследуется в аспекте этнической ментальности и национально-культурной маркированности (Л. Г. Невская, Е. В. Гулянков), что вызвано пониманием языка как модели культуры. По сути, категории цвета, феномену цветовосприятия и ЦО посвящено значительное количество работ гуманитарного цикла, что объясняется, на наш взгляд, недостаточной разработанностью этой проблемы. ЦО как часть лексической системы английского и украинского языков традиционно считаются достаточно чётко очерченной и относительно закрытой группой слов, организованной по структурно-грамматическому и лексико-семантическому принципам. Как показывают наблюдения, в состав ЦО включены лексические единицы, различные по структуре (простые, сложные), морфологическим показателям (производные и непроизводные), происхождению (исконные и заимствованные). Они отличаются по функционально-семантическим особенностям (полисемантические и моносемантические, с узкой и широкой предметной

отнесённостью), сферам употребления (общеязыковые и терминологические типы гиппологизмов), частотности (высокочастотные и малочастотные) и мотивированности (ЦО с основной и производной цветовой номинацией). Ввиду этого упорядоченность ЦО как отдельной лексико-семантической группы слов представляет сложную задачу и, как следствие, рождает разные классификации в зависимости от положенного в их основу критерия. Мы простые (*white* ‘белый’, *білий*), сложные (*smoky-gold* ‘золотистый с легким перламутром’, *іржаво-плямистий*) и составляющие описательные конструкции (*lion-coloured* ‘цвета львиной шерсти’, *кольор молодого листя*), ЦО с заимствованными (*khaki* ‘хаки’, *умбра*) и исконными (*grey* ‘серый’, *жовтий*) основами предлагаем подразделять на следующие группы: а) слова с основной (*black* ‘чёрный’, *чорний*) и производной (*orange* ‘оранжевый’, *кораловий*) цветовой номинацией; б) полисемантические (*yellow* ‘жёлтый’, *синій*) и моносемантические (*scarlet* ‘алый, багровый’, *алий*); в) с узкой (*blush* ‘пубровый’, *палевий*) и широкой предметной соотносённостью (*bloody* ‘кровавый’, *голубий*), учитывая г) сферы употребления – общеязыковые (*green* ‘зелёный’, *сірий*) и терминологические (*bay* ‘коричнево-чёрный’, *караковий*); д) частотность использования – высокочастотные (*red* ‘красный’, *зелений*) и малочастотные (*buccaneer* ‘тёмно-красный цвет’, *сивий*). Однако при определении того, является ли ЦО лексической единицей со вторичной и / или производной цветовой номинацией, перед лингвистами возникают определённые трудности. Они связаны с тем, что считать вторичной, а что – производной номинацией. Цель статьи – проанализировать критерии, по которым ЦО английского и украинского языков следует отнести к единицам с вторичной и / или производной цветовой номинацией.

Носители английского и украинского языков при описании цветовых характеристик окружающего мира используют производные ЦО. При этом производность понимается как «формально-семантические отношения между производящей и производной основами слов на уровне синхронии» [Селіванова, 2010: 579]. Производность определяется рядом закономерностей. Во-первых, производное слово формально более сложное по сравнению с производящим; ср. англ. *peach-у* ‘персиковый’, *smok-у* ‘дымный’, *cream-у* ‘кремовый’; **-en** в *ash-en* ‘пепельный’, *flax-en* ‘льняной’, *wheat-en* ‘пшеничный’; укр. *виноград-н-ий*, *кошеніль-н-ий*, *кіновар-н-ий*; **-ов** в *барвінк-ов-ий*, *тютюн-ов-ий*, *турмалін-ов-ий*. Во-вторых, по содержанию производное является более расчленённым и семантически насыщенным, чем производящее (англ. *cobalt* (n) «a hard silver-white metal» ‘кобальт’ → *cobaltic* (adj) «of or containing cobalt; bluish-green in colour» ‘кобальтовый’; укр. *крейда* (сущ.) «мягкий белый известняк, используемый в промышленности» → *крейдяний* (прил.) «сделанный из мела; цвета мела, белый»). В-третьих, при условии равной формальной сложности слов

проводят аналогию с одноструктурными словами, что даёт возможность определить направление производности [Селіванова, 2010: 579]. Наконец, безусловно, производное слово мотивировано производящим. Ср.: (...) *who would then stop what he was doing, stand straight and, folding his arms, look at her with his blue eyes and sandy face* (M. Spark. The Complete Short Stories) ‘(...) *кто тогда остановит то, что он делает, встанет прямо и, сложив руки, посмотрит на неё своими голубыми глазами и желтоватым лицом*’ (здесь и далее перевод наш. – И. Г.); (...) *профіль зі старовинної монети, сріблистий, ні, скорше алюмінієвого посвіту* (О. Забужко. Вибрана проза).

Е. С. Кубрякова пишет: «... две единицы считаются связанными отношениями словообразовательной производности, если они обладают общей ядерной частью (в виде тождественного корня или основы, или каких-либо их частей), отдалены друг от друга на одну формальную операцию (деривационный шаг), и если при этом одна из них может быть объяснена по смыслу как мотивированная другой или другими единицами из сравниваемой пары образований» [Языковая номинация, 1977: 247]. По мнению Е. С. Кубряковой, классическим определением производного слова можно считать подход Г. О. Винокура, который впервые подчеркнул роль исходного (мотивирующего) слова в формировании семантики производного (мотивированного) слова [Кубрякова, 1981: 7]. Г. О. Винокур полагает, что «значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причём именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» [Винокур, 1959: 421]. Это определение стало основой большинства концепций словообразования, послужило отправным пунктом для многих исследований [см. работы Земской, 2011; Улуханова, 2012; Рацибурской, 2014 и др.].

В теории номинации исследование производных слов имеет особое значение: «... именно относительно производной единицы как единицы с расчленённой смысловой структурой мы можем с уверенностью говорить о том, какой признак предмета был воспринят как наиболее типичный и яркий и смог стать «представителем» всего класса предметов» [Языковая номинация, 1977: 70]. В украинском языке единицы с производной цветовой номинацией – это, прежде всего, группа прилагательных, образованных от других слов при помощи аффиксов. Семантика таких образований основывается на цветовых свойствах прототипических объектов. Цветовые значения появляются у этих производных лексем согласно формуле «такой, как...» и благодаря предметно-языковой стратегии запоминания цвета, соотносящейся с цветом конкретного объекта (об этом см.: [Герасименко, 2010: 82]).

В английском языке к производным вторичным ЦО относятся в основном прилагательные, образованные от существительных путём конверсии и получившие от этих слов вторичную признаковую цветовую семантику. Например: *azure* (n) ‘лазурь’ → *azure* (adj) ‘лазурный’ имеет первичное нецветовое значение и вторичную цветовую семантику ‘цвета лазури’.

Другой тип вторичных ЦО – производные прилагательные с цветовым значением, образованные способом аффиксации, также достаточно широко представлен в английском языке, сравните: *cream* (n) ‘крем’ → *cream-у* (adj) ‘кремовый / как крем’ имеет первичную нецветовую семантику ‘thick and smooth like cream’ / ‘густой и однородный как крем’ и вторичное значение цвета ‘pale yellow-white in colour’ / ‘бледно-жёлто-белого цвета’ [Longman Dictionary, 2006: 368]. Поскольку именно в производных словах с цветовым значением эксплицитно проявляется природа их мотивации, мы можем говорить о непосредственных ассоциациях, лежащих в основе мотивов формирования значений ЦО.

В английском и украинском языках производные ЦО распределяются по двум группам: 1) первичные ЦО; 2) вторичные ЦО. К производным первичным ЦО относятся прилагательные, у которых значение цвета является основным и чаще единственным. Так, например, основное и единственное цветовое значение имеют английские прилагательные *aquamarine* ‘light bluish-green’ / ‘светло-сине-зелёный’ / ‘аквамариновый’; *canary* ‘light-yellow’ / ‘светло-жёлтый’ / ‘канареечный’; *peach* ‘yellowish-pink’ / ‘желтовато-розовый’ / ‘персиковый’; *plum* ‘dark bluish-purple’ / ‘тёмно-сине-пурпурный’ / ‘сливовый’ и т. п.; сравните украинские прилагательные: *бордовий* ‘тёмно-красный’; *лазуровий* ‘ярко-синий’, ‘голубой’; *шарлаховий* ‘ярко-красный’ и т. п.

Отдельные производные английские и украинские ЦО, кроме первичной цветовой семантики, имеют вторичные нецветовые значения, ср.: англ. *rosy* (adj) – 1) like a rose; rose-red; pinkish-red (‘как роза’, ‘розово-красный’, ‘розовато-красный’); 2) made of roses (‘сделанный из роз’); 3) bright; cheerful (‘яркий, весёлый’) [Webster’s Third New International Dictionary, 1981: 1976]; *sepia* (adj) – 1) dark-brown (‘тёмно-коричневый’); 2) done in sepia (‘сделанный из сепии’) [Webster’s Third New International Dictionary, 1981: 2070]. Аналогично и укр. *мишастий* (прил.) – 1) цветом похожий на мышь; серый; 2) похожий чем-либо на мышь; напоминающий мышь [Словник української мови], *рожевий* (прил.) – 1) светло-красный; 2) переносн. ничем не омрачённый; радостный, светлый; 3) прил. к мальва; изготовленный из мальвы (укр. *рожа*) [Словник української мови]. В английских лексикографических источниках у некоторых производных первичных ЦО зафиксировано более одного цветового значения. Например: *carmine* (adj) – 1) deep-red

with a tinge of purple (‘густо-красный с пурпурным оттенком’); 2) light-crimson (‘светло-кармазинный’) [Webster’s Third New International Dictionary, 1981: 340], *olive* (adj) – 1) yellowish-green (‘желтовато-зелёный’); 2) yellowish-brown (‘желтовато-коричневый’) [Webster’s Third New International Dictionary, 1981: 1572]. Производные ЦО, образованные от существительных, «постепенно теряют первоначальную этимологическую связь со своим источником и начинают восприниматься как абстрактные» лексемы с одним лишь цветовым значением [Василевич, 2005: 10].

К числу производных вторичных ЦО в английском и украинском языках относятся лексемы, которые «передают, кроме закреплённых за ними спектральных значений, нецветовую семантику» [Герасименко, 2010: 270]. При этом нецветовая семантика всегда доминирует. Например: *bronze* (n) ‘бронза’ → *bronze* (adj): 1) made of bronze; 2) resembling bronze in colour [Webster’s Third New International Dictionary, 1981: 283]; *бронза* (сущ.) → *бронзовий* (прил.): 1) сделанный из бронзы; 2) который имеет цвет бронзы; золотисто-коричневый [Словник української мови]. В рассматриваемых языках в семантической структуре таких ЦО, кроме вторичного цветового значения, закреплены определённые первичные смыслы. Так, один из подобных регулярных лексико-семантических вариантов – это ‘сделанный / изготовленный из’ (абрикоса, аквамарина, аметиста, хлопка, бронзы, свёклы, вишен, воска, угля, горчицы, глины, орехов, груши, золота, калины, мела, лимона, малахита, малины, мёда, моркови, оливок, олова, жемчуга, пшеницы, соломы и т. п.). В текстах такие лексемы могут утрачивать свою первичную семантику ‘сделанный/изготовленный из’ и приобретать вторичное цветовое значение. Ср.: а) *It took my breath away when I first saw it, floating under Venus like a majestic black whale in an amethyst evening sea* (...) (Jh. Fowles. The Collector) ‘У меня перехватило дыхание, когда я впервые увидел его, плавая под Венерой, как величественный чёрный кит в аметистовом вечернем море’ (...). В этом предложении лексема *amethyst* обозначает ‘цвет вечернего моря’, первичное же значение, закреплённое за данной лексемой, – ‘сделанный из аметиста, украшенный аметистами’ [Webster’s Third New International Dictionary, 1981: 69]; б) (...) *Оленка залилася буряковим рум’янцем по саму шию, вирвалася і втекла, змішавшись із гуртом дівчат, а парубок, заломивши шапку, подався геть вулицею, голосно і з серцем виспівуючи* (...) (О. Забужко. Сестро, сестро: Повісті та оповідання). Здесь лексема *буряковий*, имеющая первичное лексикографически закреплённое значение ‘изготовленный из свёклы’, получает вторичную цветовую семантику ‘тот, который имеет цвет свёклы’ [Словник української мови] и дополнительный смысл ‘пристыжен’.

Другое лексикографически закреплённое значение – ‘относящийся к...’ (барвинку, болоту, василькам, огню, гвоздикам, дыму, кофе, небу, смоле, пеплу, пламени, шафрану и

т. п.). При переходе таких лексем в разряд вторичных ЦО первичная семантика ‘относящийся к...’ утрачивается. Ср.: *The sun was beginning to float down on the mountains, and the sea glittered lazily at the foot of their **ashy**, opaque **shadows*** (Jh. Fowles. The Collector) ‘Солнце клонилось к горам, у их **пепельных**, тенистых **подножий** лениво блестело море’. Лексема *ashy* с первичной семантикой ‘из пепла, относящийся к пеплу’ [Webster’s Third New International Dictionary, 1981: 127] в данном контексте получает вторичное цветовое значение ‘пепельный, пепельно-серый, сероватый’: *Очі їхні каламутніли, а дорога, якою йшли, блакитніла, і перед кожною мимовільно завітнали палкі **волошкові очі*** (В. Шевчук Дім на горі). Лексема *волошкові*, имеющая первичное словарное значение ‘прилагательное к василёк, на котором растут васильки’ [Словник української мови], обозначает цвет глаз, например, ‘васильковый, васильково-синий’ и является вторичным ЦО.

Третья семантема, которая закреплена за многозначным вторичным ЦО, – это ‘покрытый’ (ржавчиной, кровью ...). Контекстуально вместо значения ‘покрытый’ (ржавчиной, кровью ...) лексема может приобретать цветовую семантику. Ср. основу *rusty* ‘покрытый ржавчиной’ [Webster’s Third New International Dictionary, 1981: 1992], которая выступает лексемой с вторичным цветовым значением: *This time, it was the bright brown, almost orange (...) in addition to his **rusty-brown little moustache*** (M. Spark. The Driver’s Seat) ‘На этот раз это был ярко-коричневый, почти оранжевый (...) в дополнение к его **ржаво-коричневым** маленьким усам’. Другой пример – укр. *іржавий*, которое контекстуально приобретает вторичное цветовое значение ‘имеющий цвет ржавчины’: *Вранці, коли відчиняла двері на терасу – двері спершу опиралися, а тоді подалися різко, охнувши, прошарудівши нанесеним під них за ніч **іржавим виноградним листом**, і вона ступила, щоб узяти з тераси відро, на темне дно якого також налип маленький кармазиновий листочок (...)* (О. Забужко. Сестро, сестро).

Рассматривая семантический и функциональный аспекты единиц с вторичной цветовой номинацией, исследователь Л. А. Ковбасюк понимает под ними «номинативные единицы, которые используются в новой для них функции называния, то есть употребляются для определения таких объектов реальной действительности, которые уже были обозначены средствами языка» [Ковбасюк, 2004: 1]. При этом автор в состав анализируемых языковых единиц включает базовые ЦО, производные цветовые единицы, реализующие в текстах дополнительные к цветовым значениям коннотации. В свою очередь, лингвист Т. М. Тяпкина под вторично-номинативными значениями ЦО понимает контекстуально обусловленную коннотативную семантику базовых ЦО. Подчеркнём, что вторичные ЦО мы понимаем как лексемы, за которыми закреплены вторичные цветовые

значения и которые являются формально производными прилагательными от слов с нецветовой семантикой. Например: англ. *peach* (n) ‘персик’ → *peachy* (adj) ‘персикового цвета’; *lime* (n) ‘лайм’ → *lime* (adj) ‘цвет лайма’ / *limy* (adj) ‘цвета лайм’; укр. *бузок* (сущ.) → *бузковий* (прил.)), и формально непроизводными существительными с вторичной цветовой семантикой (англ. *tea* (n) ‘цвет чая’; *apple* (n) ‘цвет яблока’; укр. *бронза* (сущ.), *умбра* (сущ.)). Вторичные ЦО могут иметь дополнительные смыслы, содержать «второстепенные денотативные семы, которые несут дополнительную информацию о предмете номинации, и коннотативные (эмотивно-оценочные) семы, выражающие отношение говорящего к предмету номинации в форме оценки и эмоции денотата» [Супрун, 2009: 15]. Используя ту или иную лексическую единицу с вторичной цветовой номинацией, авторы через цвет передают эмоциональное состояние персонажей, дополнительные характеристики предметов или явлений и др. Так, с помощью имён цвета писатели передают созвучия ‘элегантный’, ‘роскошный’ при описании предметов быта и интерьера. Например: *Lying against a mound of pillows, deep gold, amber, rose, maroon, themselves piled against an ornate gilt and carved headboard, she was turned sideways towards me (...)* (Jh. Fowles. *The Magus*) ‘Опираясь на подушки – тёмно-золотые, янтарные, розоватые, буро-зеленые, – горкой взбитые у золоченой, резной, узорчатой спинки дивана, она лежала предо мной (...)’. Здесь с помощью языковых знаков *deep gold, amber, rose* автор передаёт не только цветное значение описываемых предметов, но и подчёркивает роскошь комнаты, элегантность и аристократичность хозяйки). В другом примере с помощью вторичного ЦО *gold* описывается не только золотистый вид элементов интерьера, но и их ценность и роскошный вид: *All red and gold, like an altarpiece. A beautiful clock – it was his grandfather’s when things were different* (M. Spark. *The Complete Short Stories*) ‘Все красное и золотое, как алтарь. Красивые часы – они были у его дедушки, когда все было иначе’.

Безусловно, любой смысл реализуется и определяется контекстом, зависит от него, однако «семантический признак «цвет» никогда не исчезает полностью. Именно он выступает тем стержнем, который обеспечивает единство всей смысловой структуры (...)» [Тяпкина, 2002: 14].

Употребление языковых форм в роли вторичной номинации цвета всегда мотивировано их структурно-семантическими признаками. При исследовании процессов вторичной номинации возникает необходимость выявления и изучения тех механизмов, которые обеспечивают создание новых наименований на основе уже существующих номинативных единиц. Как показывает практика, лексемы с вторичным цветовым значением входят в группу вторичных ЦО на базе прототипических объектов, поиск которых «идёт постоянно» [Василевич, 2005: 126]. Семантика таких ЦО «основана на цвете

предмета» [Василевич, 2005: 114]. Носитель языка, «давая имена цветовым оттенкам по аналогии к соответствующим предметам, в первую очередь привлекает те из них, которые чаще попадают на глаза, лучше всего ему известны» [Василевич, 1987: 131].

Из сказанного следует, что понятия «производное ЦО» и «вторичное ЦО» не являются идентичными. Последние могут формально быть как производными – вторичные ЦО-прилагательные типа англ. *lemon* (n) ‘лимон’ → *lemony* (adj) ‘лимонного цвета’; укр. *фіалка* (сущ.) → *фіалковий* (прил.) (о цвете), так и непроизводными ЦО – вторичные ЦО-существительные типа англ. *coffee* (n) ‘цвет кофе’; укр. *золото* (сущ.) ‘цвет золота’. Производным ЦО в английском и украинском языках не всегда свойственна вторичная цветовая семантика, так как производные от существительных имена цвета могут иметь закреплённое в словарях первичное цветовое значение. Ср.: англ. *rose* (n) ‘роза’ → *rosy* (adj) – 1) like a rose; rose-red; pinkish-red / ‘как роза’, ‘розово-красный’, ‘розовато-красный’ [Webster’s Third New International Dictionary, 1981: 1976]; укр. *миша* (сущ.) → *мишастий* (прил.) – 1) ‘цветом похожий на мыш, серый’ [Словник української мови]. Следовательно, производные языковые знаки могут выступать в английском и украинском языках первичными и вторичными по семантике ЦО. Данное положение требует более детального анализа на материале разножанровых текстов, что и будет предметом нашего дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем. М.: Наука, 1987. 140 с.
2. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
3. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М.: Наука, 1959. С. 419-442.
4. Герасименко И. А. Семантика русских цветообозначений. Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. 440 с.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
6. Ковбасюк Л. А. Семантичний та функціональний аспекти одиниць вторинної номінації з компонентом «кольороназва» в сучасній німецькій мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. Київ, 2004. 20 с.
7. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
8. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская и др. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та. 2014. 325 с.
9. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2010. 844 с.

10. Супрун Л. О. Семантика і прагматика назв кольорів в українському романному тексті середини – другої половини ХХ ст. (на матеріалі творів О. Гончара, П. Загребельного, М. Стельмаха): дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Харків, 2009. 235 с.
11. Тяпкина Т. М. Вторично-номинативные функции цветообозначений в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново, 2002. 19 с.
12. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 264 с.
13. Языковая номинация (Виды наименований) / отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. 357 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Словник української мови: в 11 т. / під ред. І. К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970-1980. Доступ: <https://553.slovaronline.com/>. (дата звернення: 12.09.2019).
2. Longman Dictionary of Contemporary English. Oxford: Pearson Education Limited, 2006. 1951 p.
3. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. Springfield: Merriam-Webster inc. Publishers, 1981. 2662 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Забужко О. Вибрана проза. Харків: Наук. видавництво «АКТА», 2007. 610 с.
2. Забужко О. Книга буття. Глава четверта: повісті. К.: Факт, 2008. 164 с.
3. Забужко О. Сестро, сестро: Повісті та оповідання. 4-е вид. К.: Факт, 2009. 260 с.
4. Шевчук В. О. Дім на горі: Роман-балада. К.: Рад. письменники, 1983. 487 с.
5. Fowles Jh. The Collector. Great Britain: Vintage, 2004. 284 p.
6. Fowles Jh. The Magus. New-York: Dell Publishing, 1985. 668 p.
7. Spark M. The Complete Short Stories. UK: Penguin Books, 2002. 458 p.
8. Spark M. The Driver's Seat. UK: Penguin Books, 2006. 108 p.

REFERENCES

1. Vasilevich, A. P. (1987). *Issledovanie lexiki v psiholingvisticheskom experimente: na materiale tsvetooboznacheniy v yazikakh raznih system* [Lexis research in psycho-linguistics experiment: based on colour terms in languages of different systems]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Vasilevich, A. P., Kyznitsov, S. N., Mishchenko, S. S. (2005). *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazike* [Colours and names of colours in Russian]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
3. Vinokur, G. O. (1959). *Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu* [Notes on Russian wordbuilding]. In *Izbrannye raboty po russkomu yaziky*. Moskva: Nauka. Pp. 419-442. (In Russ.).
4. Gerasimenko, I. A. (2010). *Semantika russkikh tsvetooboznacheniy* [Semantics of Russian colour terms]. Gorlovka: Izd-vo GGPIIY.
5. Zemskaya, E. A. (2011). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye* [Modern Russian. Derivation]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
6. Kovbasyuk, L. A. (2004). *Semantichnyy ta funktsionalnyy aspekty odynyts vtorynnoyi nominatsiyi z komponentom «koloronazva» v suchasniy nimetskiy movi* [Semantic and functional aspects of secondary nomination units with "colour name" component in modern German]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kyiv. (In Ukr.).
7. Kubryakova, E. S. (1981). *Tipy yazukovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova* [Types of language meanings. Semantics of selectable word]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
8. *Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika* [Russian language of the beginning of XXI century: lexis, wordbuilding, grammar] / T. B. Radbil, E. V. Marinova, L. V. Ratsiburskaya. N. Novgorod: Izd-vo Nizgorodskogo un-ta, 2014. (In Russ.).

9. Selivanova, O. O. (2010). *Lingvistychna enziklopediya* [Linguistic Encyclopedia]. Poltava: Dovkilliya-K. (In Ukr.).
10. Suprun, L. O. (2009). *Semantyka i pragmatyka nazv koloriv v ukrayinskomu romannomu teksti seredyiny – drugoyi polovyny XX st. (na materialy tvoriv O. Gonchara, P. Zagrebelnogo, M. Stelmakha)* [Semantics and pragmatics of colour terms in Ukrainian novel text of the middle – second half of XX century (based on the works of O. Gonchar, P. Zagrebelniy, M. Stelmakh)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Harkiv. (In Ukr.).
11. Tyapkina, T. M. (2002). *Vtorichno-nominativnye funktsii tsvetooboznacheniy v sovremennom nimetskom yazyke* [Secondary nominative functions of colour terms in modern German language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Ivanovo. (In Russ.).
12. Ulukhanov, I. S. (2012). *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy ee opisaniya* [Wordbuilding semantics in Russian and the principles of its description]. Moskva: Knizhnyy dom LIBROKOM. (In Russ.).
13. *Yazykovaya nominatsiya (Vidy naimenovaniy)* [Language nomination (Types of naming)]. In B. A. Serebrennikov (ed.), A. A. Ufimtseva (ed.). Moskva: Nauka, 1977. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Slovnnyk ukrayinskoyi movy* [Ukrainian Dictionary]: v 11 t. In I. K. Bilodid (ed.). Available at: <https://553.slovaronline.com/>. (accessed: 12.09.2019). (In Ukr.).
2. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Oxford: Pearson Education Limited, 2006.
3. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*. Springfield: Merriam-Webster inc. Publishers, 1981.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Zabuzhko, O. (2007). *Vybrana proza* [Chosen Prose]. Harkiv: Nauk. vydavnytstvo «AKTA». (In Ukr.).
2. Zabuzhko, O. (2008). *Knyga buttya. Glava chetverta: povisti* [The Book of Genesis. Chapter four: stories]. K.: Fakt. (In Ukr.).
3. Zabuzhko, O. (2009). *Sestro, sestro: Povisti ta opovidannya* [Sister, Sister: Stories]. 4-e vyd. K.: Fakt. (In Ukr.).
4. Shevchuk V. (1983). *Dim na gori: Roman-balada* [The House on the Hill: ballad-novel]. K.: Rad. pismennyky. (In Ukr.).
5. Fowles, Jh. (2004). *The Collector*. Great Britain: Vintage.
6. Fowles, Jh. (1985). *The Magus*. New-York: Dell Publishing.
7. Spark, M. (2002). *The Complete Short Stories*. UK: Penguin Books.
8. Spark, M. (2006). *The Driver's Seat*. UK: Penguin Books.

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков (e-mail: iragerasimenko@mail.ru), Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» 284242, Горловка, ул. Рудакова, 25.

Gerasimenko Irina A. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the General Linguistics and Slavonic Languages Department (e-mail: iragerasimenko@mail.ru), State Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute of Foreign Languages» 25, Rudakova str., Gorlovka, 284242

Поступила в редакцию 26 сентября 2019 г.

ЮГООСЕТИНСКИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В БИЛИНГВАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Данное исследование посвящено изучению лингвистического аспекта югоосетинского внешнеполитического дискурса. Исследование представляется актуальным в силу того, что внешнеполитическая коммуникация в Республике Южная Осетия, осуществляемая в условиях существующей политической реальности, обладает специфическими чертами, конструируя внешнеполитический дискурс государства с перспективой роста престижа страны на международном уровне и укрепления политических позиций. Освещение политической коммуникации проводится с учетом билингвального манипулирования в целях повышения эффективности внешнеполитического дискурса республики.

Ключевые слова: внешнеполитическая коммуникация, межнациональные отношения, внешнеполитический дискурс, политическая элита, Республика Южная Осетия.

BILINGUAL ASPECT OF FOREIGN POLICY DISCOURSE IN THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

The present research deals with the linguistic aspect of foreign policy discourse in the Republic of South Ossetia. The investigation is topical due to the significance of studying the political discourse as foreign policy communication in this republic is conducted in conditions of current political reality and bears its specific traits. The foreign policy discourse is constructed in a way that increases the international prestige of the state and strengthens its position in the world. The study is carried out in accordance with the bilingual character of the political communication in the republic.

Key words: foreign policy communication, interethnic relations, foreign policy discourse, political elite, Republic of South Ossetia.

Введение. Настоящая работа представляет собой попытку конструирования югоосетинского внешнеполитического дискурса с позиций лингвистики. Поскольку Республика Южная Осетия (далее РЮО) является относительно новым участником глобальной политической игры, вопросы внешнеполитического взаимодействия с другими государствами являются значимым аспектом процессов жизнедеятельности этого молодого государства. Освещение политической коммуникации проводится с учетом ее билингвального характера в целях повышения эффективности внешнеполитического дискурса (далее ВПД) республики.

Анализ базируется на фактах билингвального речевого поведения политического лидера РЮО А. И. Бибилова. При конструировании югоосетинского внешнеполитического дискурса используется весь стратегический потенциал,

характерный для персонального политического дискурса А. И. Бибилова. Языковые репрезентации ВПД транслируют ключевую интенцию политики государства: интеграцию в единое политическое пространство с теми политическими силами, которые имеют стратегическое значение для становления государственности Республики Южная Осетия.

Исследование представляется актуальным в силу того, что внешнеполитическая коммуникация в Республике Южная Осетия, осуществляемая в условиях существующей политической реальности, обладает специфическими чертами, конструируя внешнеполитический дискурс государства с перспективой роста престижа страны на международном уровне и укрепления политических позиций. Политическая коммуникация в полиязычном регионе, в Республике Южная Осетия, в частности, внешнеполитическая коммуникация, представляет собой осуществляемый в условиях русско-осетинского билингвизма речевой акт политической коммуникации институционального типа на стадии формирования ее норм и правил.

Цель данного исследования – раскрыть вербальные характеристики югоосетинского внешнеполитического дискурса с учетом билингвальной языковой ситуации в РЮО.

Материалом исследования послужили расшифровки выступлений президента и министра иностранных дел РЮО в период с 2017 года по настоящее время на официальных сайтах президента и Министерства иностранных дел РЮО, а также материалы печатных и электронных средств массовой информации (137 текстовых фрагментов).

В рамках лингвистической науки термин «дискурс» используется исследователями для обозначения феноменов разного порядка: спектр его употребления весьма широк, понимание же его колеблется от почти синонимичного терминам речь, связная речь [Почепцов, 2001], поток речи, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, текст [Борботько, 2011], от коммуникативно целостного и завершенного речевого произведения [Клобуков, 1995] до определенного типа ментальности [Арутюнова, 1990], от вербализованного работающего сознания [Ревзина, 1999] до сложного коммуникативного явления, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие [Дейк, 1989; Каримова, 1992], от реального, естественного текста до речевых жанров.

В. фон Гумбольдт писал, что *«в каждом языке заложено самобытное миросозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает посредником между человеком и природой, воздействующей изнутри и извне»* [Гумбольдт, 2009: 158].

В. Г. Борботько определяет дискурс следующим образом: «дискурс – текст связной речи, состоящий из последовательности коммуникативных единиц языка, превышающих по объему простое предложение, которое находится в смысловой связи, выраженной лингвистическими средствами» [Борботько, 1981: 19].

На основе анализа многочисленных определений будем понимать дискурс как *совокупность языковых средств, свойственных языковой личности и определяющих ее речевое поведение в той или иной сфере человеческой деятельности в зависимости от параметров коммуникативного акта с учетом социально-культурной ориентированности языкового сообщества.*

А. П. Чудинов отмечает: «на современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация, «язык власти») становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами» [Будаев, Чудинов, 2006: 19]. Политический текст – это «законченное речевое произведение политической коммуникации, формой реализации которого является политический дискурс» [Феденева, 1998].

Изучением внешнеполитического дискурса с различных позиций занимались такие исследователи, как Т. В. Дубровская, Е. А. Кожемякин, Я. А. Ярославцева.

Исследователем Я. А. Ярославцевой внешнеполитический дискурс определяется как *«вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в сфере внешней политики государств, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов, основными целями процесса в котором являются борьба за власть на мировой арене, а также защита национальных интересов»* [Ярославцева, 2015].

По мнению исследователей внешнеполитической коммуникации, «межнациональные отношения, как и любой другой социальный феномен, являются предметом дискурсивных практик – как научных, так и институциональных – и через них могут быть поняты, поскольку их суть, их «семантический капитал» есть результат сложных когнитивно-коммуникативных операций» [Дубровская, Кожемякин, 2015].

В число функций политического дискурса Е. И. Шейгал включает: а) интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики; б) развитие конфликта и установление консенсуса; в) осуществление вербальных политических действий и информирование о них; г) создание «языковой реальности» поля политики и ее интерпретацию; д) манипуляцию сознанием и контроль за действиями политиков и электората [Шейгал, 2000].

Внешнеполитический дискурс осуществляет те же функции, будучи разновидностью политического дискурса. Основная цель внешнеполитического дискурса заключается в укреплении позиций государства на внешнеполитической арене, сохранении приверженности приоритетным для развития государства направлениям для становления государственности.

1. Лексическое наполнение внешнеполитического дискурса. Вербальные особенности югоосетинской политической коммуникации стали предметом научного интереса ряда югоосетинских и российских ученых сравнительно недавно. Относительно малоизученным является внешнеполитический дискурс как разновидность политического дискурса вообще. Исследование политической риторики первых лиц РЮО в сфере внешней политики является до сих пор практически неизученным. Поясним это на примерах.

Президент А. И. Бибиллов высказался об итогах работы представителя МИД РЮО в странах Бенилюкса и представителя РЮО в Приднестровье во время проведения дней культуры Осетии в Европе:

*Я хочу лично выразить благодарность за те культурные мероприятия, которые позволяют Европе больше узнавать о Южной Осетии<...>. Необходимо **знакомить широкую общественность<...> с политическими процессами, которые происходят здесь, о действительно мирной направленности нашего развития и подходе, который заключается в налаживании отношений с нашими европейскими коллегами** [Бибиллов ...].*

С точки зрения лексического наполнения в рассмотренном примере целесообразно отметить употребление следующих лексических единиц: слов именующих, т. е. существительных (в том числе дефиниций); указующих, т. е. личного местоимения *я*; слов, выражающих процесс (глаголов), собственно квалифицирующих (модальных слов). Самыми употребимыми лексическими средствами в речи политика являются политические термины. С точки зрения грамматического своеобразия следует отметить использование безличных предложений и сложных предложений с однородными придаточными предложениями. Данный пример реализует элементы официально-делового стиля: однородные члены предложения общей семантической группы «*внешняя политика*».

Обращаясь к представителю республики в Приднестровье, политик акцентирует внимание на своих близких отношениях с В. Н. Красносельским:

*Я хочу, чтобы вы передали Вадиму Николаевичу мои наилучшие пожелания и заверения в том, что **курс Южной Осетии по отношению к ПМР не меняется**. Мы считаем Приднестровскую Молдавскую Республику братским государством* [Бибиллов ...].

Следует отметить употребление в данном фрагменте аббревиаций, личных местоимений *я*, *мы*, слов с эмоциональными оценками, что свидетельствует о позитивной

направленности внешнеполитического дискурса югоосетинских политиков с использованием элементов разговорного стиля.

В приведенных примерах послание президента является средством обращения к представителям республики в странах-союзниках, к руководству этих стран и символизирует стремление к поддержанию братских отношений и партнерства с ними. Президент презентует свою республику как актора политики, всегда готового к сотрудничеству и диалогу.

Базовыми стратегиями, конструирующими югоосетинский ВПД, являются: стратегия оценочности, стратегия презентации, стратегия эмоционализации и стратегия прогноза.

Выбор коммуникативной стратегии напрямую зависит от коммуникативной цели и от речевого жанра.

Примером применения *стратегии эмоционализации* в ВПД президента РЮО служат его выступления на значимых международных мероприятиях:

*Я приветствую Вас в Южной Осетии и хочу адресовать Вам слова **искренней благодарности за доброе отношение к народу Южной Осетии**. Благодарю за ту работу, которую Вы и до сих пор проводили с Министерством иностранных дел Республики Южная Осетия. Хочу передать слова благодарности Президенту Республики Никарагуа, Даниэлю Ортеге, за теплый прием, который нам оказали во время нашего визита в вашу прекрасную страну [Президент²].*

В речи А. И. Бибилова, в частности в данном фрагменте, прослеживается тенденция стремления к использованию экспрессивных прилагательных: *искренняя, теплый, прекрасная*. Эпитет, выраженный прилагательным *прекрасная*, служит для воздействия на эмоциональное восприятие текста, характеризуя событие, акцентируя внимание на разнообразии и достоинствах страны-союзницы. Грамматические особенности: повтор модального слова *хочу*, предложения с однородными членами, синонимы. С точки зрения синтаксиса примечательно применение безличных предложений.

Глава республики прибегает к *стратегии прогнозирования* для создания образа сильного, крепко стоящего на ногах молодого государства для своей республики:

*Процесс признания Южной Осетии необратим. И тут нет смысла смотреть, через какое время – два дня или два года – нас признает еще какая-нибудь страна. Все видели, что прошло 9 лет и нас признала Сирия. В принципе, мы никуда не спешим. Тем более, что возможности выхода Южной Осетии на международную политическую арену ограничены, и это тоже сказывается. Тем не менее, **переговоры по признанию ведутся со многими странами** [Интервью ...].*

Данный фрагмент выявляет характерные для политической коммуникации речевые клише: *процесс признания, вести переговоры по признанию, выход на международную политическую арену*. Следует отметить употребление вводных слов и конструкций, указывающих на: приемы и способы оформления мыслей (*в принципе*), оценку адресантом меры того, о чем говорится (*тем более*), связь мыслей, последовательность изложения (*тем не менее*). Конвенциональные кванторы – модификаторы в сочетании с существительными (или именными составляющими) и временные локализаторы, определяющие актуальность события, также представлены в вышеприведенном фрагменте: *два дня или два года, 9 лет*.

В интервью иностранным СМИ президент Бибилов подчеркнул важность налаживания контактов с Ираном, используя *стратегию презентации*:

Развивать отношения с Ираном важно и нужно. Это историческая и культурная необходимость, так как у нас одна языковая группа. В этом плане надо двигаться. Мы понимаем, какую важную роль играет Иран на Ближнем Востоке [Интервью ...].

Следует выделить употребление инверсии в безагенсных предложениях, наличие простых распространенных предложений с модальными глаголами и словами, наряду со сложными предложениями, и личного местоимения *мы*.

Глава государства применяет *стратегию эмоционализации*, демонстрируя важность межгосударственного взаимодействия между РЮО и Никарагуанской Республикой:

Признание независимости стало препятствием для новых рецидивов грузинской агрессии. Сколько бы ни прошло времени, мы всегда будем с благодарностью помнить ту поддержку, которую оказал нам никарагуанский народ в тяжелое для нас время [Анатолий Бибилов¹].

Стратегия реализуется посредством эмоционально окрашенной лексики.

2. Грамматические особенности ВПД. Особенностью внешнеполитического дискурса в РЮО является положительная репрезентация политических союзников.

Например, акторы политики, выступая на международных мероприятиях, прибегают к *стратегии оценочности* с целью создания и укрепления положительного имиджа своей страны и подчеркивания значимости сотрудничества с народами дружественных стран. Реализации стратегии служат оценочные языковые средства, такие как: *глубокие процессы, основное направление*. Замена А. И. Бибиловым самого распространенного этикетного обращения (прямого и косвенного) в рамках институционального дискурса (*имя + отчество*) на *имя + фамилия* характеризует неформальные отношения между

двумя президентами, и представляет собой тактику кооперации, демонстрирующую принадлежность их к одной статусной группе:

*Сегодня между Донецкой Народной Республикой и Осетией идут глубокие интеграционные процессы. Одно из **основных** направлений – образование. Сейчас мы с Главой республики Александром Захарченко **планируем организовать обмен опытом** между врачами Южной Осетии и ДНР [Анатолий Бибилов²].*

В рассмотренном фрагменте примечательно использование безличного простого распространенного предложения с употреблением пассивных конструкций и однородных членов, выражаемых доступной нейтральной, логически сочетаемой формальной лексикой.

Еще одним примером применения *стратегии оценочности* служит следующий фрагмент заявления Министра Иностранных Дел РЮО в жанре интервью:

***Особо** отмечу официальный визит Анатолия Ильича в **дружественную** Абхазию в начале июля, который прошел на **самом высоком** уровне. Были возобновлены контакты с руководством **братской** республики, подписаны документы по дальнейшему развитию **двустороннего сотрудничества** [Всё лучшее только начинается ...].*

Положительная оценка оратором описываемого политического события усиливается посредством применения интенсификаторов: ***особо, на самом высоком** уровне. С точки зрения лексического своеобразия следует отметить использование синонимов: **братская, дружественная**. На синтаксическом уровне заметны параллелизмы, неагенсные конструкции.*

Глава внешнеполитического ведомства демонстрирует вектор направленности внешней политики республики, реализуя *стратегию презентации*:

*Более того, мы продолжаем искать новые возможности для **расширения нашего присутствия на международной арене**. Продолжается работа по признанию независимости Южной Осетии новыми странами. Именно такие приоритеты и были поставлены Президентом перед Министерством иностранных дел [Всё лучшее только начинается ...].*

Характерно использование политических терминов: *международный, независимость, президент, министерство*. Синтаксические особенности: употребление безличных предложений, вводных слов и выражений.

Как бы в продолжение слов Министра Президент республики обозначает наиболее значимое внешнеполитическое направление:

*Мы понимаем, что **единственным направлением для развития** является Российская Федерация, потому что часть Осетии находится в составе России, соответственно, мы тоже должны быть там.*

В рассмотренном фрагменте характерно использование сложноподчиненного предложения с повтором личного местоимения *мы* как показателя единства народа РЮО. Зафиксировано отсутствие сниженной по стилистической окраске лексики.

Стратегия эмоционализации характеризует ВПД президента РЮО и несет положительную аксиологию:

*В Южной Осетии уверены, что деятельность Президента Хаджимба, который неизменно выступает за развитие двустороннего диалога и все **добрые** совместные начинания, будет и впредь способствовать **укреплению дружбы** и развитию конструктивного сотрудничества двух наших народов* [Выступление ...].

Прослеживается закономерное использование неопределенно-личных сложноподчиненных предложений. Зафиксированы нехарактерные для официально-делового стиля эмоционально-окрашенные лексические единицы, выражения интенции, стилистические средства, популярные слова: *выступает за развитие двустороннего диалога, добрые совместные начинания, способствовать укреплению дружбы и развитию конструктивного сотрудничества*.

Президентом РЮО используется *стратегия презентации* республики как важного политического союзника и *стратегия прогнозирования*:

*Уверен в важности поддержания **высокого уровня и динамики политических контактов между Южной Осетией и Республикой Науру**. Считаю, что поступательное укрепление связей между нашими странами **послужит дальнейшему продвижению по всем направлениям югоосетино-науруанского сотрудничества*** [Президент¹].

В изученном фрагменте целесообразно выделить употребление предложений с неполной грамматической основой, представляющих собой одну из характерных особенностей стиля политической речи А. И. Бибилова, указывающую на объективную передачу информации, а также наличие политической терминологии, присущей данному речевому жанру.

3. Переключение языковых кодов в ВПД. Говоря о внешней политике, А. И. Бибилов также выделил внутренние негативные процессы, способствующие ухудшению политического влияния внешних факторов. Используя «древнеродовой термин» *хионизм* от *хион* – «свой», по определению классика осетинской литературы Нафи Джусойты, политик Бибилов акцентирует значимость этого явления для всех осетин:

Хионизм «кумовство», *коррупция, бедность, несправедливость, застой* – это такие же враги Осетинской государственности, такие же враги осетин, как и внешний агрессор! [Facebook¹].

В ответном поздравительном письме главе осетинского землячества в Турции А. И. Бибилов прибегает к этническому (осетинскому) языку, демонстрируя курс языковой политики государства, с доминантой в виде гражданской и этнической идентичности осетин. В данном фрагменте выдержан деловой стиль, присущий такого рода письмам с включением эмоционально-окрашенной лексики:

Стыр бузныг дауаен, Ремзи, амае æппæт Турчы цæраг ирон адамаен!!!

2020 цы хæрзиджытæ хæссы, уымæй хайджын цы уат, уый хорзæх уæ уæд!!!

Стыр цытимæ, А. Бибылты!!! [Facebook¹].

‘Большое спасибо тебе, Ремзи, как и всем осетинам, проживающим в Турции!!!

Желаю вам, чтобы Новый 2020 год одарил вас всеми возможными благами!!!

С искренним уважением, А. Бибилов!!!’ (здесь и далее перевод мой – В. П. Джиоева).

Во время беспорядков на границе с соседней республикой Грузией, куда стягивались вооруженные силы Грузии и был выставлен незаконный укрепленный пост, президент Бибилов обратился к гражданам своего государства с целью успокоить их. Политик-билингв выбирает траекторию вкраплений в русскоязычный дискурс осетинских речевых единиц для проявления этнической адресности политической коммуникации и установления близкого контакта с адресатом:

Уважаемые друзья, сограждане!

В связи с обстановкой в с. Уистæ (Цънелис) (топоним букв. «прутья») многие начали накалять обстановку в Республике! В основном это безликие пользователи ФБ (Facebook – прим. автора) или обиженные на действующую власть по объективным или субъективным причинам (Хуыцау сын æвдисæн!!! ‘Бог им судья!!!’).

Хочу до всех довести, что никакого военного противостояния<...>не будет!!!

Жители с. Уистæ уже в полной безопасности и находятся под охраной Пограничной службы Государства Алания!!!<....>Не слушайте слухи, никогда они к добру не приводят, знаю на личном опыте!!!

Фидар амае мын уæлахиз ут!!!

Уæлахиз уæд Ирыстон!!! ‘Будьте благословенны!!! Да будет благословенна Осетия!!!’ [Facebook²].

Выводы

1) Базовыми коммуникативными стратегиями, конструирующими югоосетинский ВПД, являются: стратегия оценочности, стратегия презентации, стратегия эмоционализации и стратегия прогноза.

2) В исследовании выявлены следующие языковые средства реализации

коммуникативных стратегий: стратегия оценочности (оценочные лексические средства, нейтральная лексика, интенсификаторы, безличные предложения с пассивной конструкцией, параллельные конструкции, неагенсные конструкции); стратегия презентации (личные местоимения, аббревиации, политические термины, модальные глаголы и слова, инверсия в безагенсных предложениях); стратегия эмоционализации (экспрессивные прилагательные, эпитеты, модальные глаголы, эмоционально-окрашенная лексика, предложения с однородными членами предложения, безличные предложения); стратегия прогноза (речевые клише, вводные слова и конструкции, конвенциональные кванторы, временные локализаторы, политическая терминология).

3) Особенностью внешнеполитического дискурса является ранжирование стиля от официально-делового до полуофициального, временами даже разговорного.

4) В югоосетинском внешнеполитическом дискурсе выявлен ряд закономерностей переключения кодов русского и осетинского языков в политической коммуникации. Процесс переключения кодов демонстрирует выражение принадлежности к одной этнокультурной группе с объектом (или объектами) коммуникации и служит передаче социально-значимой информации. Целью переключения кодов является проявление этнической адресности политической коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Сов.энцикл., 1990. С. 136-137.
2. Борботько В. Г. Использование естественного членения дискурса при его анализе // Аспекты изучения текста. Москва, 1981. С. 19-24.
3. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. 4-е изд. Москва: Либроком, 2011. 288 с.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2006. 213 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва: Наука, 2009. 239 с.
6. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 1989. 312 с.
7. Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 26. С. 111-125.
8. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды. Донецк: ДонНУ, 2016. 281 с. (Т. 12. Типологические, сопоставительные, диахронические исследования).
9. Каримова Р. А. Семантико-структурная организация текста (на материале устных спонтанных и письменных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 1992. 30 с.
10. Клобуков Е. В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка. (Морфологические категории в системе языка и в дискурсе): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1995. 302 с.
11. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. Москва: Рефл-бук : Ваклер, 2001. 651 с.

12. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Москва, 1999. № 1. С. 25-33.
13. Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1998. 181 с.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2000. 440 с.
15. Ярославцева Я. А. Специфика внешнеполитического дискурса // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. № 4 (42). Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-vneshnepoliticheskogo-diskursa>. (дата обращения: 02.11.2019).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Анатолий Бибилов¹: «В историческом пути борющихся за свободу стран много общего» // Сайт «Президент Республики Южная Осетия». Доступ: <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-v-istoricheskom-puti-boryushhixsya-za-svobodu-stran-mnogo-obshhego/>. (дата обращения: 05.11.2019).
2. Анатолий Бибилов²: «Между Донецкой Народной Республикой и Осетией идут глубокие интеграционные процессы» // Сайт «Президент Республики Южная Осетия». Доступ: <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-mezhdu-doneckoj-narodnoj-respublikoj-i-osetiej-idut-glubokie-integracionnye-processy/>. (дата обращения: 02.11.2019).
3. Бибилов о Днях культуры Осетии в Европе: работу надо продолжать. Доступ: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20191102/9522617/Bibilov-o-Dnyakh-kultury-Osetii-v-Evropе-rabotu-nado-prodolzhat.html. (дата обращения: 07.11.2019).
4. Все лучшее только начинается... // Сайт «Президент Республики Южная Осетия». Доступ: <https://presidentruo.org/vse-luchshee-tolko-nachinaetsya/>. (дата обращения: 02.11.2019).
5. Выступление на торжественной церемонии вступления в должность Президента Республики Абхазия Рауля Хаджимба // Сайт «Президент Республики Южная Осетия». Доступ: <https://presidentruo.org/vystuplenie-na-torzhestvennoj-ceremonii-vstupleniya-v-dolzhnost-prezidenta-respubliki-abhaziya-raulya-hadzhimba/>. (дата обращения: 08.11.2019).
6. Интервью иностранным средствам массовой информации // Сайт «Президент Республики Южная Осетия». Доступ: <https://presidentruo.org/intervyu-inostrannym-sredstvam-massovoj-informacii/>. (дата обращения: 02.11.2019).
7. Президент¹ Анатолий Бибилов поздравил Лионеля Айнгимеа со вступлением в должность Президента Республики Науру // Сайт «Президент Республики Южная Осетия». Доступ: <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-pozdravil-lionelya-ajngimea-so-vstupleniem-v-dolzhnost-prezidenta-respubliki-nauru/>. (дата обращения: 08.11.2019).
8. Президент² Анатолий Бибилов принял верительные грамоты Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Никарагуа в Республике Южная Осетия Альбы Асусена Торрес Мехия // Сайт «Президент Республики Южная Осетия». Доступ: <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-prinyal-veritelnye-gramoty-chrezvychajного-i-polnomochного-posla-nikaragua-v-yuzhnoj-osetii-alby-asusena-torres-mexiya/>. (дата обращения: 02.11.2019).
9. Сайт Facebook¹. Доступ: <https://www.facebook.com/100006782893023/posts/2581950052041066/>. (дата обращения: 05.11.2019).
10. Сайт Facebook². Доступ: <https://www.facebook.com/696524589/posts/10157706492639590/>. (дата обращения: 05.11.2019).

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. Moskva: Sov. entsikl. Pp. 136-137. (In Russ.).
2. Borbotko, V. G. (1981). Ispolzovanie estestvennogo chleneniya diskursa pri ego analize [Natural division of discourse for its analysis]. In *Aspekty izucheniya teksta*. Moskva. Pp. 19-24. (In Russ.).
3. Borbotko, V. G. (2011). *Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [Principles of discourse formation: from psycholinguistics to linguistic synergy]. 4th ed. Moskva: Librokom. (In Russ.).
4. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2006). *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in political interdiscourse]. 2-e izd., isp. i dop. Ekaterinburg. (In Russ.).
5. Gumboldt, V. (2009). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works in linguistics]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
6. Dejk, van T. A. (1989). *Yazyk. poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moskva: Progress. (In Russ.).
7. Dubrovskaya, T. V., Kozhemyakin E. A. (2015). Konstruirovanie mezhnatsionalnykh otnosheniy v SMI: spetsifika reprezentatsiy [Construction of internethnic relations in Mass Media: specific representations]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. T. 26. Pp. 111-125. (In Russ.).
8. Kaliuščenko, V. D. (2016). *Ot lingvisticheskoy tipologii k istoricheskoy lingvistike: Izbrannye trudy* [From linguistic typology to historical linguistics: Selectas]. Donetsk: DonNU. (T. 12. Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya). (In Russ.).
9. Karimova, R. A. (1992). *Semantiko-strukturnaya organizatsiya teksta (na materiale ustnykh spontannykh i pismennykh tekstov)* [Semantic-structural organization of the text (based on oral spontaneous and written texts)]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
10. Klobukov, E. V. (1995). *Teoreticheskie osnovy izucheniya morfologicheskikh kategoriy russkogo yazyka. (morfologicheskie kategorii v sisteme yazyka i v diskurse)* [Theoretical study of Russian language morphology (morphological categories in the system of language and in discourse)]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
11. Pocheptsov, G. G. (2001). *Teoriya kommunikatsii* [Theory of communication]. Moskva: Refl-buk :Vakler. (In Russ.).
12. Revzina, O. G. (1999). Yazyk i diskurs [Language and discourse]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 9. Moskva. No. 1. Pp. 25-33. (In Russ.).
13. Fedeneva, Yu. B. (1998). *Modeliruyuschaya funktsiya metafory v agitatsionno-politicheskikh tekstakh 90-kh gg. XX veka* [Metaphor as the means of modelling of agitational political texts in the 90-s, XXth century]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg. (In Russ.).
14. Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of the political discourse]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Volgograd. (In Russ.).
15. Yaroslavtseva, Ya. A. (2015). Spetsifika vneshnepoliticheskogo diskursa [Special characteristics of foreign policy discourse]. In *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (42). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-vneshnepoliticheskogo-diskursa>. (accessed: 02.11.2019). (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Anatoliy Bibilov¹: «V istoricheskom puti boryuschikhsya za svobodu stran mnogo obshchego» [«There is a lot in common in historic way of those struggling for freedom». Available at: <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-v-istoricheskom-puti-boryushhixsya-za-svobodu-stran-mnogo-obshhego/>.(accessed: 05.11.2019). (In Russ.).
2. Anatoliy Bibilov²: «Mezhdu Donetskoy Narodnoy Respublikoy i Osetiye idut glubokie integratsionnye protsessy» [«Serious integration processes are in progress between Donetsk

People Republic and Ossetia»]. Available at: <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-mezhdu-doneckoj-narodnoj-respublikoj-i-osetiej-idut-glubokie-integracionnyie-processy/>. (accessed: 02.11.2019). (In Russ.).

3. *Bibilov o dnyakh kultury Osetii v Evrope: rabotu nado prodolzhat* [Bibilov speaking of Culture Days in Europe] Available at: https://sputnikossetia.ru/south_ossetia/20191102/9522617/bibilov-o-dnyakh-kultury-osetii-v-evrope-rabotu-nado-prodolzhat.html. (accessed: 07.11.2019). (In Russ.).

4. *Vse luchshee tolko nachinaetsya...* [The best is still to come]. Available at: <https://presidentruo.org/vse-luchshee-tolko-nachinaetsya/>. (accessed: 02.11.2019). (In Russ.).

5. *Vystuplenie na torzhestvennoj tseremonii vstupleniya v dolzhnost Prezidenta Respubliki Abkhaziya Raulya Khadzhimba* [Speech at the ceremony of inauguration of the President of the Republic of Abkhazia Raul Khadzhimba]. Available at: <https://presidentruo.org/vystuplenie-na-torzhestvennoj-ceremonii-vstupleniya-v-dolzhnost-prezidenta-respubliki-abkhaziya-raulya-khadzhimba/>. (accessed: 08.11.2019). (In Russ.).

6. *Intervyu inostrannym sredstvam massovoy informatsii* [Interview for foreign Mass Media]. Available at: <https://presidentruo.org/intervyu-inostrannym-sredstvam-massovoj-informatsii/>. (accessed: 02.11.2019). (In Russ.).

7. *Prezident¹ Anatolij Bibilov pozdravil Lionelya Ayingimea so vstupleniem v dolzhnost Prezidenta Respubliki Nauru* [President Anatoly Bibilov congratulated Lionel Aingimea with assumption of an office]. Available at: <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-pozdravil-lionelya-ajngimea-so-vstupleniem-v-dolzhnost-prezidenta-respubliki-nauru/>. (accessed: 08.11.2019). (In Russ.).

8. *Prezident² Anatolij Bibilov prinyal veritelnye gramoty chrezvychajnogo i polnomochnogo posla Respubliki Nikaragua v Respublike Yuzhnaya Osetiya Alby Asusena Torres Mekhiya* [President Anatoly Bibilov received letters of credence from the plenipotentiary of the Republic of Nicaragua Alba Asusena Torres Mekhia in the Republic of South Ossetia]. Available at: <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-prinyal-veritelnye-gramoty-chrezvychajnogo-i-polnomochnogo-posla-nikaragua-v-yuzhnoj-osetii-alby-asusena-torres-mexiya/>. (accessed: 02.11.2019). (In Russ.).

9. Sayt Facebook¹. Available at: <https://www.facebook.com/100006782893023/posts/2581950052041066/>. (accessed: 05.11.2019).

10. Sayt Facebook². Available at: <https://www.facebook.com/696524589/posts/10157706492639590/>. (accessed: 05.11.2019).

Джисоева Варвилена Павловна – старший преподаватель кафедры английского языка (e-mail: jio.varvilina@mail.ru), Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова. 100001 Республика Южная Осетия г. Цхинвал ул. Путина, 8

Dzhioeva Varvilina P. – Senior lecturer of the English Language Department (e-mail: jio.varvilina@mail.ru), South Ossetia State University named after A. A. Tibilov 8, Putina str., Tskhinval, The Republic of South Ossetia, 100001

Поступила в редакцию 10 января 2020 г

ТИПОЛОГИЯ АРТИКЛЯ

В данной статье рассматривается функционирование артикля в типологическом аспекте на материале некоторых германских (немецкий, английский, шведский), романских (французский), семитских (арабский, иврит), тюркских (турецкий) и славянских (русский, болгарский, македонский) языков. Статья охватывает вопросы истории возникновения артикля в вышеуказанных языках и его функции, а также примеры функционирования в каждом из языков.

Ключевые слова: категория определенности / неопределенности, указательное местоимение, постпозитивный артикль, артиклевый / безартиклевый язык.

ARTICLE TYPOLOGY

The paper deals with the functioning of the article in the typological aspect on the material of some Germanic (German, English, Swedish), Romance (French), Semitic (Arabic, Hebrew), Turkic (Turkish) and Slavic (Russian, Bulgarian, Macedonian) languages. The article covers the history of the article in the above mentioned languages and its functions, as well as examples of its functioning in each of the languages.

Key words: category of certainty / uncertainty, demonstrative pronoun, post-positive article, article / non-article language

1. В современной лингвистике представлена широкая палитра теорий артикля. Над ней работали такие ученые, как Х. Глинц [Glinz, 1961: 265-269], С. Кацнельсон [Кацнельсон, 2001: 78-86; Кацнельсон, 2009: 35], К. Левковская [Левковская, 1973: 4], О. Москальская [Москальская, 1953: 10-53], В. Пророкова [Левковская, Пророкова, 1973: 4], Г. Хельбиг [Helbig, 1996: 103-115], В. Шмидт [Schmidt, 1965: 104-110] и др. Основное внимание в имеющихся работах уделяется теоретическому аспекту вопроса, то есть изучению лексических и морфосинтаксических средств выражения значений определенности / неопределенности, которые рассматриваются автономно и главным образом в пределах одного языка, что затрудняет исследование категории определенности / неопределенности как единства и ее комплексное изучение в разных языковых системах, что и обуславливает актуальность данной работы. Цель статьи – типологическое изучение артикля на материале некоторых германских (немецкий, английский, шведский), романских (французский), семитских (арабский, иврит), тюркских (турецкий) и славянских (русский, болгарский, македонский) языков.

2. Как известно, специализированным средством выражения значения определенности / неопределенности считается грамматическая категория артикля, которая не является универсальной. Из рассматриваемых языков артикль используется в

германских, романских, семитских и частично тюркских языках (только неопределенный артикль в турецком языке), в большинстве славянских языков он отсутствует.

Артикль является особой разновидностью служебного слова, выражающего значение определенности / неопределенности, которое сопровождает существительное и образует с ним аналитическую форму [Weingreen, 1952: 23-24].

Во всех исследуемых языках можно проследить общую тенденцию: определенный артикль (ОА) возник на основе указательных местоимений 'этот, тот', а неопределенный артикль (НА) восходит к числительному 'один', например: в немецком языке ОА развился из указательного местоимения *der* 'этот', НА – из числительного *ein* 'один' [Schmidt, 1965: 104-110]. Постепенное преобразование указательного местоимения *der, die, das* в артикль отмечается уже в первых письменных памятниках древневерхненемецкого периода. Например, древневерхненемецкие артикли *ther, thiu, thaz* систематически играют роль указателей определённости существительного в случаях, когда в тексте говорится о предметах или лицах, ранее упоминавшихся [Schmidt, 1965: 104-110; Москальская, 1953: 10-53]. Та же тенденция прослеживается в других германских и романских языках: определенные артикли восходят к указательным местоимениям (англ. *this, that* → *the*; латинск. *ille* → франц. *le, la, les*), а неопределенные артикли – к числительному 'один' (англ. *one* → *a/an*; франц. *un* → *un/une*) [Есперсен, 1958: 129]. В шведском языке ОА единственного числа *det* и *den* также произошли от указательных местоимений, а НА *en, et/ett* – от числительного 'один'; во всех романских языках ОА восходит к латинскому *ille* 'тот', НА к лат. *unus, una* 'один, одна'; в турецком языке числительное *bir* 'один' выполняет функцию неопределенного артикля и указывает на неопределенность объекта [Гениш, 2016: 24-30]. По одной из гипотез, определённые артикли в арабском языке (ال *аль*) и иврите (ה- *ха*) восходят к общесемитскому определённому артиклю **халь* (הל = לה-). В поддержку этой теории говорит то, что указательное местоимение هذا *хаза* 'этот', сочетаясь со словом с определённым артиклем, сокращается в произношении в некоторых диалектах современного разговорного арабского языка: هذا البيت *хаза ль-байт* 'этот дом' → هالبيت *халь-байт*. По другой гипотезе, арабский и еврейский определённые артикли восходят к двум разным указательным местоимениям. Подтверждением этого является то, что в арамейском языке *ха* является указательным местоимением [Alosh, 2000: 100-132].

3. Несмотря на то, что артикли в разных языках имеют схожую историю развития и основная их функция – выражение значения определенности / неопределенности – универсальна, другие функции артикля в западноевропейских языках могут совершенно не совпадать. Так, например, во французском языке, кроме функции определенности,

функциями артикля являются обозначение грамматического рода и числа существительных: *le capital* – м. р. ‘капитал’, *la capitale* – ж. р. ‘столица’, *les bananes* – мн. ч. ‘бананы’. В немецком языке артикль выражает кроме функций грамматического рода, числа также и падеж существительного: *die Frau* ‘женщина’, *der Frauen* ‘женщин – ж. р., мн. ч., родит. падеж’. В некоторых случаях артикль выступает в роли единственного средства выражения числа существительного: *der Stiefel* ‘сапог’, *die Stiefel* ‘сапоги’. В английском языке, в котором отсутствует грамматическая категория рода и имеются только две падежные формы единственного числа, артикль не имеет таких функций, он не выражает ни рода, ни числа, ни падежа существительного.

В шведском языке существительные употребляются с артиклем, который является показателем рода, числа, а также определённости / неопределённости слова в контексте. Артикль в шведском языке функционирует не так, как в большинстве других европейских языков. Неопределённый артикль занимает позицию перед существительным, для общего рода используется «*en*», для среднего рода – «*ett*»: *en flicka* ‘девочка’, *en dag* ‘день’, *ett hus* ‘дом’, *ett regn* ‘дождь’. Те же морфемы в постпозиции, как суффикс выполняют функцию определённого артикля, например: *dag + en – dagen*, *hus + ett – huset*. Правила употребления определённого / неопределённого артикля в шведском языке схожи с английским и немецким языками [Mellor, 2006: 18-35].

Как отмечено выше, данная категория может выражаться при помощи других языковых форм в безартиклевых языках, в том числе и отсутствием артикля, как, например, в турецком языке, где отсутствие НА *bir* обозначает определенность объекта [Гениш, 2016: 24-30].

4. В арабском языке, который относится к семитской языковой группе, в отличие от турецкого языка, отсутствует неопределённый артикль. Его функции в большинстве случаев выполняет окончание *-n*, которое можно увидеть у существительных и прилагательных (*китабун*, *кабирун* и т.п.). Это окончание указывает на неопределённость предмета, обозначаемого данным существительным. Прилагательное же получает это окончание, согласуясь с неопределённым существительным. Окончание *-n* называют танвин (арабское слово *تَنْوِينٌ* в переводе обозначает прибавление звука *n*). Определённый артикль является единственным артиклем в арабском языке, он одинаков для всех родов и падежей. Артикль является одним из способов указания на определенность состояния, т. е. существительное или прилагательное с артиклем всегда будут в определенном состоянии. Определённый артикль (*аль*) не является отдельным словом и всегда пишется слитно со следующим словом, однако он не является неотъемлемой частью этого слова. Слово без

артикли *аль* находится в неопределённом состоянии; отдельного неопределённого артикли в арабском языке нет. В отличие от использования артиклей в европейских языках, в арабском языке согласованные определения к слову с артиклем *аль* пишутся с артиклем слитно, например: كتاب *китаб* ‘книга’, الكتاب *аль-китаб* ‘(эта) книга’, كتاب كبير *китаб кабир* ‘большая книга’, كتاب كبير *аль-китаб аль-кабир* ‘(эта) большая книга’. Такие же правила употребления определённого артикли существуют в иврите – ещё одном языке семитской семьи [Alosh, 2000: 126].

5. В славянской группе артикль используется только в двух языках: болгарском и македонском. В болгарском языке, например, в неопределённой форме артикль отсутствует, однако вместо него часто употребляются местоимение *някой* ‘какой-то’ и числительное *един* ‘один’, например: *някой къща* ‘дом’, *една стол* ‘стул’ [Мирчев, 1963: 182]. Определённый артикль представлен в виде постфикса, который ставится в конце существительного или прилагательного с целью обозначения предмета разговора относительно его контекста. Лингвисты предполагают, что развитие этого артикли для всех именных категорий происходило в период между IX – X вв. Этот период включает два века пребывания Болгарии под властью Византии. Несомненно, в это время развилось двуязычие, полное или частичное, что создало благоприятные условия для влияния греческого языка на болгарский [Георгиев, 1972: 8-20]. Однако постпозиция болгарского артикли не может быть объяснена заимствованием из греческого языка; можно лишь предполагать, что в эту эпоху постпозитивный артикль образовался по модели определённого артикли в греческом языке, но средствами самого болгарского языка. Кроме того, во многих болгарских диалектах существует постпозитивный артикль, образованный при помощи указательных местоимений (например, в родопском диалекте) [Стойков, 2002: 15-20].

В македонском языке артикль также представлен в виде постфикса. Однако, в отличие от стандартного болгарского языка, который использует только одну форму определённого артикли, у стандартного македонского есть три формы, основанных на внешней системе взглядов: неуказанный, ближайший и периферический определённый артикль [Славейков, 1871: 127]. Например: *Ова е мојот другар*. ‘Это – мой друг’. *Е добриов другар од школа*. ‘Он хороший друг со школы’. *Како той стана твојон другар?* ‘Как он стал твоим другом?’ [Славейков, 1871: 127]. Вместо неопределённого артикли, как и в болгарском языке, выступает числительное *еден* ‘один’, например: *еден човек* ‘человек’ [Стойков, 2002: 115].

6. В русском языке артикли в настоящее время не существуют, однако выдвинута гипотеза о том, что в прошлом он все-таки был [Михайлова, 2004: 30; Букринская, 1994: 19].

Как и во многих других языках, в русском языке определенный артикль развился из указательных местоимений. В древнерусском языке существовали так называемые «безотносительные» указательные местоимения ТЪ, ТО, ТА соответственно мужского, среднего и женского родов (изменялись по падежам и числам). Они выполняли функцию определенного артикля, занимая позицию не перед существительным, а после него. В современном русском языке в функции артикля остались в разговорной речи частицы -то, -та после существительных. Например, ср.: 1) «В кино пойдешь?» – имеется в виду любое, неопределенное кино. 2) «В кино-то пойдешь?» – здесь уже имеется в виду конкретное кино, о котором, видимо, раньше шла речь. Жители сельской местности до сих пор склоняют такие частицы / артикли [Букринская, 1994: 19].

Однако существует еще одна гипотеза существования артикля в русском языке. Предполагается, что в праславянском языке был артикль И, Ю, Я (соответственно мужского, среднего и женского родов). Данный артикль не употреблялся при изолированном существительном, а ставился только перед существительным, которое имело определение. Причем артикль занимал позицию после прилагательного перед существительным. Так как в древних славянских языках существовали только краткие прилагательные, артикль, употреблявшийся после них перед существительным, не имел собственного ударения, с течением времени он приклеился к прилагательному: *добръ и чловѣкъ* → добрый человек; *добро ю дѣло* → доброе дело; *добра ѡ сестра* → добрая сестра [Зализняк, 2003: 71]. Так образовались полные прилагательные, форма которых представляет собой краткое прилагательное + артикль. Постепенно значение определенности, выраженной артиклем, для полной формы исчезло. Краткие прилагательные стали употреблять только в качестве сказуемого, а полные – в качестве определения (ср. *человек добр* и *добрый человек*). Сейчас краткие прилагательные в качестве определения практически не используются, разве что только в застывших архаических оборотах (*красна девица, на босу ногу* и т. п.) [Михайлова, 2004: 148-149].

В современном русском языке КОН (категория определенности / неопределенности) выражается «лексически, грамматически и фонетически» [Михайлова, 2004: 148-149]. В. В. Гуревич считает, что в русском языке нет единообразного способа выражения определенности / неопределенности, но существует ряд средств для выражения таких различий [Михайлова, 2004: 148-149].

Синтаксический способ – с помощью порядка слов. Так, например, подлежащее в начальной позиции в предложении обычно указывает на известность, определенность объекта (например, *Учитель вошел в класс*). А подлежащее в постпозиции, при инверсивном

порядке слов, указывает на неопределенность объекта (*В класс вошел учитель*).

Лексический способ – сочетание существительного с неопределенным или указательным местоимением: *какой-то, какой-нибудь, один, этот, тот* и т. д. Известно, что такой способ существует и в английском языке, однако важно отметить, что в русском языке наблюдается употребление слов *один, этот* в качестве элементов, подобных артиклям [Михайлова, 2004: 148-149].

Способ, близкий к аффиксации – присоединение к существительному постпозитивной частицы *-то* для выражения значения определенности. Исторически эта частица восходит к местоимению *тот*, употреблявшемуся постпозитивно и вследствие безударности утратившему конечный согласный *т*. Таким образом, здесь имеет место некоторый аналог постпозитивного определенного артикля (что уже отмечалось выше).

7. Логическое исчисление вариантов наличия / отсутствия ОА / НА включает четыре возможности (см. таблицу). Первые три варианта представлены артиклевými языками (9 языков), последний вариант представлен одним безартиклевым языком – русским. В наибольшем количестве языков реализуется I вариант ОА+, НА+. Этот тип включает три германских и три романских языка. В четырех языках реализуется II вариант ОА+, НА- (славянские языки: болгарский, македонский, а также арабский и иврит). Третий вариант ОА-, НА+ представлен в одном языке (турецкий). Четвертый вариант ОА-, НА- реализован в русском языке. Как показало исследование, реализация вариантов наличия / отсутствия ОА и НА обусловлена преимущественно генетическими, а не типологическими факторами. Исключение составили славянские языки, реализующие два варианта наборов артикля: 1) ОА+, НА-: болгарский, македонский языки; 2) ОА-, НА-: русский язык [Калиущенко, Рябец, 2017: 84-87].

Таблица. *Варианты наличия / отсутствия ОА / НА в языках исследования*

Варианты наличия / отсутствия ОА / НА	ОА+ НА+	ОА+ НА-	ОА- НА+	ОА- НА-
Языки				
Английский	+			
Немецкий	+			
Шведский	+			
Французский	+			
Болгарский		+		
Македонский		+		
Русский				+
Турецкий			+	
Арабский		+		
Иврит		+		

8. В результате исследования сформулированы следующие выводы и обобщения:

1) семантическая категория определенности / неопределенности является универсальной и находит выражение во всех языках с помощью различных языковых средств: грамматических, лексических, фонетических, морфологических, синтаксических;

2) специализированное средство выражения значения определенности / неопределенности – грамматическая категория артикля, которая не является универсальной (из рассматриваемых языков отмечена в германских, романских, частично в семитских (арабском и иврите), тюркских языках (только неопределенный артикль в турецком языке), и некоторых славянских языках (в болгарском и македонском));

3) артикль, в свою очередь, является особой разновидностью служебного слова, выражающего значение определенности / неопределенности, которое сопровождает существительное и образует с ним аналитическую форму;

4) во всех исследуемых языках можно проследить общую тенденцию: определенный артикль возник на основе указательных местоимений, а неопределенный артикль восходит к числительному «один»;

5) артикль всегда служит выражением категории определенности / неопределенности, однако данная категория может выражаться при помощи других языковых форм в безартиклевых языках, в том числе и отсутствием артикля (как, например, в турецком языке);

6) в качестве грамматического средства выражения определенности могут выступать служебные морфемы постфиксального типа (македонский язык);

7) средством выражения определенности в языках, где есть только неопределенный артикль, может выступать его отсутствие (турецкий язык);

8) в современном русском языке существует три способа выражения категории определенности / неопределенности: синтаксический (с помощью порядка слов), лексический (сочетание существительного с неопределенным или указательным местоимением) и способ, близкий к аффиксации (присоединение к существительному постпозитивной частицы *-то* для выражения значения определенности);

9) варианты набора артиклей обусловлены преимущественно генетическими факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букринская И. А. и др. Язык русской деревни: Школьный диалектологический атлас. М.: Аспект Пресс, 1994. 156 с.
2. Гениш Э. Грамматика турецкого языка. 2016. 232 с.

3. Георгиев В. К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. М., 1972. № 6. С. 398-413.
4. Есперсен О. Философия грамматики. М.: КомКнига, 1958. 400 с.
5. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. 4-е изд. М.: Русские словари, 2003 752 с.
6. Калиущенко В. Д., Рябец А. В. Категория определенности / неопределенности в немецком, английском и русском языках // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. Т. 4: Филологические науки. Ч. 1: Иностранная филология. С. 84-87.
7. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. М.: Яз. слав. культуры, 2001. 852 с.
8. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 218 с.
9. Левковская К. А., Пророкова В. М. АРТИКЛЬ в немецком языке. М.: Просвещение, 1973. 225 с.
10. Михайлова Л. П. Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань, 2004. С. 148-149.
11. Мирчев К. Историческа граматика на български език. София, 1963. 304 с.
12. Москальская О. И. Развитие артикля в древних германских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. М.: Наука, 1953. 56 с.
13. Славейков П. Р. Вестник Македония // Цариград, година V. бр. 3 от 18.I.1871 г. С. 15-138.
14. Стойков С. Българска диалектология. 4-е изд. Скопје, 2002. 127 с.
15. Alish Mahdi. Ahlan wa Sahlan: Functional Modern Standard Arabic for Beginners. New Haven: Yale University Press, 2000. 668 p.
16. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Bern und München : Francke Verlag, 1961. 505 S.
17. Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig : Enzlopädie, 1996. 735 S.
18. Mellor A. Scott. Beginner's Swedish. New York: Hippocrene Books. 2006. 265 p.
19. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin: Volk und Wissen, 1965. 324 S.
20. Weingreen J. The Article // A Practical Grammar for Classical Hebrew. Oxford University Press, 1952. P. 23-24.

REFERENCES

1. Bukrinskaya, I. A. etc. (1994). *Yazyk russkoy derevni: Shkolnyy dialektologicheskiy atlas* [The language of the Russian village: School dialectological atlas]. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).
2. Genish, E. (2016). *Grammatika turetskogo yazyka* [Turkish Grammar]. (In Russ.).
3. Georgiev, V. (1972). K voprosu o balkanskom yazykovom soyuze [To the question of the Balkan linguistic union]. In *Novoye v lingvistike*. Moskva: 1972. No 6. Pp. 398-413. (In Russ.).
4. Espersen, O. (1958). *Filosofiya grammatiki* [Philosophy of grammar]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
5. Zaliznyak, A. A. (2003). *Grammaticheskiy slovar russkogo yazyka: Slovoizmeneniye* [The Grammar Dictionary of the Russian Language: The Word Change]. 4-e izd. Moskva: Russkiye Slovarei. (In Russ.).
6. Kaliuščenko, V. D., Ryabets, A.V. (2017). Kategoriya opredelennosti / neopredelennosti v nemetskom, angliyskom i russkom yazykah [The category of certainty/uncertainty in German, English and Russian]. In *Donetskie chteniya 2017: Russkiy mir kak tsivilizatsionnaya osnova*

nauchno-obrazovatel'nogo i kulturnogo razvitiya Donbassa. Donetsk: Izd-vo DonNU. Vol. 4: Filologicheskie nauki. Ch. 1: Inostrannaya filologiya. Pp. 84-87. (In Russ.).

7. Katsnelson, S. D. (2001). *Kategorii yazyka i myshleniya* [The category of language and thinking]. Moskva: Yaz. slav. kultury. (In Russ.).

8. Katsnelson, S. D. (2009). *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and speech thinking]. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).

9. Levkovskaya, K. A., Prorokova, V. M. (1973). *Artikl v nemetskom yazyke* [Article in German]. Moskva: Prosvyashcheniye. (In Russ.).

10. Mikhaylova, L. P. (2004). *Russkaya i sopostavitelnaya filologiya: sostoyaniye i perspektivy* [Russian and Comparative Philology: State and Prospects]. Kazan. Pp.148-149. (In Russ.).

11. Mirchev, K. (1963). *Istoricheska grammatika na blgarski ezik* [Historical grammar in Bulgarian]. Sofia. (In Russ.).

12. Moskalskaya, O. I. (1953). *Razvitiye artiklya v drevnikh germanskikh yazykakh* [The development of the article in the ancient Germanic languages]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Moskva: Nauka. (In Russ.).

13. Slaveykov, P. (1871). *Vestnik Makidoniya* [Herald of Macedonia]. In *Tsarigrad, godina V*, br. 3 ot 18.I.1871 g. Pp. 15-138. (In Russ.).

14. Stoikov, S. (2002). *Balgarska dialektologiya* [Bulgarian dialectology]. 4-e izd. Skopje. (In Russ.).

15. Alish, Mahdi. (2000). *Ahlan wa Sahlan: Functional Modern Standard Arabic for Beginners*. New Haven: Yale University Press.

16. Glinz, H. (1961). *Die innere Form des Deutschen*. Bern und München: Francke Verlag.

17. Helbig, G. (1996). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig: Enzylpädie.

18. Mellor, A. Scott (2006). *Beginner's Swedish*. New York: Hippocrene Books.

19. Schmidt, W. (1965). *Grundfragen der deutschen Grammatik*. Berlin: Volk und Wissen.

20. Weingreen, J. (1952). The Article. In *A Practical Grammar for Classical Hebrew*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 23-24.

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: vladimirkaliuscenko@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Kaliuščenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Germanic Philology Department (e-mail: vlaimirkaliuscenko@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Рябец Анна Викторовна – магистр кафедры германской филологии (e-mail: spemspero18@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», 283001, Донецк, Университетская, 24

Ryabets Anna V. – Master of the Germanic Philology Department (e-mail: spemspero18@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 22 октября 2019 г.

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В ГУСТАТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье проводится сопоставительное исследование густативных лексем (лексем со значением вкуса) с оценочным компонентом в английском, немецком и украинском языках, описываются языковые средства и способы обозначения вкусовых ощущений с семантическим признаком оценки; анализируются лексические единицы, приобретающие густативное значение под влиянием контекста в художественном произведении.

Ключевые слова: *густативная лексика, формула толкования, оценочный денотативный компонент, оценочный коннотативный компонент.*

© 2020 M. N. Mokhosoeva

EVALUATIVE COMPONENT IN GUSTATORY LEXIS (BASED ON ENGLISH, GERMAN AND UKRAINIAN)

In the article the comparative research of gustatory lexical units with evaluative component in English, German and Ukrainian has been carried out. According to the research, the evaluation seme in gustatory lexis of all compared languages can be both differential and potential.

Key words: *gustatory lexical units, category of evaluation, formula of interpretation, potential seme.*

1. Введение. Оценочные лексемы – значительный источник пополнения лексики, обозначающей вкус. Сопоставительное исследование способствует решению проблемы соотношения универсального и идеоэтнического в языке, позволяет выявить национальную специфику членения и отображения объективной действительности [Ivanova, 2018].

Целью статьи является сопоставительное исследование густативной лексики (ГЛ) с семантическим признаком «оценка» и обладающей эмоциональной окрашенностью в художественном произведении.

Материалом исследования стали 2873 единицы (859 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в английском, 918 ЛСВ в немецком и 1096 ЛСВ в украинском языках). Лексемы со значением вкуса были получены путем сплошной выборки из толковых и синонимических словарей английского, немецкого и украинского языков.

2. Категория оценки в языке и в густативной лексике. Категория оценки в лингвистике выражает отношение говорящего к объекту действительности и является универсальной [Вольф, 2006: 16; Гак, 2010: 26; Потенция, 1999: 127; Channel, 2007: 246].

В основу исследования положен функционально-семантический подход к теории оценки (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.).

Н. Д. Арутюнова выделяет оценку сенсорно-вкусовую или гедонистическую, психологическую (интеллектуальную и эмоциональную), эстетическую, этическую, утилитарную и нормативную [Арутюнова, 1988: 98]. Оценка вкуса в языках исследования является гедонистической или сенсорной, она противопоставляется в определенном смысле этическим и эстетическим оценкам. Последние образуют группу сублимированных оценок (от лат. *sublimare* – возносить, поднимать вверх), которые возносятся над сенсорными оценками и «гуманизируют» их [Писанова, 1997: 106].

В языковом плане категория оценки является понятийной градуированной категорией, единицы которой представляют набор лексико-семантических вариантов с общим категориальным значением оценивания. Центральная часть категории содержит предикаты «хорошо» и «плохо», ориентированные на понятия нормы, которая приближена к «хорошему» [Арутюнова, 1988: 14; Вольф, 2006: 8; Cava, 2010: 21]. В центре категории оценки одни члены категории являются более репрезентативными, чем другие. Локализация оценочного слова определяется его количественной и качественной степенями выражения оценочного признака с опорой на точку отсчета, объективное представление о хорошем, нейтральном, негативном [Drew, 2004: 220]. Вслед за З. И. Поповой и И. А. Стерниным, разделяем понятия «оценочного компонента в денотативном макрокомпоненте семемы и оценочного коннотативного компонента» [Попова, Стернин, 2007: 57-58].

2.1. Прилагательные ГЛ являются дескриптивно-оценочными, так как наряду с оценочной включают в свой состав дескриптивную сему [Космеда, 2001: 20; Тихонова, 2015: 118]. Выявить местоположение семы оценки в структуре значения слова позволяет ряд методов, самым продуктивным из которых, по мнению Р. М. Якушиной, является дефиниционный анализ [Якушина, 2003: 88]. Дефиниционный анализ предполагает изучение наличия / отсутствия оценочных слов в словарной дефиниции той или иной лексемы. Густативные лексемы оцениваются по признакам «вкусный / невкусный», «приятный / неприятный».

Приведем примеры прилагательных с оценочной дескриптивной семой «вкусный», «приятный на вкус»:

1) обозначающие *сладкий вкус* в немецком и украинском языках, ср.: нем. *Süß*^{*} ‘in der Geschmacksrichtung von Zucker od. Honig liegend und meist angenehm schmeckend; nicht sauer, bitter’ [Duden, 2007: 1650] (имеющий вкус сахара или меда и обычно приятный на вкус; не кислый, не горький) – укр. *солодкий*¹ ‘який має приємний смак, властивий цукрові, медові і т. ін.’ [ВТССУМ, 2004: 1474]. В английском языке сема оценки отсутствует: англ. *sweet*¹ ‘containing or tasting as if it contains a lot of sugar’ (содержащий большое количество сахара (на вкус) [CALD, 2008: 1212];

2) прилагательные со значением ‘вкусный’: англ. *savoury*² ‘having a pleasant taste or smell’ – пряный, вкусный (имеющий приятный вкус или запах)’ [CALD, 2008: 1045]; *delectable*¹ ‘(of food and drink) extremely pleasant to taste, smell or look at’ – (о еде) очень приятный на вкус, запах или вид) [CALD, 2008: 306]; нем. *lecker*¹ ‘sehr schmackhaft, im hohen Grade wohl schmeckend; leckerhaft’, *köstlich*¹ ‘überaus schmackhaft, sehr lecker’, *wohlschmeckend* ‘appetitlich, aromatisch, lecker, schmackhaft’ – (очень) вкусный, аппетитный, приятный на вкус) [Duden, 2007: 512, 498, 1996]; укр. *смачний*¹, *смаченький*, *ласий* ‘приємний на смак’ [ВТССУМ, 2004: 1315, 611].

В некоторых прилагательных со значением «сильный вкус» содержится сема «приятный на вкус», ср.: англ. *tasty*¹ ‘(approving) having a strong and pleasant flavour’; *luscious*¹ ‘having a strong and pleasant taste’ – вкусный (имеющий сильный и приятный вкус); нем. *gewürzt*, *pikant* ‘aromatisch, kräftig, würzig’ – пикантный, ароматный, пряный (имеющий сильный, приятный вкус); укр. *пикантний*¹, *пряний*, *міцний*⁶, *кріпкий*.

В других прилагательных сема «избыточный вкус» связана с признаком «неприятный на вкус», ср.: англ. *acid* ‘having a strong, bitter smell or taste that is unpleasant’ – *резкий*, *острый* (имеющий неприятный, сильный, горький запах или вкус); нем. *übersüß* ‘allzu süß, süßer als nötig oder angenehm ist’ – приторный (слишком сладкий, более чем это необходимо, неприятно сладкий); укр. *різкий*² ‘надто сильний, міцний або яскравий, що неприємно діє на органи чуття’.

Лексемы со значением «горький вкус» в английском и немецком языках имеют общие семы «сильный», «неприятный», ср.: англ. *bitter*⁴ (of food, etc.) ‘having a strong, unpleasant taste; not sweet’ [CALD, 2008: 137] – *горький* (о еде) имеющий сильный, неприятный вкус, несладкий) – нем. *bitter*¹ ‘von sehr herbem (bis ins Unangenehme gehendem) Geschmack’ [Duden, 2007: 311] – *горький* (имеющий очень терпкий (до неприятного) вкус), демонстрируя таким образом большее родство на лексическом уровне, по сравнению

* номер производного значения в многозначном слове

с соответствующей лексемой украинского языка: укр. *гіркий*¹ толкуется как ‘їдкий, різкий смак, наприклад, хіна, гірчиця’ [ВТССУМ, 2004: 183].

Сема «неприятный на вкус» прослеживается также у прилагательных и существительных со значением *недостаточного вкуса*, ср.: англ. *insipid*¹ ‘(disapproving) having almost no taste or flavour’ – безвкусный, пресный; нем. *fad(e)*¹ ‘*geschmacklos, ungesalzen*’ – безвкусный, пресный; *geschmacklos*¹, *quabbelig*³ ‘nach nichts schmeckend, fade’ – не имеющий вкуса, пресный (о еде); укр. *несмачний* (через відсутність смаку); англ. *dishwater*², *slop*¹ ‘used figuratively of weak broth, coffee, etc’ – помои (употребляется образно для обозначения невкусного жидкого супа, слабого кофе); нем. *Spülwasser* (*n*), *Spülicht* (*n*) перен. помои (неприятно редкая, невкусная жидкость, напр. слабый кофе, слабый чай, водянистый суп); укр. *помі*² перен. ‘рідка недоброякісна несмачна страва’. Общей семой для данных прилагательных является сема «не имеющий». Сема отрицательной оценки входит в периферию значения.

Прилагательные с семантикой «мягкий, тонкий вкус» характеризуются наличием положительной оценки в сопоставляемых языках, ср.: англ. *delicate*⁶, *delicious*¹, *tasty*⁴, *subtle*¹, *exquisite*¹, *smooth*⁶, *mild*⁵ ‘(of flavours) light and pleasant; not strong’ – (о вкусе) легкий и приятный, не сильный; нем. *verwöhnt*², *erlesen*²-, *auserlesen*-, *fein*⁵, *zart*² ‘ausgesucht, auserlesen, ausgezeichnet’ – изысканный, утонченный (о вкусе); укр. *тонкий*, *витончений*³; перен. *м'який*³ ‘(про смак)’.

Существительные со значением ‘послевкусие’ имеют в английском и украинском языках сему отрицательной оценки, ср.: англ. *aftertaste* ‘a taste (usually an unpleasant one) that stays in your mouth after you have eaten or drunk sth’ – (чаще всего неприятное) послевкусие, остающееся после еды или питья); укр. *оскома*, *оскомина* ‘неприємні відчуття від споживання кислого, терпкого’. В немецком языке сема оценки отсутствует: нем. *Nachgeschmack*¹ (*m*), *Nebengeschmack* (*m*) ‘im Mund bleibender Geschmack’ – привкус (вкус, остающийся во рту после чего-л.).

В отличие от английского языка, немецкие и украинские лексемы с позитивной оценкой образуются морфологическим способом деривации. Так, суффиксы немецкого языка *-chen*, *-lein* являются словообразовательными со значениями уменьшительности, ласкательности, субъективного отношения [Жирмунский, 1976: 412; ССЭНЯ, 2000: 99]. М. Д. Степанова называет суффикс *-chen* наиболее популярным в современном немецком языке уменьшительно-ласкательным суффиксом, который постепенно вытесняет устаревший эквивалент *-lein* [Степанова, 2007: 214]. В немецком разговорном языке

суффикс *-chen* придает позитивную оценку существительным *Salzfässchen* (n) ‘солонка’; *Pfefferfischchen* (n) ‘анчоус’.

Компонент составных прилагательных немецкого языка *wohl-* сообщает „значение чего-нибудь хорошего, приятного (иногда с усилительным оттенком)” [ССЭНЯ, 2000: 465], напр.: нем. *wohlschmeckend* ‘вкусный, приятный на вкус’; нем. *Wohlgeschmack* (m) ‘хороший вкус’. Формант *-haft* придает прилагательным немецкого языка «значение наличия какого-либо признака или потенциальной возможности действия (состояния)» [Нарустратг, 2000: 47]: нем. *schmackhaft* ‘вкусный’.

Синонимические форманты украинского языка *-еньк-*, *-есеньк-*, *-ісіньк-*, *-юсіньк-* усиливают экспрессивный оттенок субъективно-оценочного значения: *смачненький, солоденький, солоненький; солодюсінький, солодісінький, кислесенький, кислюсінький*. Словообразовательные форманты с яркой субъективной окраской сочетаются с основами качественных прилагательных, выражающих абсолютные или градуированные признаки.

2.2. В некоторых словах сема ‘вкус’ является потенциальной, не манифестированной в толковании, однако она актуализируется в контекстах иллюстративной части словарных статей, в тексте художественного произведения. В данном случае переносное оценочное значение создается условиями использования ассоциативного потенциала слова в контексте. Важным компонентом семантического содержания лексических единиц выступает эмоциональная оценка.

Отличительной особенностью оценочных прилагательных является то, что они обозначают не какой-то специфический вкус, а приятный / неприятный вкус без указания на эталонный носитель признака. Сема оценки у них выполняет дифференцирующую функцию.

В ходе исследования оценочной ГЛ привлекались оригинальные тексты художественной литературы XIX-XXI веков. На основании использования текстов художественных произведений английского, немецкого и украинского языков, к ГЛ относятся:

1) оценочные прилагательные, ср.: англ. *wonderful* ‘превосходный’; *excellent*¹ ‘отличный’; *choice* ‘высокого качества, наилучший’; *good*¹, *good*² ‘высококачественный, приятный’; *decent*¹ ‘удовлетворительный, приличный’; *disgustful* ‘отвратительный, мерзкий’; нем. *berühmt* ‘знаменитый, несравненный’; *vorzüglich* ‘отменный’; *vortrefflich* ‘прекрасный, отличный’; *angenehm* ‘приятный’; *lieblich* ‘приятный’; *echt* ‘настоящий, натуральный’; *fein* ‘хороший’; *gut* ‘хороший’; *grauenhaft* ‘ужасный’; укр. *чудовий, добірний, добрий, добротний, разг. добрячий; приємний; гідкий, гідотний, поганий, нудотний, відворотний*;

2) оценочные существительные, ср.: англ. *disgust* ‘отвращение’; *sickness* ‘тошнота’; нем. *Galle* (f) ‘желчь, горечь’; *Zeug*² (n) разг. ‘бурда’; *Übel*¹ (n) ‘омерзительность’;

укр. *гідота*; *нудота*.

Рассматриваемые оценочные прилагательные и существительные не имеют густативного значения, они характеризуют вкусовые качества вследствие метафорического переноса оценочного вида.

Наиболее важной группой лексики оценочного значения являются прилагательные, оценочный компонент которых тесно связан с эмоциональным состоянием субъекта. Прилагательные в художественном произведении выражают:

1) гедонистическую оценку «**вкусный**» (при этом прилагательное указывает не на конкретный признак вкуса, а лишь на его оценку) в сочетании с эмоциональной оценкой «**приятный**», ср.: англ. «the *richest* sort of cheese» [Dickens, 1953: 384] – ‘*наилучший* сорт сыра’, «*delicious oyster*» [Dickens, 1953: 274] – ‘*вкусная* устрица’, «Mr. Crackit declared that the gin was *excellent*» [Dickens, 1953: 80] – ‘Мистер Крекит заметил, что джин был *отменным*’, «*good wine*» [Dickens, 1953: 375] – ‘*хорошее* вино’; нем. «*ihr Branntwein ist ja berühmt*» [Brecht, 1963: 80] – ‘ваша *несравненная* водка’, «*ihr Branntwein ist vorzüglich*» [Brecht, 1963: 35] – ‘ваша водка *очень хороша*’, «*echter Lachs!*» [Lessing, 1954: 55] – ‘*чистейший* лосось!’, «*keine gute Mahlzeit von Ochsenfleisch*» [Brecht, 1963: 24] – ‘*хороший* мясной обед’, «*ganz Vortreffliches [über Likör]*» [Lessing, 1954: 39] – ‘*превосходный* [о ликере]’; укр. «*добірного* меду» [Андрухович, 2004: 193], «*добрими* перекусами» [Андрухович, 2004: 111], «*чогось кайфового [віскі]*» [Андрухович, 2004: 45], «*суп здався смачним*» [Дімаров, 2004: 144], «*та й наливка ж смачна!*» [Котляревський, 1969: 70]; *добірний* ‘наикраший’: ‘...стільки *добірного* меду злизано з вологих стін цієї печери...’ [Андрухович, 2004: 193];

2) гедонистическую оценку «**невкусный**» (при этом прилагательное указывает не на конкретный признак вкуса, а на его оценку) в сочетании с эмоциональной оценкой «**неприятный**», ср.: англ. «*dirty odds and ends*» [Dickens, 1953: 85] – ‘*гадкие* объедки’; «... it’s *nastier* in the flavor» [Dickens, 1953: 475] – ‘... еще *отвратительней* на вкус’; «*spare diet*» [Dickens, 1953: 115] – ‘*скудное* питание’; «the *weakest possible food*» [Dickens, 1953: 32] – ‘*наихудшая* еда’, «*dainty cold bits*» [Dickens, 1953: 62] – ‘*изысканные* холодные остатки’ (лексема *dainty* ‘изысканный’ употреблена в переносном значении); нем. «*grauenhafter Geschmack*» [Brecht, 1990: 1063] – ‘*ужасный* вкус’; «*die Tasse Schnaps niederster Sorte*» [Brecht, 1990: 1027] – ‘чашка шнапса *наихудшего* сорта’, «*die rohen Kraftbrühen der Natur*» [Schiller, 1967: 8] – ‘*простая, грубая* еда в природном состоянии’; укр. «*гідкий* виноградний напиток» [Андрухович, 2000: 63], «*несмачна* каша» [Матіос, 2005: 27];

3) нормативную оценку «**соответствующий норме + оценка (+)**»: англ. *decent* ‘терпимый, неплохой’: ‘... provided them with quite a *decent* meal’ [Maugham, 1976: 83] – ‘... снабжал их довольно *терпимой* едой’; нем. «die Limonade ist *gut*» [Schiller, 1967: 104] – ‘*хороший* лимонад’, «nicht *übel!* [über Likör]» [Lessing, 1954: 39] – ‘*неплохой* [о ликере]’; укр. «келих *доброго* білого вина» [Андрухович, 2004: 262];

4) нормативную оценку «**не соответствующий норме + оценка (-)**» (**испорченный, несвежий**): нем. ‘... ein Trunk *faules* Wasser damals nicht oft mehr wert war ...’ [Lessing, 1954: 86] – ‘... глоток *прелой* воды стоил тогда больше ...’;

5) эстетическую оценку «**некрасивый**»: англ. *dirty*³ ‘отвратительный, омерзительный’: ‘The liberality of Mrs. Sowerberry had consisted in a profuse bestowal upon him [Oliver Twist] of all the *dirty* odds and ends ...’ [Dickens, 1953: 85] – ‘Щедрость миссис Собери состояла в обдаривании его [Оливера Твиста] *отвратительными* обедами’; нем. *grauenhaft* ‘ужасный’: ‘*grauenhafter* Geschmack’ [Brecht, 1990: 1063] – ‘*ужасный* вкус’; укр. *гидкий* ‘дуже неприємний, бридкий’: ‘І знову вливаєш у себе *гидкий* ‘виноградний напиток’ [Андрухович, 2000: 63].

3. Выводы.

3.1. Прилагательные ГЛ сопоставляемых языков характеризуются переходом от обозначения вкусового признака к выражению оценки. В структуру основного значения данных дескриптивно-оценочных прилагательных включена сема оценки. Перенос из сферы «Вкус» в сферу «Оценка» является типичным для исследуемых языков, однако реализация этого переноса в них разнообразна.

3.2. В значениях прилагательных вкуса интенсивность обнаруживает значительную общность с категорией оценки. Понятие «достаточного количества» в прилагательных вкусообозначения соответствует норме, которая связана с аксиологической оценкой «приятно / неприятно». Больше или меньше нормы представляется как неприятное на вкус, а равное норме – «приятно».

Общие семы «сильный» и «неприятный» прослеживаются в лексемах со значением *горького вкуса* в английском и немецком языках. Исключениями являются прилагательные со значением *сильного вкуса*, в которых есть сема «приятный на вкус».

3.3. Отсутствие чего-либо воспринимается человеческим сознанием как отклонение от нормы и сопровождается отрицательной оценкой. Сема «неприятный на вкус» прослеживается в прилагательных исследуемых языков со значением *недостаточного вкуса*. Сема «пресный» выражает признак «не содержащий соли, поэтому каузирующий отсутствие вкуса».

Прилагательные со значением *мягкого, тонкого вкуса* характеризуются положительной оценкой в сопоставляемых языках.

3.4. В отличие от английского языка, немецкие и украинские густативные прилагательные с позитивной оценкой образуются путем морфологической деривации.

3.5. Ряд оценочных прилагательных и существительных английского, немецкого и украинского языков приобретают густативное значение в художественном тексте. Отличительной особенностью оценочных прилагательных является то, что они обозначают не какой-то специфический вкус, а приятный / неприятный вкус без указания на эталонный носитель признака. Сема оценки у них выполняет дифференцирующую функцию.

3.6. Важной группой ГЛ оценочного значения являются прилагательные, оценочный компонент которых тесно связан с эмоциональным состоянием субъекта. Прилагательные в художественном произведении реализуют следующие оценочные значения: 1) гедонистическую оценку «вкусный» (при этом прилагательное указывает не на конкретный признак вкуса, а лишь на его оценку) в сочетании с эмоциональной оценкой «приятный»; 2) гедонистическую оценку «невкусный» (при этом прилагательное указывает не на конкретный признак вкуса, а на его оценку) в сочетании с эмоциональной оценкой «неприятный»; 3) нормативную оценку «соответствующий норме + оценка (+)»; 4) нормативную оценку «не соответствующий норме + оценка (-)» (испорченный, несвежий); 5) эстетическую оценку «некрасивый».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: КомКнига, 2006. 280 с.
3. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) 2-е изд. Москва: Просвещение, 2010. 264 с.
4. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Ленинград: Наука, 1976. 698 с.
5. Космеда Т. А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: засоби вираження категорії оцінки в українській та російській мовах: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.01, 10.02.02. Харків, 2001. 32 с.
6. Нарустранг Е. В. Практическая грамматика немецкого языка. Санкт-Петербург: Союз, 2000. 368 с.
7. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. Москва: Издательство ИКАР, 1997. 207 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
9. Потебня А. А. Мысль и язык. Москва: Лабиринт, 1999. 300 с.
10. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: КомКнига, 2007. 376 с.

11. Тихонова М. А. «Словарь оценочной лексики русского языка» как способ лексикографической интерпретации аксиологической семантики // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 112-121.
12. Якушина Р. М. Динамические параметры оценки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2003. 179 с.
13. Cava A. M. Evaluative lexis in science // A corpus based study in scientific abstracts. University of Naples, 2010. Pp.20-38.
14. Channel J. Corpus-based analysis of evaluative lexis // W. Teubert (ed.) Corpus linguistics. Great Britain, MPG Books Ltd, 2007. Pp.244-264.
15. Drew P. Integrating qualitative analysis of evaluative discourse with the quantitative approach of corpus linguistics // E. Tognini-Bonelli, & G. Del Lungo Camiciotti, (Eds.), Strategies in Academic Discourse. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2004. Pp. 217-229.
16. Ivanova S. V. Culturological modality in political media discourse // Media Linguistics Journal. Scientific Journal of the International Medialinguistic Commission of the International Committee of Slavists (sponsored by UNESCO). 2018. Vol. 5, No 2. Media Text: Structure, Composition, Tendencies Of Evolution. Available at: <https://medialing.ru/eng/2018-volume-5-no-2/>. (accessed: 07.11.2019).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. В. Т. Бусел та ін. К., Ірпінь: Перун, 2004. 1440 с. [ВТССУМ].
2. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. 2-е изд. М.: Рус. яз., 2000. 536 с. [ССЭНЯ].
3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary / ed. by E.Walter. Third Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1699 p. [CALD].
4. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Bibliographisches Institut Mannheim: Leipzig: Wien: Zürich: Dudenverlag, 2007. 2016 S.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Андрухович Ю. Московіада. Роман жахів. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2000. 140 с.
2. Андрухович Ю. Перверзія. Львів: ВНТЛ-Классика, 2004. 304 с.
3. Дімаров А. Біль і гнів. Київ: Україна, 2004. 926 с.
4. Котляревський І. Енеїда. Київ: Дніпро, 1969. 102 с.
5. Матіос М. Щоденник страченої. Львів: ЛА Піраміда, 2005. 192 с.
6. Brecht B. Dreigroschenroman // Gesammelte Werke. Bd. 13: Prosa 3. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1990. S. 730-1165.
7. Brecht B. Mutter Courage und ihre Kinder. (Eine Chronik aus dem Dreißigjährigen Krieg). Frankfurt am Mein: Suchkamp Verlag, 1963. 107 S.
8. Dickens Ch. The Adventures of Oliver Twist. M.: Foreign Languages Publising House, 1953. 551 p.
9. Lessing G. E. Minna von Barnhelm oder das Soldatenglück. (Ein Lustspiel in Fünf Aufzügen) // Ausgewählte Werke. Moskau : Ferlag für Fremdsprachige Literatur, 1954. S. 37-136.
10. Maugham S. Gigolo and Gigolette // Stories. Л.: Просвещение, 1976. С. 67-87.
11. Schiller F. Kabale und Liebe. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun. 1967. 111 S.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Volf, E. M. (2006). *Funktionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of

evaluation]. Moskva: Komkniga. (In Russ.).

3. Gak, V. G. (2010). *Sopostavitelnaya leksikologiya (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Comparative lexicology (based on French and Russian)]. 2-e izd. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).

4. Zhirmunskiy, V. M. (1976). *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic linguistics]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

5. Kosmeda, T. A. (2001). *Aksiologichni aspekty pragmalingvistyky: zasoby vyrazhennya kategoriyi otsinky v ukrayinskiy ta rosiyskiy movakh* [Axiological aspects of pragmalinguistics: means of expression of evaluation category in Ukrainian and Russian languages]: avtoref. dys. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01, 10.02.02. Kharkov. (In Ukr.).

6. Narustrang, E. V. (2000). *Prakticheskaya grammatika nemetskogo yazyka* [Practical grammar of German language]. Sankt-Peterburg: Soyuz. (In Russ.).

7. Pisanova, T. V. (1997). *Natsionalno-kulturnye aspekty otsenochnoy semantiki: Esteticheskie i eticheskie otsenki* [National and cultural aspects of evaluative semantics: aesthetic and ethical assessments]. Moskva: Izdatelstvo IKAR. (In Russ.).

8. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of a language]. Voronezh: Istoki. (In Russ.).

9. Potebnya, A. A. (1999). *Mysl i yazyk* [A thought and a language]. Moskva: Labirint. (In Russ.).

10. Stepanova, M. D. (2007). *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka* [Wordbuilding in modern German language]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).

11. Tikhonova, M. A. (2015). «Slovar otsenochnoy leksiki russkogo yazyka» kak sposob leksikograficheskoy interpretatsii aksiologicheskoy semantiki [«Russian Language Evaluation Vocabulary Dictionary» as a means to interpret axiological lexicographic semantics]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. No. 3. Pp. 112-121. (In Russ.).

12. Yakushina, R. M. (2003). *Dinamicheskie parametry otsenki* [The dynamic evaluation parameters]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Ufa. (In Russ.).

13. Cava, A. M. (2010). Evaluative lexis in science. In *A corpus based study in scientific abstracts*. University of Naples. Pp. 20-38.

14. Channel, J. (2007). Corpus-based analysis of evaluative lexis // In *W. Teubert (ed.) Corpus linguistics*. Great Britain, MPG Books Ltd. Pp. 244-264.

15. Drew, P. (2004). Integrating qualitative analysis of evaluative discourse with the quantitative approach of corpus linguistics. In *E. Tognini-Bonelli, & G. Del Lungo Camiciotti, (Eds.), Strategies in Academic Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing. Pp. 217-229.

16. Ivanova, S. V. (2018). Culturological modality in political media discourse. In *Media Linguistics Journal. Scientific Journal of the International Medialinguistic Commission of the International Committee of Slavists (sponsored by UNESCO)*. Vol. 5, No. 2. Media Text: Structure, Composition, Tendencies of Evolution. Available at: <https://medialing.ru/eng/2018-volume-5-no-2/>. (accessed: 07.11.2019).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Velykyy tlumachnyy slovnyk suchasnoiy ukraiynskoiy movy* [Large explanatory dictionary of the modern Ukrainian language]. K., Irpin: Perun, 2004. (In Ukr.).

2. *Slovar slovoobrazovatelnykh elementov nemetskogo yazyka* [Word Building Dictionary of the German Language]. 2-e izd. M.: Rus. yaz., 2000. (In Russ.).

3. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Ed. by E. Walter. Third Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

4. *Duden*. Deutsches Universalwörterbuch. Bibliographisches Institut Mannheim: Leipzig: Wien: Zürich: Dudenverlag, 2007.

ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Andrukhovich, Yu. (2000). *Moskoviada. Roman zhakhiv* [Moscoviada. Horror novel]. Ivano-Frankivsk: Lileya-NV. (In Ukr.).
2. Andrukhovich, Yu. (2004). *Perverziya* [Perversion]. Lviv: VNLT-Klassika. (In Ukr.).
3. Dimarov, A. (2004). *Bil i gniv* [Pain and anger]. Kiiyv: Ukrainya. (In Ukr.).
4. Kotlyarevskyy, I. (1969). *Eneyida* [Aeneid]. K.: Dnipro. (In Ukr.).
5. Matios, M. (2005). *Shchodennyk strachenoiy* [Diary executed]. Lviv: LA Piramida. (In Ukr.).
6. Brecht, B. (1990). Dreigroschenroman. In *Gesammelte Werke*, Bd. 13: Prosa 3. Frankfurt am Mein: Suhrkamp. S. 730-1165.
7. Brecht, B. (1963). *Mutter Courage und ihre Kinder*. (Eine Chronik aus dem Dreißigjährigen Krieg). Frankfurt am Mein: Suchkamp Verlag.
8. Dickens, Ch. (1953). *The Adventures of Oliver Twist*. M.: Foreign Languages Publising House.
9. Lessing, G. E. (1954). Minna von Barnhelm oder das Soldatenglück. (Ein Lustspiel in Fünf Aufzügen). In *Ausgewählte Werke*. Moskau: Ferlag für Fremdsprachige Literatur. S. 37-136.
10. Maugham, S. (1976). Gigolo and Gigolette. In *Stories*. L.: Prosveshchenie. Pp. 67-87.
11. Schiller, F. (1967). *Kabale und Liebe*. Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun.

Мохосоева Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей (e-mail: marinamohosoeva@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Mokhosoeva Marina N. – Candidate of Philology, Associate Professor of the English Language for Economic Specialities Department (e-mail: marinamohosoeva@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 21 октября 2019 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). <i>Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti</i> [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). <i>Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti</i> [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) <i>Cabbages and Kings.</i> In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 16 Выпуск 1 (47) 2020

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринёва

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 12.03.2020 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 16,28.
Тираж 100 экз. Заказ № 20-Март43.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.